

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА **РЛ** БОЛЬШИЕ КНИГИ

Валентин
Иванов

ПОВЕСТИ
ДРЕВНИХ ЛЕТ

« А З Б У К А »

Валентин Дмитриевич Иванов
Повести древних лет.
Хроники IX века в четырех
книгах, одиннадцати частях
Серия «Древняя история Руси», книга 1
Серия «Русская литература.
Большие книги»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69483058

*Валентин Иванов. Повести древних лет : Хроники IX века в четырех книгах, одиннадцати частях: Азбука, Азбука-Антикис; СПб.; 2023
ISBN 978-5-389-23867-1*

Аннотация

Валентин Дмитриевич Иванов (1902–1975) известен читателям прежде всего как автор эпохальных исторических романов, объединенных в условную трилогию, в которой нашли отражение узловые моменты истории Древней Руси, определившие ход ее дальнейшего развития. Откуда пошла Русская земля? Какова историческая миссия Древнерусского государства и каким было его становление? Варяги, викинги и «норманны» – кто они? Трилогия, обращенная к далекому,

овеянному дымкой легенд прошлому, вызвала много споров, однако имела огромный успех у читателей, стала классикой исторического жанра, была экранизирована и переиздается вновь и вновь. Вниманию читателей предлагается вторая часть трилогии – «Повести древних лет» (1955), а также тематически дополняющая ее повесть «Мне воздаяние...» (1968). На страницах «Повестей...» автор обращается к IX веку и увлекательно рассказывает о жизни наших далеких предков, переселенцев из Великого Новгорода. Обосновавшись на богатом побережье Белого моря, они мирно соседствуют с туземными племенами, но вскоре оказываются вовлеченными в жестокую борьбу с морскими разбойниками-норманнами во главе с Отгаром, бесстрашным и беспощадным викингом...

Содержание

Повести древних лет	7
Книга первая	7
Часть первая	8
Часть вторая	74
Часть третья	135
Часть четвертая	190
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Валентин Иванов

Повести древних лет:

Хроники IX века в четырех книгах, одиннадцати частях

© В. Д. Иванов (наследник), 2023

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Прошлое, сплетенное из многих нитей существования, намерений, дел народа, как бесконечный канат, никогда не разрывалось. Не было и не может быть так, что предки наши все разом бросали, все рвали и начинали новое. Сегодняшнее сплетено из вчерашнего, а завтра мы все плетем из сегодняшнего.

Валентин Иванов

Нам необходимо время от времени заглядывать в свое прошлое, чтобы в сутолоке исчезающих столетий не потеряться безродными; остановиться на миг, задуматься, спросить себя: кто мы? откуда родом? почему такие?

Исторические произведения В. Д. Иванова о Руси, обращенные к детству нашей нации, дают ответ на эти вечные вопросы, помогают постижению непрерывной связи поколений.

Валентина Путилина

Повести древних лет
Хроники IX века в четырех
книгах, одиннадцати частях

Книга первая
За Черным лесом

Русский народ всей своей громадной массой не мог вдруг в 862 году размножиться и разлететься сразу, как саранча, его города не могли возникнуть в один день. Это аксиома.

Ю. Венелин

Нет гения без длительного и посмертного действия.

Гёте

Часть первая

Беглец

Глава первая

1

Весной разливы неудержимо овладевают низменностями и щедро питают новгородские болота. Оставленные рекой стоячие воды летом ощетиняются осокой-резуном, подергиваются мелкой ряской, одеваются пушистым вейником. Кругом, на пойменной почве берегов, жирно удобренной волховским илом, щедро растут сочные травы, в которых прячутся хрящевато-ломкие стебли конского щавеля – лакомство мальчат-пастушонков. Осенью болотные воды прозрачно светлы, вяло пухнут бугры лохматых кочек, и жизнь цепенеет...

...Одинец с размаху бросился в болото. Сильный и ловкий парень легко кидал с кочки на кочку тяжелое, но послушное тело. Грузные сапоги конской кожи не мешали ему скакать легко, как длинноногому лосю.

Вдруг он почувствовал, что нога ушла в пустоту – на бегу

не отличишь рыхлого, одетого мхом пня от матерой кочки! Он не успел выправиться, рухнул во весь рост и, невольно хлебнув воды, вскочил. Ему вода пришлась лишь по пояс, хотя другому хватило бы и по грудь. Он рванулся, выскочил наконец-то на твердую землю и только тут посмотрел назад.

Трое вершников, нахлестывая коней, спешили к болоту. На краю они остановились. Переговариваются. О чем – отсюда Одинцу не слышать. Да нечего и слушать: не полезут они через болотину – кони завязнут. Круговой же объезд куда как далек! А солнышко уж западает, и светлого времени остается чуть. Иль захотят спешиться и пойдут, как он, через воду? Пусть покидают коней, он и от конных почти что ушел. Ночь ложится, лес – рядом, иди-ка, лови!

Утягиваясь за землю, солнце посылало светлые стрелы прямо в глаза Одинцу. Он закрылся ладонью и рассматривал вершников. Двое были свои, городские ротники, посланные, как видно, старшинами для поимки парня. Третий – чужак, в котором Одинец узнал молодого нурманна.

Да, не зря говорят старые люди, что с утра не хвались преклонить голову вечером на то же место. Нынче Одинец встретил на улице трех нурманнских гостей-купцов. Пожилой нурманн столкнул Одинца с дороги. Улица широка, иди, куда тебе надо, а позабавиться хочешь – давай. Еще кто кого покрепче пнет! Нурманн больно рванул Одинца за бороду. Тут схватились уж не для удали, не в шутку. Нурманн вцепился Одинцу в горло как клещами, и оба повалились на

мостовую. Одинец вырвался и со всей силой разгоревшейся злости хватил обидчика кулаком по лбу. Затылок нурманна пришелся на мостовой клади, и его голова, как глиняный горшок, треснула между жесткой древесиной и тяжелым, как молот, кулаком могучего парня.

Душой Одинец вины не чувствовал, но знал, что дело его худое и не зря за ним погнались ротники. По Новгородской Правде-закону за жизнь заморского гостя полагается платить большое бремя серебра.

Неимущего головника-убийцу ждет горчайшая из всех бед. Кому нечем оправдать виру, того, как скотину, навечно продают под ярмо. Рабом будешь жить, рабом отдашь последний вздох. Этот-то страх и гнал Одинца, как кровожадно-неотвязная гончая гонит робкого зайца. И была у него только одна мысль – уйти. А что под этой мыслью было неуклонное решенье не даваться живым, того он не знал.

2

Не отрываясь, Одинец глядел на молодого нурманна, который один спрыгнул с коня. На нурманне был натянут кафтан черного сукна с бронзовыми застежками на груди, широкие кожаные штаны и узкие короткие сапоги. Не вытяжные, как на Одинце, а зашнурованные спереди. У нурманна росла такая же короткая молодая борода, как у Одинца, только еще светлее, совсем как льняная кудель. На его голове сиде-

ла низкая и круглая валяная шапка, черная, как кафтан, с красной каймой. Такие шапки нурманны выменивали в Городе и для себя, и на вывоз. Их так и называли – нурманнки. На них удобно надевать шлем.

Одинец узнал нурманна: то был один из тех трех, которые ему так несчастливо перешли дорогу в Новгороде. К его седлу длинным ремнем был привязан громадный, с хорошего барана, лохматый пес. Эту породу нурманны с другими товарами привозили в Город на мену, а сами брали, как говорят люди, у фризонов, которые живут на закате за варягами. Такой пес пригоден и на медведя, и на тура, а волков душит, как щенят. И чутье у него тонкое.

«Без пса они бы меня не нашли, – думал Одинец. – А ныне что? Травить, что ли, хотят?»

Если молодой нурманн был родович убитого, то он по Правде мог взять, как мещанин, жизнь Одинца. Нурманн разрезал ножом затянувшийся узел ремня на шее пса, ухватил его за высокий загривок и принялся свободной рукой наглаживать против шерсти. Потом он показал на Одинца и заревел как леший:

– Ы-а! У-гу!

Пес рванулся. Не разбирая, он взбивал брызги и на глубоких местах скрывался за вейником. Злобный и страшный, он несся прямо на Одинца.

С тоской оглянулся затравленный парень. Ни камня, ни дубины! Но он тут же опомнился и сунул руку за голенище

полного водой сапога. Не отрывая глаз от пса, он нащупал резную костяную рукоятку и выпрямился, зажав нож в кулаке. В обухе клинок был толщиной в полпальца, а к лезвию гладко спущен. Одинец сам его отковывал и калил.

А пес уж вот он! Мокрый, со вставшей по хребту жесткой кабаньей щетиной, он выскочил из болота и как немой бросился на человека. Из ощеренной пасти сочилась пена и торчали длинные свиные клыки. За болотом молодой нурманн опять завыл и засвистал.

Одинец не слышал. Он выгнул спину и широко расставил напряженные ноги. Если пес сшибет, тут и конец! Парень прыгнул в сторону, извернулся, как в кулачном бою, левой рукой на лету подхватил пса снизу за челюсть, а правой ударил ножом со всей силой. Так один на один берут волка.

Одинцу показалось, что он ощутил короткое сопротивление ножу, но железо ушло легко, как в воду, до самого кулака. Вцепившись в челюсть, Одинец бросил пса и одновременно вырвал нож. Пес рухнул, будто побитый громом. Парень придавил ногой тушу в бурой медвежьей шерсти и торжествуя поднял руку. Разгоряченный схваткой и своей победой, он успел все позабыть. Он наклонился, вытер клинок о шерсть пса и сунул нож за сапог, на место.

Ошибка! Не следовало бы спускать глаз с того берега болота. Он услышал знакомый звук спущенной тетивы. Но поздно: в левое бедро впиалась стрела. Одинец рванул за толстое древко, и стрела оказалась в руке. Дерево было окраше-

но красным, а оперенье – черным. Нурманны любят черное с красным... Наука! Не зевай! От берега до берега далеко, тут только глупый не сумеет уклониться от стрелы.

3

Нурманн опять гнул лук. Одинец ловил, когда правая рука стрелка дернется назад, а нурманн, желая обмануть, медлил. Новгородские мальчишки и подростки любили играть в такую игру малыми луками и тупыми стрелами. А парни не брезгали позабавиться и из боевых луков.

Одинец скакнул влево и сам обманул нурманна, вызвав стрелу в пустое место. Но и нурманн был не так прост. Он держал запасную стрелу в зубах, и она скользнула над плечом парня.

Хоть нурманн и был, как видно, настоящий лучник, Одинец ничуть не боялся его. Через болото было побольше двух сотен шагов. Если бы, сговорившись между собой, метали двое – тогда несдобровать. Но лук был у одного нурманна. Своих послали взять Одинца, а не бить. А нурманн может бить, он мститель за своего родича.

После шестого раза нурманн пожалел зря бросать стрелы и залез на коня. А один из ротников заехал, сколько мог, в болото и закричал, наставив ладони перед ртом:

– Остаешься без огня! Без угла!

Это – изгнание. По Новгородской Правде тот, кто не под-

чинялся ей, ставился вне закона и никто не смел давать ему пристанища.

«Лучше мне пропасть в лесах, как собаке, чем продадут в рабы», – подумал Одинец.

Солнце уже зашло за Землю. На краю, за оврагами, из Города поднимались дымки. Всадники повернули коней. По болоту зарождался туман.

Ветер уснул. Одинец слышал, как в Городе стучали в била. Скоро запахнут ворота в городском тыне. Об этом-то воротные сторожа и предупреждали гулками ударами колотушек по звонким дубовым доскам, которые висели на толстых плетеных ремнях.

Из Детинца им отвечали редкие, густые звуки. Там били по выделанной бычьей коже, натянутой на громадную бадью. Нет больше Одицу ходу в Город...

Сердце парня сжалось горькой тоской. Пока его гнали, он не думал. Теперь же остался один, как выгнанная, худая собака...

Он все держал в руке стрелу и только сейчас заметил, что на ней нет наконечника. Железо, слабо прикрепленное к дереву, осталось в теле.

Одинец собрал воткнутые в землю нурманнские стрелы и повернулся спиной к Городу.

За болотом кустились черная ольха и тальники, спутанные малиновой лозой. Дальше расставился можжевельник, и в нем, в сумерках, мерещились то бык, то медведь, то че-

ловек. Сгоряча Одинец забыл о ране.

Парень глянул на небо и нашел Матку. Она хоть и малая, но главная среди звезд. Другие кругом нее всю ночь ходят, а она, как пастух, стоит на месте до света. Когда Солнышко, выспавшись, с другого края на небо полезет, Матка все звезды угонит на покой. Чтобы уйти от Города подальше, нужно Матку-звезду держать на левой руке.

Бедро начало мозжить. Парень нащупал рану. Наконецник засел глубоко, и его не удавалось захватить ногтями. Чтоб выковырять железо, придется дожждаться света.

За можжевельником пошел редкий кряжистый дубняк со ступенями крепких грибов на стволах. Совсем стемнело. Потянул ветерок, тревожно зашуршали уже подсушенные первыми заморозками жесткие дубовые листья. Железо в бедре мешало беглецу крепко наступать на левую ногу.

Одинец прошел дубы и уходил все глубже и глубже в сосновый бор, пока не выбрался на поляну. В середине чернели две высокие, матерые сосны, росшие от одного корня. Одинец нащупал глубокую дуплистую щель между стволами и выгреб набившиеся шишки.

Здесь будешь сзади укрыт от нечаянной беды. Хорошо бы развести огонь. В подвешенной к ременному поясу кафтана сумé-зепи нашлось огниво – тяжелый брусок каленого железа, но сам огненный камень – кремьень – запропастился. В темноте нового не найдешь. Одинец уселся и вжался спиной в щель. Вверху ночными голосами разговаривали сосны.

Изгнанник проснулся с первым светом. Ночной заморозок подернул поляну зябким инеем-куржаком. Ноги в мокрых сапогах так окоченели, что Одинец не чувствовал пальцев. Он шевельнулся, и боль в бедре напомнила о нурманнской стреле. С трудом встал на колени и одеревеневшими пальцами расстегнул пряжку пояса, стягивавшего кожаный кафтан. Шитые из льняной пестряди штаны поддерживались узким ремешком. В том месте, куда ударила стрела, пестрядь одубела от крови и прилипла к телу.

Сама ранка была маленькая, но за ночь мясо вспухло и затвердело. Опухоль вздула бедро, а самую дырку совсем затянуло. Железо спряталось глубоко, а знать о себе давало, стучалось в кость. Если что в теле застряло, нужно сразу тащить или уж ждать, когда само мясо его не начнет выталкивать...

Со вчерашнего полудня Одинец ничего не ел. Лето оставило на поляне много грибов. Сморщенные, заморенные холодом, они еще стояли, на вид как живые. Около широких бурых лепешек дедушек-боровиков семьями теснились младшие в коричневых шапках на толстеньких пеньках. Сухие сыроежки дразнились брусничным цветом. Сама же брусника выбрала малый холмик и щетинилась на мху под редкой высокой гоноболью. Приготовлено лесное угощенье, да не по Одинцу оно.

Небо высокое и лысое, без облачка. Туманом дышит проснувшийся лес – быть и сегодня погожему, теплому дню. Куда ж теперь деваться? Лес добрый: накормит, напоит, спать положит. Только без припаса, без нужной снасти не возьмешь лесное богатство. Нож есть, и то добро.

Одинец снял сапоги, размотал длинные мокрые полотнища портянок, стащил кафтан и рубаху. От холода на парне вся кожа пошла пупырышками, как у щипаного гуся. Накрыл кафтаном голое тело.

Рубаха была длинная, по колено, и шитая из целого куска толстой льняной ткани одним передним швом, с оставленной наверху дырой для головы. Было нетрудно зацепить крепкую льняную нить и вытянуть во всю длину. Одинец натаскал из подола пучок ниток.

Тем временем портянки подсохли. Одинец нарвал травы, заложил в сапоги свежей подстилки, обулся и оделся. Эх, не будь раны! В бедре сильно возилось нурманнское железо, дергалось, стучало. Зла на нурманна у парня не было совсем: брать кровь за кровь можно по Правде.

Он, сирота, жил с раннего детства в учениках-работниках у знатного в Городе мастера Изяслава и учился всему железному делу: и как железо из руды варить, и как ножи ковать, копейные, рогатинные и стрелочные насадки-наконечники, гвозди гнуть, делать топоры, долотья, шилья, иглы, тесла, заступы, сошники и всю прочую воинскую, домашнюю и ловецкую снасть. Во всем железном деле Одинец уже хорошо

мастерил. Не давалось одно, последнее и хитрое умельство: не мог он собрать по ровным кольцам, одно к одному, малыми молотами железную боевую рубаху – кольчугу.

Терпенья ли не хватало, или мешала ярая охотничья страсть лазать по лесам и болотам?.. Не бегал от работы Одинец. Изяслав же говорил, что парню вредит медвежья сила, от которой в руке Одинца лучше играл большой молот, чем малый, да еще – дурь в голове. Изяслав учил ремеслу сурово, не давая потачки, не скупясь и на обидное слово, которое хуже самого крепкого тычка.

Дурь дурью, зато калить железо парень умел до настоящего дела. Изяслав своего умельства не держал в тайне, а у Одинца хватало ума, чтоб все и понять, и запомнить.

По-разному калили поковки. В воде стоячей и в пробежной, в топленом свином жиру, в льняном масле – в черном вареном и в свежем зеленом, в говяжьих и в свиных тушах... Главная сила закалки крылась в наговорных словах. Пока железо понуждаешь горновым пламенем – одни слова говори, на волю вынешь – другие. В воде или в чем другом томишь – молви третьи. Для всего есть свои слова. И их нужно не просто сыпать, а со знанием. Чуть поторопишь речь или чуть промедлишь, и выйдет железо не такое могучее, не так оно будет рубить и резать. Наука!

Изяслав строг, у него всякая вина виновата. И укорял он ученика, и за волосы трепал, и по спине чем придется попадало. Учил: «Старайся, дурень, сдай кольчугу на пробу, вый-

дешь полным мастером».

Одинец без обиды терпел трепки и колотушки. И правда, плохо ли быть мастером и выпросить у Изяслава в жены дочку Зárенку. Отдаст... А не отдаст – убежим...

Решил Одинец сделать кольчугу за зиму, до первой воды. А теперь вот остался ни при чем. Из Города его выгнала нежданная беда. Не видать ему теперь ни Изяслава, ни его дочки.

5

Размышляя, Одинец сучил в ладонях нитки и свивал одну с другой. Навил несколько прядок, отскоблил от ствола сосны кусочек смолы, размягчил ее теплом руки и скатал со смолой заготовленные прядки. Получилась веревочка, плотная и крепкая, как оленья жилка. На концах Одинец сделал по петле.

Цепляясь за сосну, он поднялся. Трудно ходить. Ступишь, и боль бьет в колено и ступню, поднимается до пояса. Кое-как добрел до холмика, лег грудью, набрал вялых брусничных ягод и набил себе рот. Мшистый холмик оказался вблизи диким камнем, выросшим из земли. Таких камней повсюду много в Новгородской земле. За камнем открылась глубокая яма, налитая свежей водой.

Одинца ломала горячка, он пил жадно и много. За камнем толпился густой орешник. Одинец вырезал несколько тол-

стых стволиков, нарвал охапку тонких веток и потащился обратно к двойной сосне, как домой. Там он уселся на обжитом месте, ошкурил самый толстый ствол, острогал и к концам стесал заболонь. Он работал через силу, а все же лук скоро поспел. Дерево сырое и слабое, ни вдаль, ни крупного зверя не годится стрелять, вблизи лишь... Одинец натыкал кругом себя орешниковых веток и затаился за ними. Не то спал, не то грезил наяву.

Солнышко лезло и лезло на небо, уже встало над головой. Томно Одинцу. По телу бегут мураши, ползут от пяток и собираются на спине, хоть по времени уже уснули на зиму лесные муравейники. Ребра мерзнут, а голова горит. Во рту сухо, рану зло дергает. В ней, как живое, тукает и тукает новгородское железо с нурманнской стрелы.

А все же он сидел смирно и терпеливо держал на коленях готовый лук с наложенной на тетиву тяжелой стрелой.

Вниз, за полдень, повалилось Солнышко. Не раз слышались Одинцу живые звуки, хрусты веточек под чьим-то осторожным шагом, шорохи, будто дальний зов. В чащах пырхали рябчики, перепархивали хорошие птицы дятлы, пестря черно-белым пером. Веверица-белочка взбежала по сосне, завозилась в сучьях и сронила-бросила в человека старую шишку. Глупая синица-щебетуха слетела на воткнутую человеком ветку, закачалась и завертела носатой головкой – не понимает, кто это сидит под соснами...

Пришлось Одинцу увидеть и крутой рыжий бок лесной

коровы, безрогой лосихи, которая беззвучно прошла, как проплыла, краем поляны. Так и толкнуло в сердце! Эх, будь настоящий лук! А из этого лишь напрасно попятнаешь, на смех.

Грубо и громко захлопали крылья черного лесного петуха, глухого борового тетерева, который где-то сорвался с дерева. Сюда иль нет? С утра Одинец заприметил на поляне глухариный помет.

Здоровенная птица свалилась на брусничный холмик, огляделась и принялась жировать. Одинец выждал, пока глухарь показал хвост, и выпустил тяжелую полторааршинную стрелу.

Глава вторая

1

В Детинце били по воловьей коже, созывая людство на вече.

Затянутая желтой выделанной кожей широченная бадья из дубовых клепок, стянутых железными обручами, стояла на верху высокой башни Детинца. Двое бирючей раз за разом взмахивали деревянными молотами на длинных рукоятках.

Погода стояла ясная и тихая. В такое время голос вечевого

кожаного била слышится не только что на выходе реки Волхова из Мойска – озера Ильменя, но и на самом озере-море.

Дочерна осмоленные лодыи и мелкие лодочки-плоскодоночки причаливали к берегам, подходили к пристаням. Между рекой и городским тыном много мостков-причалов и пристаней на сваях. С помостов устроены съезды и дороги к воротам, чтобы было удобно везти в Город все, что прибывает Волховом.

А прибывает немало. И хлеб, и руда, и лен, и кожи, и скот, и рыба, и лес. Иноземные гости-купцы привозят многие товары и много купленных увозят. Волхов-река – большая дорога. А Новгород – этой дороги сердце.

На берегу на свободных местах торчат шесты с развешанными для просушки ловецкими сетями. Земля припорошена рыбьей чешуей, как инеем, и крепко припахивает тухлым. Ловцы бросают мелочь где придется. Над рекой взад-вперед тянутся чайки.

И по съездам с пристаней, и берегом, меж сетями, пробирались люди. Минуя низкие баньки, что стоят у реки, новгородцы через городские ворота втягивались в улицы.

Хозяева выходили из домов, низко кланяясь дверям, чтобы не разбить лба о притолоку. Гремели калитными кованого железа кольцами и из своих дворов, мощенных сосновыми пластинами, плахами и тесаными бревнами, выбирались на общие улицы. На улицах чисто и твердо – улицы, как и дворы, мощены деревянными кладями. По ним всегда удоб-

но и ходить, и ездить.

Кожаное вечевое било для разных дел зовет по-разному. По нынешнему голосу понимали: зовут народ для свершения судного веча – одрины.

На улицах люди останавливались и перекликались с соседями. На вече собираются по своему ряду и стоят не зряшной толпой, а по улицам. Между собой улиц нельзя путать, а самим улицам следует расставляться по городским концам. Каждой улице стоять за своим уличанским старшиной под общим старшиной каждого городского конца.

Каждый, услышав зов, тянулся на вече в чем был. Одежду люди носят по достатку и по работе. На вече же у всех хозяев равное место. Так навечно положено по коренной Правде-закону, на том стоит Город, как на скале. У кого есть свой двор – дом в Городе или в пригородах или своя обжа – изба в Новгородских землях, кто принял Новгородскую Правду, тот и свой.

Так пошло еще со старого города Слáвенска. Один за всех обязан стоять всей своей силой и достоянием, и за него все так же стоят. Нет и не будет различия между людьми, будь они рода славяно-русского, кривичи, дреговичи, радимичи, или меряне, или чудины, или весяне, или печерины, югрины и другие.

Нет голоса закупу, который проданся за долг, пока он не отработается. Нет голоса тому, кто нарушил Правду, и купленным рабам, которых нурманские гости-купцы привозят

на торг. А вольные люди все равны.

Боярин Ставр, старшина Славенского конца, чинно шел, будто плыл, со своего двора. С ним приказчики и наемные работники – захребетники и подсосудники. Боярин был одет в дорогой, привезенный от Греков кафтан. По красному сукну золотыми нитями расшиты невиданные птицы и цветы, а на спине олень с одним рогом, витым, как береста. На голове боярина высокая шапка из красного же сукна с тульей из лучшего черного соболя. В руке он держал резной полированный дубец – палку. Был обут в сапоги из зеленого сафьяна.

Боярин Ставр красив и строг лицом, борода и усы короткие, подстриженные, а щеки бритые. Его догнал железокузнец Изяслав, староста Щитной улицы Славенского конца.

На груди Изяслава лежит лопатой густая черная борода. Он в усменном, кожаном кафтане, без шапки. Длинные, по плечи, волосы, чтобы не мешали в работе, стянуты узким ремешком-кольцом. Изяслав, как видно, оторвался прямо от работы. Время теплое, а на кузнеце надеты валяные из овечьей шерсти сапоги, чтобы не поपालить ноги при огненной работе.

За Изяславом шло народу куда больше, чем за Ставром. Чуть ли не весь его двор. Пятеро сыновей, трое младших Изяславовых братьев, племянников больше десятка, ученики, подмастерья, работники. Народ почти все крупный и дюжий если не ростом, то плечами и грудью. С мужчинами шли

и женщины. Среди них младшая Изяславовна – дочь кузнеца Заренка. Обликом она в отца: черные косы, огневые глаза. Нынче девушка провожает свою пятнадцатую осень, а минет зима, и Заренка будет встречать шестнадцатую весну.

2

Внутренняя городская крепость Детинец сидела на высоком месте. Детинцевский тын высился аршин в двенадцать – в четыре человеческих роста. Снаружи был ров с переброшенными через него мостиками к воротам.

Тын строился из отборных, ровных сосновых и еловых лесин, которые зарывались в землю почти на треть всей своей длины. Бревна так плотно пригонялись, что между ними не было прозора. А был бы прозор – все равно ничего не увидишь. За первым рядом, отступя шага на два, забивался второй, за ним – третий и четвертый. Междурядья были доверху заполнены землей. Поверху легла широкая сторожевая дорога, прикрытая зубцами и щитами, чтобы снизу было нельзя сбить ротников ни стрелой, ни камнем. Такой тын трудно сломать, а зажечь почти невозможно, разве только греческим огнем.

Изнутри Детинца поднимается особый острог – башня. С башни видны улицы Города, который опоясан таким же тыном, и вся округа видна – дальний ход Волхова на север к Нево-озеру, на полудень – Ильмень-озеро, а на восход солн-

ца, за Волховом, – новые концы, которые свободно расползлись, без тына, не как старые.

Город живет крепко. На своем языке нурманнские гости-купцы называют Новгород Хольмгардом, что значит Высокий, попросту сказать – неприступный город.

Под Детинцем оставлена свободная от застройки широкая площадь – торговище. Здесь все новгородцы встречаются друг с другом и с иноземными купцами для купли, продажи, обмена. В торговище улицы вливаются, как весной ручьи талых вод в Ильмень. Оно мощено, как улицы, деревянными кладями. В любое время года не только что проедешь – пройдешь, ног не запачкая.

Иноземные купцы держали в Новгороде собственные гостиные двory. Там гости и жили, там и хранили свои купленные товары. Большая часть иноземных дворов выходила на торговище. Строены они сходно. За забором из заостренных лесин в одно или в два бревна поставлены теплые избы для жилья и клетки для склада товаров, все под тесовыми или щепяными крышами. Таковы двory Греческий, Готьский, Свейский, Варяжский, Нурманнский, Болгарский и другие.

Если глядеть сверху, с башни Детинца, строения кажутся приземистыми. Вблизи же – не то. Тесно во дворах становится от богатства, а рядом места нет, чтобы расшириться. В два и в три яруса ставят и дома, и клетки, живут в верхних ярусах – нижние для товаров назначены.

Впрочем же, и во многих городских дворах так начали

строиться. Зажимает городской тын, а людство все множится и множится. Многие городские хозяева ставят дома в два яруса, хоть оно и непривычно. От тесноты новые концы перебросились через Волхов, а на этом берегу остались старые – Славенский с Плотническим.

...Собрался народ, и смолкло било. По известным заранее местам люди расставились по торговищу за своими уличанскими старшинами. Кончанские старшины вышли на середину. Из них старший Славенского конца старшина Ставр-боярин.

Ставр поднял дубец, и говор утих. Старшина объявил людству, что сильно жалуются нурманские гости, а в чем, то скажут сами. Нурманны готовы. Они отвалили ворота своего двора и полились на торговище.

Их было десятка три, в длинных, почти до пят, плащах черного и зеленого сукна с горностаевыми оторочками. Иные в железных шлемах. Видно, что плащи оттопыриваются мечами. Нурманские мечи не слишком длинные, но толстые и крепкие. Таким мечом умелая рука может и кольчугу пробить. Нурманны любят ходить с оружием. Но ныне не в бой они шли, щитов и копий не взяли.

Они подошли рядами к Ставру и подняли руки в знак приветствия. А из ворот за ними двое рабов вытащили длинные носилки под холстиной. Поднесли их к Ставру и откинули полотно с покойника, чтобы все могли увидеть – не праздно жалуются нурманны.

Убитый был мужчина большого роста, а лежа казался еще бóльшим. Длинная борода и длинные волосы отливали огненно-рыжим цветом и были склеены запекшейся кровью.

Старший нурманн заговорил громко и по-русски. Он рассказал, что убитый звался Гóльдальфом Могучим, имел много земель и рабов, владел двумя большими морскими лодьями-драккарами, был ярлом – князем, и все его почитали. Не простой был человек Гольдальф, не безродный простолюдин, безвестный, как рожденный под забором щенок. Был он знаменитого рода Юнглингов. Те Юнглинги ведут начало своей крови от бога Вóтана, владыки небесного царства Асгарда. Кровь потомков Вотана превыше крови всех других людей, которые есть и которые будут!..

Новгородцы слушали терпеливо. Нурманны любят и умеют красно поговорить. Слыхали новгородцы и про Вотана, и про Юнглингов. Всяк кулик свое болото хвалит. Однако у вотанских детей голова не крепче, чем у других. Пусть толкует нурманн, он в своем праве. Плохое дело – вот он, покойник-то. Правильно жалуется нурманн, не уйти от Правды, да и нечего от нее уходить.

Потихоньку вышли к вечу и swei, которые рядом с нурманнами живут и почти ничем от них не отличаются. Из sweйских товаров хорошо железо. Варяги – это ближайшие соседи, их земли по морю лежат на закат от новгородских. Речь варягов со славянской схожая. И готские гости, которые живут за варягами, и длиннолицые греки, и черные бол-

гары, и желтые хазары...

Иноземные гости хотят знать, как вече решит жалобу нурманнов. Их ведь самих может завтра же коснуться какое-либо судное дело.

Староста нурманнов от имени всех нурманнов требовал, чтобы убийцу поймали и выдали. Чтобы все людство его искало и нашло! По своему обычаю, нурманны сожгут убийцу на погребальном костре ярла Гольдульфа. Так убийца примет за кровь Юнглинга Гольдульфа на земле заслуженную кару, а Гольдульфа проводит до двери Асгарда, отчего убитому будет удовольствие и благо!

Ишь чего захотел! Зароптал народ. Нет в Новгороде такого закона, чтобы людей живьем жечь. Пошумели и стихли. Ставр позвал:

– Изяславе! Головник Одинец с твоей улицы и у тебя живет в захребетниках. Первая речь в ответ обиженным нурманнским гостям твоя будет.

– Вышло худое дело, – начал слово Изяслав. – Велики и обильны Новгородские земли, новгородские люди славны, Новгородская Правда крепка честным и строгим судом. Коль не будет порядка, коль вина пройдет без кары, земли стоять не будут. Судить же мы будем по нашей Правде, а не иноземным обычаем. О чем нурманны жалуются, мы по чести обсудим.

Вызвали видоков. Видоки рассказали, как Гольдульф шел по Кончанской улице и, встретив Одинца, того сильно толк-

нул. Был Гольдильф будто бы пьян, но на ногах стоял крепко. Они оба задрались, но без оружия. Одинец сбитого наземь Гольдильфа хватил кулаком по лбу. А держал ли что в кулаке парень или не держал, этого видоки не заметили.

Другие видоки показали, что парень Одинец был быстро-го, непокорного и смелого нрава. Из юношей он недавно вышел, однако уже считался по городу из хороших кулачных бойцов.

А с умыслом ли убил Гольдильфа или без умысла, того не знают.

Ротники, которых посылали за беглым головником, рассказали, как они его ловили и как он ушел в лес.

3

Боярин Ставр происходил из числа самых богатых новгородских купцов. Он получил большое имение от отца и сумел богатство еще умножить. Ставру приходилось сплывать по Волхову в Нево-озеро, по Нево-реке – в Варяжское море и морем – в знаменитый город Скирингссал. В Скирингссале собирались купцы со всего мира. Как и другие новгородцы, Ставр без опаски пускался в далекие, но прибыльные путешествия. В Новгороде и в пригородах постоянно гостили нурманнские и другие купцы. Они были как бы заложниками за новгородцев, которые забирались в чужие земли.

Ставр знал, что нурманны правильно, по своему закону,

требуют выдачи головника. Чего бы с ними спорить? Гольдальф был человеком видным, знатным. Одинец же хоть и вольный, но простой людин, без роду, без имения. Мало ли таких молодых парней?! Однако же нет в Новгородской Правде такого закона, чтобы можно было выполнить желание нурманнов. Ставр дорожил дружбой нурманнов, знал, что они злопамятны и мстительны, могут и на него затаить злобу. Если бы можно было решить суд без народа... И где его возьмешь, Одинца?..

Боярин задумался, оперся на дубец и пошатнулся. Свои подхватили Ставра под руки, и он сказал тихим голосом:

– Мне неможется. Не то горячка, не то лихоманка напала. Домой ведите.

Боярина бережно увели, а он голову опустил, будто сама не держится.

Старшим после Ставра остался на вече Гюрята, старшина Плотнического конца. У Гюряты в Городе хороший двор, и людство его уважает. Гюрята не купец, а знатный огнищанин. У него за Городом на день пути заложены огнища, расчищенные палом от леса и удобные для пашен и пастбищ. Обширные земли Гюряты закреплены за владельцем по Новгородской Правде: «где твой топор, соха, коса и серп ходили, то – твое».

Гюрята имел большие достатки и держал много работников. А видом и жизнью был прост, не то что Ставр. И на вече Гюрята пришел в простом кожаном – усменном кафтане,

валяной шляпе и в сапогах конской кожи. Он не стал тянуть дело:

– Признаете ли, что молодой парень Одинец, и никто другой, лишил жизни этого нурманнского гостя Гольдальфа?

– Признаем! – ответило людство.

Если люди признали, то старшина обязан тут же объявить приговор. Знает закон Гюрята, ему думать нечего.

– Нурманны у себя по-своему судят, нам к ним не вступать, и им к нам не мешаться. По нашей Правде судить будем. Нурманнам взять с Одинца пятнадцать фунтов серебра. А как он сам сбежал и как нет у него ни двора, ни прочего владения, то нурманнам не быть в накладе. Головник из Славенского конца, Славенскому же концу из своей казны за него и платить нурманнам, чтобы им не было обидно. Сам Одинец навечно из Города изгоняется, пока долг не отдаст. И никому бы его у себя не держать. Кто его сыщет, пусть в Город ведет, чтобы он за свой долг собой ответил. Правильный ли суд? Принимаете ли?

– Принимаем! – закричали люди. За криком не было слышно, как в голос зарыдала Изяславова дочка Заренка.

Гюрята продолжал:

– Коли нурманны захотят убитого в свою землю везти, им от Славенского конца будет дана дубовая колода и цеженого меда сколько нужно, чтобы тело залить и довести в целости. Коли захотят здесь захоронить, им место отводится, и Славенский конец для костра дров подвезет, сколько нужно. А

цена всего – опять на Одинце.

И это народ одобрил дружным криком. Однако не кончил Гюрята. Когда перестали кричать, он велел несогласным выйти вперед. Дружки не выдали своего, смело вышли кучкой и говорили, что виру следует сбавить, ведь Гольдульф сам первым задрался.

Что парни – малость! Говорят пустое, у них нет ума. Непростое дело убийство иноземного гостя, то Гюрята хоть и не купец, а понимает не хуже других старшин. Погрозился он на парней:

– И вам всем наука! Полегче кулаки в ход пускайте!

С тем людство и разошлось с судного вечера – одрины. Общее дело решили, пора и к своему, зря времени не теряя.

Глава третья

1

Знатный железокузнец Изяслав живет на Щитной улице, ближе к речному берегу, чем к Детинцу. Изяслав давно правит старшинство своей улицы.

Двор у него большой. Хозяин не выделил женатых сыновей, держал их при себе, как и двух старших дочерей с мужьями. Только одну на сторону отдал.

Владение Изяслава обнесено высоким забором из получетвертного горбыля по дубовым столбам. Войдя во двор, сразу и не поймешь, где и что находится: двери, крытые переходы, крыльца. Оконца малые, затянутые бычьим пузырем, но в иных частые переплеты заполнены кусочками тонкой слюды. В холодных клетях для света прорублены узкие щели, а где и все стены глухие. Нужен свет – можно и двери распахнуть. Оконные наличники в красивой разной резьбе: уголки, крестики, дырочки, полумесяцы – деревянное кружево.

Земли под ногами нет: дворы сплошь выстланы гладко тесанными бревнами. Начнет какое крошиться, его рачительный хозяин заменит. В глубине первого от улицы двора строение расступается, давая проход во второй, крытый двор. За вторым двором прячется третий. Большое хозяйство, и каждому нужно место. Без малого семь десятков народа живет в Изяславовой руке. Одним он отец, другим деверь и тесть, третьим старший брат или родной дядя, меньшим дед и всем – хозяин.

По возвращении с судного веча Заренка так спряталась, что мать ее насилу нашла. Хозяйка Изяслава родом чудинка. Она высокого роста, под стать мужу. Лицом белая, сероглазая, волосы льняные. Изяслав черноволосый, его лицо и руки навек темны от угля и железа. Муж и жена рядом, как ночь и день, а живут ладно, душа в душу.

Заренка забила в теплой избе за родительскую кровать

и натащила на себя меховую рухлядь. Раскопала мать. Лежит девушка, дышит часто, слез нет, а плакать хочется.

– Ой, матынька, – шепчет она, – горько мне, навечно его из Города выгнали, навечно нас разлучили...

Мать легла на постель, притянула дочку, баюкает ее, как дитя, утешает:

– Ты моя малая, ты моя неразумная, не один есть на свете такой парень, как Одинец, мы еще лучшего тебе найдем.

Самой же до слез жаль дочь, жаль пылкого и быстрого девичьего сердца, которое сразу не вылечишь никаким словом, никаким убеждением. А дочь жметя к матери, просит:

– Помоли тятю, он все может, чего ни захочет...

Легко сказать, а как сделать? Заренка последнее дитя, самое любимое отцом. Ох, худо... А о чем отца молить? Сделанного назад не вернешь, нурманна не поднимешь, чтоб ему на свет не родиться было, окаянному!..

Изяславова хозяйка Свѣтланка не любит нурманнов. У них что купец, то и боец-разбойник. Кто же не знает, что повсюду творят дикие нурманны во всех землях?! Они если и с товарами придут для торга, то сами только и разглядывают, не сподручнее ли невзначай напасть и силой барыш взять, а не торгом. В Городе и в новгородских пригородах нурманны тихие: знают новгородскую силу. А дальше, во всех землях, по варяжскому берегу и другим, всюду, куда можно приплыть на лодьях и в земли подняться по рекам, нурманны хуже черной чумы. Они, ничем не брезгуя, грабят имения,

бьют старых, а молодых ловят в рабство.

Светланка была малой девочкой, когда на их село напали нурманны. Мало кто уцелел. После того отец Светланки бросил пепелище и ушел в Новгород. И этот ярл-князь Гольдульф был такой же разбойный купец. Две морские лодьи имел, как про него сказал нурманнский торговый староста. Немало зла наделал людям Гольдульф. Мать не может признаться дочери, что ей самой Одинец милее сделался после того, как разбил нурманскую голову. Но как и парню, и дочери помочь?

За думами и утешениями хозяйка чуть было не пропустила свой час. Хорошо, что меньшая сноха спохватилась. Вбежала и зовет:

– Маменька, не время ли мужиков к столу кричать?

Светланка выскочила во двор и видит по Солнышку – уже пора.

2

Стол, длинные и узкие, поставлены в два ряда. С одной стороны к ним вплотную приставлен малый стол, для хозяйина и его старшего сына. Остальные домочадцы садятся на скамьи как кому вздумается. Женщины с мужиками вместе не едят, им не до того. Пока одни по дворам скликают мужиков, другие расставляют миски, по одной на четверых, раскладывают горками хлеб, резанный на ломти, и бросают лож-

ки. В мисках дымится горячее варево из мяса, капусты и разных кореньев.

Голодные мужики собираются быстро, чуть не бегом, садятся, разбирают ложки и ждут, краем глаза следя за хозяином, когда он к своей миске протянет ложку. Тут же все разом берутся. Едят без спешки, однако и отставать от других тоже не приличествует.

А хозяйки от печи целятся коршунами, следят, все ли на столах имеется. Заметят, что хлебушко убыл, подкладывают. Которые успели и миску опорожнить, тем предлагают: не добавить ли?

За первым блюдом хозяйки, без перерыва, подают второе: крошенную ножами вареную говядину, или баранину, или свинину, или дичину. За вторым блюдом подают третье – кашу.

Как всегда, утоляя первый голод, мужики ели горячее молча. За вторым блюдом заговорили и мужики, и женщины. Об одном речь, об Одинце, который еще вчера здесь сидел, за общим столом. Никто его не хулит, все жалеют. Такой шум поднялся, что Изяслав не утерпел – прикрикнул. Заренка стояла, прижавшись к теплой печи, и не сводила глаз с отца.

За третьим блюдом хозяйки начали поторапливать тех мужиков, которые отстали от других, но не могут от миски оторваться, хотя уж чуть дышат. Пусть едят, не жалко. Но женщинам самим хочется скорее сесть за стол. Они тоже с утра

голодны. От душистого запаха горячего, от каши с только что давленным зеленым конопляным маслом у них слюнки текут. Пора мужикам от стола – да из избы, чтобы дать свободу хозяйкам с малыми детьми.

Таков порядок и у Изяслава, и во всех новгородских домах. Что в доме, то все принадлежит хозяйкам. И к погребным запасам, и к съестному в клетях прикасается лишь женская рука.

Мужик в женские дела не входит. Без хозяйки муж голодный насидится, но не прикоснется к печной заслонке, не поднимет творила в погребе, не сунется в хлебный ларь. Таков обычай. Не зря говорится, что без хозяйки нет хозяину ни ковши, ни куска. Хозяйка в почете.

Изяслав почитал Светланку за умелое и рачительное домоправство. Но одного почета мало. Любил муж жену поначалу за женскую красоту, а с годами еще больше полюбил за разумный, добрый нрав, за совет, за удачных, ладных детей. Изяслав не противился, когда после стола Светланка его удержала, чтобы поговорить с глазу на глаз.

Заренка к отцу молча приласкалась, как полевая повилика. А Светланка прямо спросила:

– Как же мы теперь будем с Одинцом-то?

Изяславу не понравилось, нахмурился. Ему и самому Одинец был хорош, но теперь ничего не поделаешь. Добро еще, что парень живым и на свободе остался, а в Город ему ходу не будет. Он должен Городу пятнадцать фунтов серебра

– где же ему их взять?

Заренка шепчет:

– А ты, тятенька, его выкупи, выкупи, родимый!

Изяслав рассердился и даже отвел от себя рукой дочь:

– Эх придумала! Где же я такое место серебра возьму?!

Горько заплакала Заренка. Отцовское сердце как свеча тает от дочерних слез.

– Опомнись, доченька, – сказал Изяслав. – Если бы было у меня так много серебра и я бы его Городу отдал, что Одинцу делать? Нурманны его кровники. Вернется Одинец, и придется ему во дворе сидеть без выхода. Если его нурманны зарежут, с них ответа не будет. А Одинец убьет или кого-нибудь из них ранит в защите, ему придется отвечать за вторую кровь. Наша Правда иноземных гостей строго охраняет.

Заренка вскипела, слезы пропали:

– Коли так, я за ним побегу, найду его и с ним еще дальше уйду!

Ох уж вы, детушки! Малы вы – и заботы малые, подросли – и заботы выросли. Не знает Изяслав, что делать с дочерью: не то сердиться, не то ласкать. Подумал он, что пора бы девушку отдать замуж, но ничего не сказал, только покачал головой и пошел из избы. Дня оставалось мало, а работы много. Ужо ночью с женой на одной подушке будет додумывать, как дочернему горю помогать. Одинец парень хороший, и мастер из него будет, но характером он непокорен, самоволен и упрям. И без наложенной на Одинца виры не раз и не

два подумал бы Изяслав, брать его в зятя иль не брать.

3

Вечером пятеро нурманнов подошли к воротам двора старшины Славенского конца Ставра. Постучали калиточным кольцом, и за тыном глухо отозвались псы.

Ставр держал фризонских собак, которые хороши не только для медвежьей и кабаньей охоты, а и для двора. Они ворчат не громко, но такими голосами, что сразу отбивают охоту войти даже днем. А ну как псы спущены с привязки?

У боярина дом двухъярусный, и нурманнов провели в верхнюю светлицу.

Ставр владел и огнищами на близких к Городу землях и держал рыбные ловли на Волхове и Ильмене. Но главное его богатство шло от торговли. Он повсюду в Городе и в Новгородских землях старался скупать бобровые, собольи, куньи, выдровые, рысьи и беличьи меха. Меха давали Ставру иноземные товары, которыми он торговал в Городе. И еще Ставр торговал серебром, давая его в рост под большие прибыли малым купцам, которые вели дело на заемные деньги.

Кроме серебра и мехов, боярин не брезговал и всеми другими грубыми товарами. Простые, тяжелогрузные товары Ставр уступал на месте иноземным купцам: мед, воск, сало, кожи, товары валяные, щепные, гончарные, железные. А дорогие меха мог бы тоже сбывать в Новгороде, но их он пред-

почитал отправлять к Грекам. Так барыши бóльшие.

К Грекам путь дальний. От Ильменя поднимаются по Ловати и волоками тащатся в Днепр. Уходят по большой воде после вскрытия рек, чтобы вернуться в Город до зимы. Сверху до Киева везде по рекам и по Днепру живут люди рода славяно-русского. В самом Киеве сидит князь и правит делами согласно с лучшими людьми избранного веча по Правде, сходной с Новгородской. Потому-то от Новгорода и до Киева мирно, и торговые лодьи ходят без опаски, среди своих.

Пониже Киева лесам конец. Там степи, заросшие травами, которые скроют коня со всадником. И плыть надобно не вразбивку, а стаями, держать крепкую стражу: только и смотри, чтобы не налетели неведомые разбойничьи люди.

Внизу Днепра живут первые по пути Греки, то будет уже на берегу моря Понта. Кто не хочет плыть дальше через море, может этим Грекам продавать товары с хорошими барышами. Смелый же пускается на полудень прямо через Понт.

Ставр плавал через Понт, где двадцать дней не видно берега, до великого города Восточного Рима – Византии. Выручил большие прибыли и за одно лето сильно разбогател.

Светлица в доме Ставра с ясными окнами. В оконницы вставлены не пузырь и не слюда, а стекло, которое ничуть не затемняет дневного света. Лавки покрыты мягкими коврами. В углу поставец с зеркалом, в котором человек может увидеть свое живое отражение. Почетных гостей Ставр угощает не из ковшей, а из высоких стеклянных кубков, оправ-

ленных золотыми веточками и проволоками. Все это привезено из Восточного Рима самим хозяином. Умеют и новгородские мастера делать красивые кубки и ясные зеркала, но боярину Ставру не нравится своя работа. Он не любит жить простым укладом, как Изяслав или Гюрята.

Ставр усадил нурманнов на скамьи. К ним вышла дочь боярина, девушка со строгим, красивым лицом, и поднесла по обычаю, с поклоном и поцелуем, дорогое иноземное вино. Последнему поклонилась отцу и покинула покой.

Вбежали босые слуги в длинных белых рубахах и расставили блюда с дичиной, со сладкими медовыми закусками, жбаны пива, вина, крепкого меда. Притащили жареную и вареную кобылятину, до которой нурманны большие охотники.

Ставр хорошо понимал по-нурманнски, а нурманнские гости разумели по-русски. Никто из нурманнов не напомнил боярину нынешний суд и его, боярина, неожиданную болезнь.

Они беседовали о Восточном Риме. Ставр пристально приглядывался к римским порядкам. Там не так, как в Новгороде. Там простые людины послушны. Всем правит самовластный кесарь, слушая советов тамошних больших людей. А чтобы держать народ в послушании, кесарям служат хорошие дружины из иноземцев. Иноземные дружинники живут в Риме в отдельных крепостях, кроме кесаря и больших людей, никого не знают и не общаются с простыми людьми. Обычай разумный – дружинникам не жалко бить людей при

усмирении непокорных.

Нурманны не удивлялись рассказам Ставра. Они слышали о римской жизни. В иноземных кесарских дружинах служат не одни варяги со славянами. С ними попеременно и нурманны держат римский народ в подчинении кесарям. Кесари платят хорошо, а все же служба – подневольное дело. Нурманны не любят послушания, им бы самим устроиться господами.

Не в первый раз ведет Ставр с нурманнами кривые речи, пряча в словах недомолвки и намеки.

Глава четвертая

1

Под могилу убитого нурманнского ярла Гольдульфа Город отвел место часах в двух хода от городского тына. Хорошее место, видное, на ильменском берегу, чтобы покойнику было свободно.

День выпал ясный и теплый, со светлым, добрым Солнышком. На небо глядя, скажешь, что Лето обратно вернулось на Землю. Но на ракитнике вялы битые заморозками, по-осеннему печально опущенные редкие листья, березы уже сбрасывают желтую листву, побурела огрубевшая трава

– отава.

Нет, не скоро Лето вернется. Уже запирает близкая Морена – Зима Небо железным ключом. Уже более нет с Неба выхода веселому грому с золотыми молниями, от которых бежит вся нечистая злая сила.

С сивера на полудень тянут косяки пролетной водяной птицы. Курлычат длинноносые журки, глаголят гусиные стаи. Все струнулись со своих выводных гнездовий. Вон и лебеди. Они, в отличие от других крылатых, плывут в небесном море семьями, в стаи не собираются. У кого острый глаз, тот отличит по серому перу молодых от стариков.

Откуда же тянет несметная птичья сила? Отовсюду. Одни с Новгородских земель, другие от нурманнов, от лопарей – карелов, из-за веси. Иные же совсем неизвестно откуда. Как бы далеко ни забредали вольные новгородские охотники, всегда весной и осенью над их головами проходили пролетные птицы. Как видно, есть на далеком сивере неведомые земли.

Мир велик. Одно Солнышко его знает, ему одному сверху все видно. Нурманны рассказывают, что на сивере за их земель лежит предел всему миру. Там океан-море льется вниз в бездонную черную ямину, в которой гибель человеку и всему живому. Там сидит злой бог Утгарда – Локи и ждет неминуемого конца белого света.

Новгородцы не верят рассказням нурманнов. Нет ни черной ямины, ни злого Локи. Есть доброе Солнышко – Дажь-

бог, оно сильнее всех, и ему не будет конца.

А нурманны верят. Они молча шли с телом ярла Гольдульфа к месту, отведенному для погребения. Были они в кольчугах и бронях, со щитами, копьями, мечами, с луками и колчанами, полными стрел.

Носилки с Гольдульфом везли четверо коротко остриженных рабов с железными ошейниками, одетых в грязные льняные кафтаны. И еще пятерых рабов, связанных сыромятными ремнями, нурманны гнали с собой.

Они двигались воинским строем, кабаньей головой. В первом ряду двое, за ними трое, потом четверо. В каждом ряду прибавлялся один боец – до десятка. Потом строй убавлялся по одному человеку и заканчивался, как впереди, двумя бойцами.

Посторонних не было никого. Нурманны не любят, чтоб на их похоронные обряды смотрели чужие.

Новгородские старшины сдержали слово. Березовые, сосновые и еловые стволы, очищенные от сучьев, были сложены костром. Он возвышался как холм, на три человеческих роста и шагов на сорок по окружности. Для подтопки были готовы колотая щепка и береста.

Все нурманны, кто находился в то время в Новгороде, пришли на похороны ярла Гольдульфа. Собралось до полутора сотен. Они встали перед костром полукругом.

Друг и торговый товарищ Гольдульфа, ярл Агмунд, владетель фиорда Хуммербакен, сбросил с носилок покрывало

и посадил мертвеца, чтобы он видел всех и его видели все.

Владелец фиорда Сноттегамн, ярл Свйбрагер, славившийся как скальд – певец-хранитель преданий, протянул руки к Гольдульфу и запел:

Дети Вótана,
слушайте песнь,
слушайте слова,
Вотан с нами.

Нам сильные Норны
И воля Вотана
измерили меру
и дней и часов.

Избегнуть Судьбины
никто не старайся,
урочное время
нам только дано.

Скальд умолчал о битвах, в которых участвовал Гольдульф, о добыче, которую он захватывал, о богатстве, скопленном мечом и торговлей. Что во всем этом, когда Вотан отказал Гольдульфу в достойной смерти, не дал ему лечь в сражении! Свйбрагер не мог воспеть смерть Гольдульфа, и, напоминая холодному трупу о непреложности судьбы, которой боятся даже боги, он утешал ярла, убитого кулаком новгородского простолюдина:

Тайны не скрою
от храброго мужа,
что пользы не будет
бороться с Судьбою.

Перед носилками поставили на колени связанного раба, молодого, светловолосого, сильного. Свиграгер вцепился в короткие волосы раба, поднял его опущенную голову и закричал:

– Смотри, могущественный Гольдильф! Вот твой убийца! Вот русский, Одинец! Насладись его кровью!

Свиграгер проткнул острым толстым мечом шею нареченного Одинца. Кровь хлынула на труп.

Гольдильф бесстрастно смотрел тусклыми, мертвыми глазами на ярла-скальда, который зарезал с теми же словами и второго раба.

Но Агмунд, который поддерживал труп ярла, воскликнул:

– Гольдильф принял жертвы и узнал убийцу! Смотрите, рана на голове ярла сделалась влажной!

Кровью трех последних рабов окропили костер, чтобы она поднялась в Валгаллу с Гольдильфом. Великий Вотан любит запах человеческой крови.

Гольдульфа на черном суконном плаще подняли на костер. Рядом с ярлом положили его оружие, в ногах – тела зарезанных рабов. Господин и рабы. Вестфольдинги-нурманны, дети племени фиордов, уверены, что таким, из господ и рабов, Вотан создал мир и таким мир будет до своего конца. Сын племени фиордов – господин. И там, где он еще не правит, он будет править. Он – Сила. Сила правит и будет править миром до последнего часа.

Снизу побежали огоньки и завились вверху в черном и сером дыме. Солнышко заслонило от нурманнов густым дымным облаком. Дерево шипело и трещало и вдруг разом вспыхнуло. Так ярко забушевал желто-красный огонь, так принялся палить, что нурманны прикрыли лица и отступили от костра.

Чтобы не видеть того, что делается на Земле, чтобы не слышать страшного запаха погребального костра ярла Гольдульфа, еще выше поднялись в небе стаи безгрешной доброй птицы.

Огонь допылал, костер рассыпался пеплом, смешался прах человека и дерева. Нурманны дружно взялись за работу и набросали высокий, крутой холм. В нем навечно, до конца мира, должен сохраняться пепел сожженных тел.

День пошел на вторую половину, небо опустело от птиц. В

воздухе на легких паутинках плыли по своим невидимым дорожкам легонькие маленькие паучки. Нурманны двинулись в обратный путь. Они шли вразброд и глядели на Город.

Хороший город... У самих нурманнов, у свеев, у датчан, фризонов, валландцев, саксов, бриттов и англов нет таких городов. Между собой нурманны называют русскую страну богатой Гардарикой, страной городов.

Через этот Город идет торговая дорога к Грекам. Тот, кто завладеет им, будет господином дороги.

Хольмгард разрастается как лес. Ему мало одного берега реки, он и другой начал захватывать своими улицами. Он владеет хорошими землями. Из его земель год от году все больше идет драгоценных мехов. А простого товара – беличьих шкурок, овечьих, бычачьих и звериных кож, птичьего пуха, сала, меда, воска – не счесть...

Нурманны думают о богатстве Города, об отличных мастерах, которые все умеют, которые во всем сильны: в кузнечных, литейных, ткацких, деревянных, костяных, гончарных и во всех прочих делах.

Нурманны смотрят на широкое, бескрайное озеро-море, на многоводную реку, на возделанные поля, на стада скота. Внимательно разглядывают городской тын. Сильный Город.

Нурманны неудержимо тянутся к богатым местам и смотрят на них взором господина и грабителя разом.

Глава пятая

1

Одинец уже третий день сидел на лесной поляне под двумя сросшимися соснами. Не хуже, чем цепь прикованного к столбу дворового медведя, держала парня рана в бедре. Он не мог ступить на ногу. Бедро раздулось, и там, где застряло железо от нурманнской стрелы, поднялась шишка величиной с кулак.

Он не был голоден. Ему удалось сбить еще одного борового петуха – глухаря, но он и первого не доел. Одинцу было трудно и больно шевелиться, но все же он ходил на край поляны и добыл в песке хороший огненный камень – кремень. С березы он содрал бересты, а с липы – луба, сплел туески и замочил в воде. Вот и ведерки. В них можно было бы и пищу сварить, но Одинец испек своих глухарей в золе, а в туесках припас под рукой воды. Его мучила жажда.

В Новгороде разные болезни и раны врачевали колдуны – арбуи. Они знали наговорные слова, а на шеи больным навешивали в ладанках-наузах тайные травы и косточки. Кроме арбуев, людям помогали знахари. Эти умели складывать сломанные кости в щепу и лубки, чтобы они срастались. От-

крытые раны знахари промывали настоями хороших трав и заливали чистым топленным жиром. Знахари не арбуи, они своего умения не держали в тайне. И Одинец знал, что ему следует ждать, пока нарыв созреет.

Последнюю ночь рана не дала спать. Он истомился, пожелтел, ослабел. Зато шишка вздулась острием и на ощупь сделалась мягче.

Парень наточил нож об огниво, направил на полé кожаного кафтана. Попробовал ногтем – остер.

Он уселся поудобнее, нацелился и разрезал нарыв вдоль. Разрезал – и белого света не взвидел. В глазах стало темно, и, не будь за спиной сосны, он повалился бы навзничь.

Опомнившись, он обеими руками надавил шишку, и из раны еще сильнее хлынуло. Боль стала еще злее. Он стиснул зубы. Не чувствуя, как по лбу течет пот, он залез пальцами в рану, достал до железа, впился ногтями и потянул.

Точно живую кость сам из себя тащил. От боли и от злости завыл, но тащил:

– Врешь! Я тебя дойду!

И железо – в руке. Сразу сделалось легко и боли почти нет. Промыл рану холодной водой. Как хорошо...

Ему так захотелось есть, будто бы он век ничего не ел. Доел остатки первого глухаря, прикончил второго. Сгрыз все кости, запивая водой из туюска.

Насытившись, подумал, не сходить ли еще за водой? Нет, лучше посидеть. Забирала усталость, сладкая и мягкая, как

гагачья перина. Боли и тяготы в теле как не бывало.

Он рассматривал наконечник нурманнской стрелы. Такой же, как обычно... А тут что?! Одинец потерял железо о землю. На трубочке ясно обозначился кружочек. Так это же собственная Одинца мета! Он сам ковал на продажу такие наконечники у Изяслава. Мета – буква О, первая – имени молодого кузнеца.

И смешно и досадно Одицу. Твоим добром тебе и челом! Чтоб пусто было нурманну! Он нарочно не закрепил наконечник. Одинец бросил железо, которое так чудно к нему вернулось, сполз пониже, вытянулся, закрыл глаза, и перед ним хлынули, как с расшитого полотенца, маленькие-маленькие человечки, смешались, закрутились и разбежались перед Изяславовыми воротами на Щитной улице. А он будто входит во двор, и Заренка перед ним:

«Где был, непутевый? Где шатался?» – так и жжет его в самое сердце огневыми глазами.

2

Когда Одинец очнулся, то не сразу понял, сколько времени спал – час, день или неделю. И не тотчас вспомнил, как попал в лес и почему.

Вдруг шилом кольнуло в сердце. Он встал. Нога чуть болит и не мешает. Другая боль пришла, настоящая.

Он не думал о том, что наступает зима, и что не может

человек лечь до весны в берлогу за медвежью спину и сосать лапу, и что нельзя по-волчьему спать в снегу, свернувшись кольцом. Пусть голыми руками или одним ножом не свалишь дерева, не наколешь дров и не выроешь себе землянку, – Одинец не боялся леса. Но он привык жить на людях. Волк и тот один не живет. Волк летом вместе с волчицей пестует малых волчат, а зимой прибивается к стае...

Одинец исхудал, будто постарел. Четырех дней не прошло, а уже его не сразу признал бы малознакомый человек. Строго судя сам себя, Одинец задумался над тем, что мальчишеской, никчемной горячностью по-глупому лишил жизни заморского гостя и навлек на себя напрасную беду. И придется ли теперь вновь увидеть Город, Заренку, товарищей и родной двор доброго Изяслава? Эх, худо, худо...

Стосковавшись по человеческому голосу, Одинец крикнул, чтобы хоть себя услышать. По лесу пошел гул и назад вернулся. Еще сильнее заныло сердце.

Что же делать, приходится и с этой болью бороться. И жить нужно, и искать пристанища. И оружие нужно, одного ножа мало. Одинец срезал прямую березку, очистил, подтесал, подровнял и заострил верхний конец. Обжег острие на огне и зачистил – копьё. Настоящая рогатина имеет кованую насадку в три четверти и крепкий крест-перекладину, а по бедности и такая годится.

Одинец знал, что в этих лесах много медведей. Осенью самая дурная пора для встречи с медведем. Летом он доб-

рый; если его не задирать, и он не трогает человека. А сейчас одни уже залегают, а другие еще бродят и пахнут землю когтями, как сохой, ищут корень сон-травы. У этой травы липкий стебель, и ее зовут лепок.

Когда медведь нализался корня, от него не жди добра. Он ищет берлогу и думает о встречном человеке, что тот за ним подсматривает. А другой медведь поторопится лечь – ан в берлогу зашла осенняя вода. Промочит мех, холодит кожу. Медведь в полусне кряхтит, ворчит, бранится, не хочет вставать. Ведь и человек, которому не дали спать, со сна и обругает, и ударит. А с медведя какой спрос? Ломит по лесу и одного ищет: с кем бы подраться, на ком сорвать злость. Иной злыдень-изъедуха бросается на птиц, гоняется за белками.

Одинец выбрал высокую сосну, разулся и полез вверх, пока ствол не сделался гибким. Огляделся – глубоко же он, однако, забрел в леса!

Его поляна пришлась на высокой, сухой релке. Одинец разглядел Город, который лежал на краю темной полосой, и за ним будто бы светился Ильмень. На сивере все закрывали леса. Где-то за ними пряталось озеро Нево. На полудень лесной кряж обрывался пахотными землями, а на восход стоял лес и лес. Туда идти, дальше от Города. Там должны сидеть большие и малые огнищане, на чищенных палом полях. Но нигде не видно дыма над лесами.

Шумит бор, и качается под Одинцом сосна... Он прижимал к груди гибкую вершину и качался вместе с ней. Пора

решать. На восходе нужно искать место. Вблизи от поляны на восход видно болото, за ним опять лес. И там будто бы точится слабый дымок.

3

Тоскливо, грустно осенью на болотах. Чахлые березки сронили последний лист, стоят голые и корявые, будто бы кто нарочно их гнул и корчил. Нет листвы, и виден сизый мох и бурый лишай, которые так густо закрыли стволы, что не рассмотришь бересты. Как девки-перестарки, они ежатся и заживо трухлявеют.

Есть и сосенки, сдуру забравшиеся на болото. Они под пару березкам, такие же слепые и ветхие. На них, на живых, мрут-отсыхают вершинки, и они, седухи, стоят безголовыми чурками.

Одинец попробовал ногой – зыбун. Кто провалится, тот достанется водяному. Водяной ухватит и утащит в черную жижу. Парень не боялся водяного. И водяной, и леший тому страшны, кто сам сробеет, у кого нет ухватки.

Можно любое болото одолеть на переносных кладях. Одинец нарезал жердей и пошел от деревца к деревцу. Он бросал жерди на слабые места, переходил по ним и опять бросал перед собой. Работа нудная, но нужная.

На болоте растет острая осока и длинный белоус. Тростник и редест стоят чащами. На окнах воды лежат круглые

листья кувшинки-болотницы. На твердых местах торчат острые листья ночной прелестницы. Летом ее белый с прозеленью цвет томно и сладко пахнет по ночам. Заренка любила зарыться лицом в душистую охапку.

На лужах отдыхало много поздней пролетной птицы – кряквы и серой утки, широконосок, свистунов, шилохвosti. Проносились стаи чирят. С унылым криком вспархивали кулики.

Что им до человека, который полз по болоту. Издавна зная меру полета стрелы из охотничьего лука, птицы спокойно давали Одинцу дорогу.

На мхах встречались ягоды. Будто бы кто шел и рассыпал полный туес. Нет, возьми и заметишь, что каждая ягодка держится на живой жилочке тоненькой. Ленивая ягода клюква: спеет лежа, с одного бока красна, с другого – бела. Эх, поел бы Одинец пирога с клюквой, запил бы клюквенным квасом!..

Не временем, а отлучкой из дому долги годы. Пешему легко, когда сердце свободно, а от беды и на коне трудно ехать. Одинец тешил себя мыслью, что сросся череп нурманна. Нет, не сросся. Как бы Изяславу весть подать?

А если поймают, если за виру продадут в рабы? Нет, не дамся живой.

Тут нашлась тропка. Такие следы пробивают бабы с ребятами, когда ходят по болотам за клюквой. Одинец отбросил надоевшие жерди. Тропка вышла на твердое место.

Осенью старые следы лучше видны, чем летом. Парень не терял тропу и выбрался на поляну, где брали грибы. Лежали кучки брошенных корней на бороздах от волокуши. Вкус грибов лучше, когда их солят свежими прямо в лесу. Жилье недалеко.

Тетерев с земли рванулся и упал. Прижался, глупый, и голову скрыл. Кто-то здесь пленку поставил. Сиди, пока хозяин не придет. Чужой силок тронуть – позор.

Жилье близко. С дерева на дерево по сучкам переброшены жерди. Это городьба, чтобы пущенная в лес скотина не забрела далеко в лес.

Одинец прислушался, не псы ли тьявкают? И пошел на голос широким шагом. Солнышко уже опустилось в полдерева. Кого-то найдет бездомный бродяжка?..

4

Перед Одинцом открылся широкий поруб, на порубе палисад, а за ним соломенные крыши. В стороне стояла стайка стожков, прикрытых корьем и прижатых жердями. И поле, вспаханное под озимое, с зеленой порослью всходов.

Из подворотни выкатилась собака-лайка с пушистым хвостом, за ней – вторая. Одинец пошел потихоньку и, когда сторожа-собаки заскочили дорогу, остановился. Он не отмахивался от наседавших псов. Плох гость, который начнет хозяйских собак бить.

В ворота просунулся невысокий человек с топором в руке. Завидя хозяина, собаки, зарабатывая кусок, еще злее бросались на Оди́нца, обходили со спины.

Хозяин цыкнул. Натасканные псы замолчали и отошли. Парень положил свою самодельную рогатину и поднял навстречу хозяину руки – в знак того, что дурного не хочет. Тот перебросил топор под руку и подошел к гостю. Собаки сели и напряглись струной. Чуть что – и вцепятся в чужака. Хозяин не торопился разговаривать. Он был на добрую четверть пониже Оди́нца, но с широченными плечами. Под длинной рубахой из домотканой крашенины бочкой выпячивалась грудь. На длинной жилистой шее сидела крупная голова в спутанных желтых волосах. Кожей лица был хозяин темноват, с редкой бородой.

«Мерянин», – подумалось Оди́нцу.

Мерянин без стеснения разглядывал гостя. Он как бы щупал пришлеца внимательными глазами. Наконец сощурился и вымолвил:

– Здравствуй.

«Мерянин и есть», – решил Оди́нец по выговору.

– И ты здоров будь, – ответил он.

– Чего же стоишь? – спросил мерянин. – Ночь валит, ступай в избу, будешь гость, будешь спать. Твое имя как?

Оди́нец назвал себя.

– Оди-нец. Оди́нец, – повторил мерянин запоминая. – А меня ты зови Тсарг.

Прислушиваясь к разговору, собаки ворчали. На лесном огнище гость был редок, и запах чужого тревожил сторожей.

Переступив порог, гость низко поклонился очагу. В сумерках лица различались плохо. В избе крепко пахло томленными держаными щами. Мужчины уже кончили паужинать, за столом сидели женщины.

Одинца посадили перед миской теплых щей, щедро подболтанных мукой. Напротив сидела женщина. Она чинно запускала свою ложку в миску, следя за тем, чтобы не помешать гостю.

У печи на углях раздули огонь, и Одинец разглядел девичье лицо. Не Тсаргова ли дочь? Смуглокожая, со светлыми косами, девушка потупилась от света и зацепила ложкой о ложку парня. Вскинула глаза и засмеялась. Миловидное лицо ожило и заиграло.

«Хороша», – невольно подумал Одинец. Девушка показалась ему свежей и крепкой, как спелая репка.

Накормив гостя, Тсарг принялся за врачевание. Он запалил восковую свечку, достал с потолка пучок трав и намочил их в берестяном ковше. Бормоча непонятные слова, Тсарг наложил травы на рану и притянул мочальной прядью:

– Три дня пройдет, и мясо зарастет.

Мерянин уложил гостя рядом с собой на полу. Одинец слышал, как невнятно шушукались женщины. Куда-то прыгнула и сладко замурлыкала кошка. На дворе густо хрюкала свинья. Гулко всхрапнули подравшиеся лошади.

В избе пахло сладковато-горькой сажей. Из приоткрытой двери тянула струйка прохлады. На постели из медвежьей шкуры было мягко и тепло. Рана в бедре немного чесалась под целебными травами.

Рядом ровно и глубоко дышал мерянин Тсарг, как человек, который улегся спать без забот и тревоги.

Глава шестая

1

В узком окне Тсарговой избы чуть брезжил свет, а женщины уже были на ногах, истопили печь, и обед ждал мужчин. Вместе с Одинцом за ложки взялись восьмеро. Из них трое безусых юношей-погодков. Как и везде, в доме Тсарга мальчиков рано сажали за мужской стол. А им любо, они торопились стать мужиками и взяться за мужское дело! Юноши чинно хлебали наваристое горячее из уток и тетеревов, сдобренное кореньями желтой моркови, степенно жевали сочное, разваренное птичье мясо, хрустя вкусной прикуской – горьким репчатым луком.

На гостя никто не глазел и никто не тянулся с вопросом, будто парень век жил в семье. Тсаргова дочь стояла у печи рядом с матерью. Она скромно, по-бабьи подхватила правой

рукой локоть левой и положила щеку на ладонь. Нет-нет, а бросала на Оди́нца взгляд карих глаз.

Во дворе Тсарг махнул рукой и сказал гостю:

– Пришел в лес и сам делал...

Мерянин разбросал по двору строения: не в Городе, места не занимать стать. Все у него было срублено кривовато, но прочно. Хозяин надеялся на толщину бревен больше, чем на прямизну и отвес.

Одно бревно выпятилось, другое подалось внутрь, третье кое-как ошкурено. Углы торчат разнобоем – трудились не городские умельцы. Зато пазы крепко забиты седым болотным мхом, доски на дверях мало что не в четверть и завалинки широкие.

Под углы избы и клетей Тсарг положил дикие лесные камни и поднял на них нижние венцы. От этого и бревна не гниют, и суше в избах.

В середине двора стоял столб со вздетым козым черепом – для острастки шаловливому домовому. А над воротами была прибита, пастью к лесу, медвежья голова, чтобы и лешему не было ходу мимо жилья.

Вчера в сумерках Оди́нец не рассмотрел как следует, какое длинное огневище расчистил себе Тсарг под пашню. Не щадили спин мужики! Иной хозяин перед палом на некорчеванные пни валит побольше вершин и сучьев, чтобы выжечь. Огонь же хоть и ест не наестся, но в земле ему нет ходу. И нудно цепляется соха-матушка за корни. А Тсаргово

поле было ровное.

Тсарг молча пошел через рамень. За лесной полосой нашлось второе огнище, которое готовили для пала. Лежали срубленные лесины. Как видно, Тсарговы валили лес прошлой зимой. В студеную пору лучше рубить сонное дерево. А весной и летом худо валить живое дерево: оно плачет под топором.

Тсарговы возились на порубе. Ровные деревья идут под бревна, их чистят и вытаскивают на волокушах. Из тех, что похуже, отбирают дровяник.

Не год и не два будет кормить очаг чищенное поле. Самое же дорогое то, что останется на месте. После пала прогретая огнем и сдобренная золой лесная земля щедро даст и крупную рожь, и усатый ячмень, и остистый овес.

Тсарг пролез через поваленный лес и вывел пришлеца к овражку. Из обложенного камнями бочажка выливался чистый, как слеза, ключ.

Тсарг сказал парню:

– Теперь все говори. Кто ты? Зачем по лесу не в пору ходишь? Зачем тебя стрелой били? – Мерянин поглядел парню в глаза и торжественно показал на небо и на ключ. – Правду скажи. Тебя Небо видит. Земля слышит. Живая вода примет слово. Дай зарок!

Одинец поклялся костями и прахом родителей, дымом очага, Солнышком и, ничего не тая, открылся Тсаргу во всем.

Слушая гостя, мерянин качал тяжелой лохматой головой – дурное дело у парня, худое, худое. Вздохнул:

– Как жить будешь?

– Дальше пойду.

– Куда пойдешь?

Одинец не ответил, с тоской слушая, как ноет лес под холодным ветром-листодером.

– Тебе в лесу будет плохо, – сказал Тсарг. – Живи у меня. Пока. Ты сильный. Не будешь зря есть хлеб. Потом я увижу.

До темноты парень трудился вместе с Тсарговыми мужиками на порубе. Мерянин, как видно, был знаток в травах – Одинец забыл о ране. А вечером он сел спиной к очагу и прижался к теплому камню, давая немую клятву, что никогда не сделает зла дому и будет его беречь как родной.

2

Вовремя беглец нашел кров. Трех дней не прожил он у Тсарга, как без устали и без срока полил дождь.

Недаром называется глухой пора поздней осени. В лесах и на полянах пусто, все живое попряталось. Ничто не порадует человека, и ему нет пристанища нигде. А в доме много дела, в доме все трудятся и никто не скучает.

Малые ребята пасут скотину вблизи от двора, на последней траве. Попасут малость – и к дому. Скотина сама просится под навес. Ребятишки рады забраться в тепло. Они в

охотку стараются помогать старшим, втягиваясь с ранних лет в многотрудную жизнь рода.

Женщины чешут кудель и прядут нитки. Разбирают летнюю овечью шерсть. Из лучшей плетут на веретенах нити для теплого вязанья, а из той, что похуже, мужики будут валять теплые сапоги. Пора заправлять ткацкий стан, чтобы наготовить тканины на штаны, на рубахи, на платья.

Мужчинам тоже делать не переделать. Они сучат пленки из конского волоса и приспособливают лучки на тетерева, на лесную курочку – белую куропаточку, на рябка, на глухаря. На зайца нужны петли, которые настораживают на ходовых дорожках: ушкан, как человек, трудно ходит по глубокому снегу.

Ворчит Тсарг, что ныне кругом его огнища совсем не стало пушного зверя: соболя, горноста, выдры-порешни, кидуса и куницы. Но нужно и на редкую добычу запасти колечки, сторожки и силки с грузиками, которые ставят над ручьями.

На белку идут тупые стрелы, с вырезом на наконечнике, чтобы, не портя шкурки, сбить зверька целым. Стрела нужна прямая, и ее проверяют по натянутой лучной тетиве: она должна ложиться на тетиву без просвета. Для четырехстороннего оперения выбирают ровные перья. Плохо оперенная стрела негодна.

Кожи вымокают в кислом тесте-квасе. Их мнут, мездрят тупыми ножами, дубят дубовой корой и сушат на распялках. Пора кроить готовые кожи на сапоги, на усменные кафтаны

и на сбрую.

Одинец умел не только ковать железо, но и работать по дереву. Из заготовленных с лета березовых и кленовых чурбаков он резал малым, остро заточенным топором и железной кривой ложкарней миски, солонки, плоски, зубья для борон, ложки, топорища. Они пойдут для дома и для продажи, когда откроется зимняя дорога.

От Тсарга в Город летняя дорога и далекая, и трудная. Через болота не пройдешь. Есть кружная тропа. Идя по ней, приходится ночевать в лесу две ночи, а груз выучить на спину лошадей – ни телегой, ни волокушей не пробраться. Поэтому Тсарговы летом бывают в Городе три, много четыре раза. Весной же и осенью совсем нет ходу. Зато зимняя дорога через болота прямая. Выехав с ночи, можно поспеть в тот же день.

Ждут не дождутся в доме Тсарга, когда же Зима-Морена засушит землю и закует воды. Своим обозом на трех, на четырех санях будут ездить. Весело! И Город хочется повидать, и послушать людей, узнать, что на свете делается.

Хозяйки ждут городских обновок, а больше всего соли. Нынче был сильный грибной год. Последний запас растягивает жена Тсарга, жалеет каждую крупицу. Горячее, мясо и кашу дает едва соленые.

– Кому пресно, грибок пожуй!..

Тсарг брал жену в Городе и из русского дома. Брал по любви. Тогда у него еще не было огнища. Богатая семья было

заартачилась, а мерянин не стал кланяться – выкрал девку.

Откроется зимняя дорога, и Тсарг повидается с Изяславом, об Одинце посоветуется. Что-то будет?..

Меньшая Тсаргова дочь поет песенку:

Ах ты, Солнышко-Солнце,
да ты Огонь-Огонечек,
уголечек, да Солнца кусочек.

Как ты жарко в печи разгораешься,
как ты ярко в печи распылаешься,
так бы да сердце молодецкое
да по мне да разгорелось бы.

Шутит веселая, живая девушка. То козой прыгнет, то загадку загадает, то Одинца невзначай толкнет или дернет за волосы:

– Надевай на голову горшок, я тебе волосы подровняю! –
Играет, как котенок.

Что же тут худого, молодое к молодому тянется. Девушка и братьям не дает спуска, а парень уже прижился в семье. Но ему видится другое личико и слышится другой голос.

Девка его за ухо, больно.

– Брось!

А она ему уж за ворот запускает колкую соломинку.

Одинцу не любы девичьи шутки, будто он не молодой парень, а зрелый мужик, у которого на уме хозяйские труды-за-

боты, а не игры-забавы.

В крепких, как сосновые корни, пальцах мерянин Тсарг плетет гужи из сыромятных ремней, а в лохматой голове думается об Одинце незряшая отцовская думка.

3

Дождь утомился. С сивера веет холодом. Тучное, сизо-черно-серое небо плывет, томится, тужится тяжким бременем. Вот рваться оно начало, лопнуло, и посыпались белые хлопья. Поземный ветерок, играя, потянул небесный пух. Падают снежинки, падают. Нет им ни счета, ни конца...

Постылая грязь, которую размесили люди и скотина, сохнет и твердеет. Почерневшие от непогоды соломенные кровли накрылись чистыми мягкими шапками, оделись белыми рубашками стожки сена и соломы.

И любо же наследить дорожку по первому снегу! Ребятишки скачут и оглядываются. Им радостно видеть, как ноги печатают.

Морозец чуть щиплет. Проясняется разродившееся снегом небо. Славный денек! Из-за лесу, гляди-ка, встало Солнышко! Зимой оно не греет Землю, зато радуется человеческое сердце.

И Тсарг радуется. Он притопывает крепкими ногами, потягивается, распрямляет согнутую долгим избяным сидением спину, щурит глаза от снежного блеска, выпячивает бо-

гатырскую грудь:

– Ой, ладно!

Лайки как взбесились, прыгают на хозяина. Старая сука, словчившись лизнуть Тсарга в бороду, взвизгивает, по-своему говорит: «А ну, охотничек! Чего же ты? А ну!»

Эдак недельки через две болота уже поднимут и коней, и сани. Тсарг велел старшим сыновьям идти в овин, намолотить из сухих кладей ржи и овса на продажу.

С собой в лес Тсарг взял Одинца и самого младшего сына. За воротами собаки поверили, что люди вправду идут на охоту, и с них горячка соскочила. Затрусил, часто оглядываясь, куда пойдет хозяин.

В сухих, плотного плетения лычницах цепко ступает нога охотника.

В лесу тихо, людских шагов по пороше не слышно, и нет никакого голоса, кроме синиц.

Глупая птица. Все остальные лесные пичуги и пташки на зиму улетают в Солнцеву страну, на полудень. А синица забыла дорогу. У других же птиц не спрашивает, гордится. За это она и мерзнет зимой без крова. Не-ет, если у тебя в чем-либо не хватает своего ума, ты не стыдись у соседа занять. Так-то!

Тсарг сынишке на ходу рассказал о синице. Сказка хоть складка, а и в ней есть наука для малых.

На свежем снегу много следов. Ворона звездочек напечатала. Глухарь пробил мохнатыми лапами рыхлый снежок до

земли. А где махнул крыльями, чтобы взлететь, там как венниками провел. Видно, куда полетел. А здесь следок ниткой, частый, видны коготки.

– Кто шел? – допрашивает Тсарг сына.

След – великое дело. Колдуны-арбуи вынимают человеческий след, чтобы наводить порчу. А доброму человеку птичьи и звериные следы служат для честной добычи.

Еще следок, парный. За ним снег чем-то, не пушистым ли хвостом, поразметан. След привел к кряжистой сосне.

Парнишка отступил, наложил на тетиву стрелу с вырезанным наконечником и нацелился на сосну. У самого сердце екает, а глаза выпучил так, будто ими, а не стрелой хочет пустить из лука.

Тсарг достал из-за пояса кнут на короткой держалке с длинным ремнем и сильно щелкнул. Испуганная белка дрогнула, сунулась, не зная куда, и открыла себя. Парнишка ударил метко. Белка перевернулась и повисла на низком суку. На землю ее спустила вторая стрела.

Отец погладил сына по шапчонке. Парнишка опустил глаза, будто стыдится. Сам же счастлив. Первая добыча взята им.

Тсарг вел сыновей заботливо и строго. Мерянин считал, что хуже нет праздной болтовни, и не любил, чтобы сыновья много говорили. Был он скуп на ласку, щедр на науку. Сейчас он был доволен. Недаром он заставлял сыновей стрелять в метки и попадать в подброшенную шапку. И недаром тре-

бует, чтобы они учились левой рукой держать перед собой подолгу палку. В руке охотника лук должен сидеть, как топор на топорнице.

Дорога́ первая стрела, нет хуже приметы, как первый промах.

Что-то не слышно и не видно собак. Далеко ушли. Нет, тьявкают... Охотники крались на голос и прислушивались. У лайки есть свой голос для каждой птицы и зверя. Тсарг шел передним, за ним след в след ступал сын, повторяя движения отца. Одинец отстал, чтобы не мешать.

Тсарг прятался, переходил от дерева к дереву, пока не подошел поближе. На суку топорщился тетерев-косач. Собаки прыгали на ствол, а птица дразнилась. Тетерев знал, что собакам его не достать, поднимал крылья, кивал клювом и ходил по суку. Идите-ка, мол, сюда. Не можете?

Вдруг тетерев насторожился, но не успел вспорхнуть – стрела опередила. Собаки бросились к упавшей птице. Старая сука встала ногами на крылья, но пастью не схватила – умница.

Охотники пошли дальше. Вскоре собаки вернулись, чуть повизгивают, оглядываются на лес: хотят рассказать, что нашлась настоящая охота, для которой хозяин вышел в лес.

Собаки привели людей в глухомань. Здесь проходил круговой вихрь, выворачивал и щепил на корню деревья.

Упавшая ель вывернула пласт земли высотой в три человеческих роста. Перед ним собаки уперлись. Припорошен-

ный снегом и скрепленный корнями пласт навис, как крыша, прикрывая черный лаз.

Собаки ворчали чуть слышно, но злобно. С поставленной дыбом шерстью и с ощеренными зубами они рыли землю передними ногами, но вперед не шли, как привязанные.

Здесь он, бурый лесной зверь. За лето и осень он нагулялся, натешил несытое брюхо и набрал под кожу жира, как откормленный боров. Нализался корня сон-травы и залег до весны. Видит хорошие сны. Ему мнится непролазный для всех, кроме него, малинник с алыми сочными ягодами; снятся соты в разломанных могучими лапами дуплах. Злы черные пчелы, зато мед сладок. Вспоминаются и драка с соперником за медведицу, и сочное мясо невзначай задранной Тсарговой коровы.

Медведь крепко спит. А наверху хлопочет бессонный Тсарг. В начале зимы самое лучшее время брать на берлогах медведей, пока они не вытерли лежкой мех и не отощали от спячки.

Тсарг отогнал собак и приказал им молчать. Сынишку он посадил на дерево, откуда видна дыра. Сын должен крикнуть, как только медведь сунется на свет. Одинец обошел место кругом – бывают берлоги с двумя ходами. Собаки с ним не бегали. Человек не понимает, что они уже все обнюхали и не нашли второго лаза.

Охотники срубили молодую елку, заострили вершинку и, примеряясь к берлоге, укоротили сучья. Перед берлогой ме-

сто шагов на пятнадцать в длину и на десять в ширину свободно от деревьев и кустов. По сторонам бурелом. Медведю будет одна дорога – в лоб на людей. Но людям почти что некуда ступить.

Тсарг уступил первое место Одинцу. Ему начинать бой. Охотники вдвоем подняли заготовленную елочку, с размаху воткнули в лаз и отскочили.

Одной рукой Одинец подхватил рогатину, а другой проверил топор за поясом. А в земле уже взревело. Только миг торчал из лаза комель елки, и его сдернуло вглубь. Заорал Тсаргов парнишка: «Держи!» – а медведь уж вот он, тут! Первый медвежий сон легок.

Лесной хозяин не встал на дыбы, а пошел кабаном, на четырех лапах. Одинец не потерялся, хотя хуже нет, когда медведь так идет, кабаном. Тсарг не успел мигнуть, как парень обеими руками всадил в зверя рогатину. И вот она торчит из медвежьего бока – ушла до самой перекладины.

Крепкий медведь взметнулся на дыбы, и хрустнуло полуторачетвертное древко. Одинец успел выпустить рогатину, удержался на ногах и встал перед медведем с топором. Парень на что уж был высок ростом, но медведь пришелся почти на голову выше. Зверь махнул когтистыми лапами, чтобы снять с человека вместе с шапкой череп, но топор Одинца уже засел по самый обух в медвежьей башке.

И уснул сильно-могучий лесной богатырь. Согнулся и лег ничком на матушку-землю. Но не видеть ему снов.

Только сейчас услышали и Тсарг и Одинец звонкий голос парнишки. Он визжал без перерыва и из всех троих один все видел: как отец метил рогатиной, чтобы подать Одинцу помощь, как псы старались медведя осадить на задние ноги и как парень размахнулся.

А Одинец стоял с обломком топорщица и говорил Тсаргу: – Слабовато топорщице-то. Без ума выбирали дерево. Я тебе лучше сделаю.

Тсарг ударил себя по бедрам и толкнул Одинца в грудь кулаком:

– Ты бьешь, парень, без ума. По-моему!

Одинец и парнишка остались на месте ободрать и освежевать медведя, пока туша не остыла. Тсарг пошел ко двору за лошадьми и волокушами. Он пробирался по лесу, запоминал дорогу, где удобнее вытащить добычу, и думал, как дальше повести дело с Одинцом. Мил ему Одинец. Хорошо бы доброго парня навек осадить во дворе. И для этого найдется верное средство. Дадут ему зять и дочка славных внучат. Эх, не висела бы над парнем напрасная смерть нурманнского гостя!.. Скорее бы съездить в Город, разузнать все самому и решить наверняка, как и чего держаться.

В Тсарговой избе лакомились свеженькой сочной медвежатиной, нежным мозгом, сладкой печенью, жирными почками. А медвежье сердце хозяйка на деревянном кружке-тарелке с особым поклоном поднесла Одинцу и вымолвила обычное присловье:

– Будешь сильный, будешь смелый, будешь, как он, разумный.

В медвежьем сердце лежит большая сила. Сам медведь и умен, и хитер. Он, как человек, все мог бы сделать, только он ленив и не хочет работать.

Часть вторая

Повольники

Глава первая

1

Новгородцы считают злым делом разорять лесные муравейники. В муравьиных городах каждый трудится, себя не щадя. Там уж, верно, не любят лентяев. В лесу первый работник муравей, потому-то он никому не желает зла. В муравейник можно засунуть ноги. Потревоженные хозяева больно жалят, но помогают от ломоты в костях.

Муравьи замирают на зиму, а новгородцам зимой дела не меньше, чем летом. Из иноземных гостей для зимних торгов остаются немногие, а свои купцы и ремесленники начинают новые торга с теми, кто живет вдали от речек и рек, удобных

для судоходства.

Вместо легких водных путей открываются санные. Не по корням волочить волокуши, не ломать в лесах покорные лошадиные спины – по первопутку в Город бегут груженные сани. Дальние жители собираются обозами, а ближние ездят в одиночку.

Мерянин Тсарг проехал через городские ворота на четырех санях. Легкая поземка заснежила и сани, и седоков. Однако же мороз был не силен, и поезжане одеты тепло, поэтому Тсарг не свернул на заезжий двор, который содержал родной по жене хозяин. Тсарг ехал прямо в Детинец, желая поскорее разделаться с податями. В прошлом году он задержался, и его навестили городские сборщики. Беды в этом нет, но Тсарг беспокоился об Одинце.

В широких и глубоких клетях Детинца собиралась подать со всех новгородских людей. В подати шла десятая часть всех доходов – хлеба, меда, льняной пряжи и кудели, рыбы соленой и сушеной, шкур, птичьего пуха, шерсти, драгоценной и мягкой пушнины, изделий из железа, полотна, дерева, кости и всех прочих. Город брал подати всем, чем давали. И серебром, и золотом, и самыми достатками. У Тсарга, как и у большинства людей, не бывало ни монет, ни слитков. Он привозил добычу своих рук.

Сбором податей ведали по очереди все старшины. Тсарг угодил в дни боярина Ставра, приказчики которого работали под надзором самого концовского старшины. Они взвеси-

ли на безменах привезенные огнищанином зерно, мед, воск, сосчитали ложки, миски, топорища, перемеряли горстями шерсть и деревянными ведрами птичий пух. Всему велся свой счет. Приказчики отметили подать на бирках, а Тсаргу выдали кожаный ярлык – свидетельство, что он от подати чист.

Сани сильно облегчились, и утомленные лошадки легко побежали из Детинца. Но Тсарг не жалел о подати. Кто скажет: конечно, лучше было бы никому не платить и оставлять все себе, да у кого же тогда найдешь защиту? По Новгородской Правде за Тсаргом и его родом навечно закреплены расчищенные трудом огнища с усадьбой. Никто не может захватить огнище и выгнать хозяина со двора. А если мало нынешних полей, можно чистить новые. Они будут твои, только плати подати. Город всех оберегает, содержит бойцов-ротников. Не будь того, нашлись бы сильные люди и обидели бы. Новгородская Правда хороша, по ней жить хорошо. Поэтому и прибавляется людство на Новгородских землях.

На заезжем дворе Тсарг передал родне-хозяину привезенные гостинцы. Приезжие попали ко столу и поели горячего. Без долгих споров Тсарг выменял у дворника соли, сушеной рыбы, железных изделий и сладких иноземных черных рожков. Для баб взял крашеного полотна тонкого ткачества и ярких лент-косоплеток.

У огнищанина остались медвежья шкура и бочонок дорогого целебного медвежьего жира. Дворник сулил за них три

хороших ножа, железный котел и обещал дать еще рожков. Тсарг не согласился. Это, мол, заказное. А ножи, котел и лакомые рожки он еще возьмет, в усадьбе найдется довольно товара.

Дворник предлагал забирать в долг все, что захочется. Но крепкий мерянин отказался. Кто должен, тот лишен свободы. Начнешь отдавать, а дворник уценит и усчитает. Хоть он и родня, а охулки на руку не положит. Тсарг понял из разговоров дворника, что этой зимой будет хорошая мена. Только не зевай и не дешеви. Мерянин оставил на заезжем дворе сани и пешком пошел к Изяславу-кузнецу.

2

На торговище и на городских улицах тесно от многолюдства. Между возов бродят люди. Одни прицениваются, другие спорят, а иные просто ведут беседы, чтобы узнать, что и где делается и о чем идут в народе слухи.

Вот стоит кривич, заросший до самых глаз кудрявой рыжеватой бородой. Он выбрался из непроходимых в летнее время пущ, что лежат на закат и на полдень за Ильменем, и беседует с киевлянином. К их речам внимательно прислушиваются несколько беловолосых, рослых чудинов.

У киевлянина подбородок гол, как колено, зато под орлиным носом отращены длинейшие усы, которые, как две косы, падают на грудь. Полушубок крыт синим сукном, шап-

ка бобровая, перевязь и опояска с серебряным набором, меч в изукрашенных серебром же ножнах: видно сразу, что не простой людин. Стоит киевлянин, гордо подбоченившись, а речь ведет приветливую, искательную.

Он из старших дружинников киевского князя и с одним-двумя товарищами проживет в Новгороде зиму. Будет толкаться по торговищу, ходить по дворам, знакомиться с людом, рассказывать о славных делах киевлян, о битвах-набегах на степных кочевников: необходимых, но прибыльных возмездиях за нападения беспокойных соседей. Будет хвалиться конями, оружием, щедростью Киева к ротникам. И глядишь, по весне с первой водной дорогой он тронется к дому, к Киеву, с полусотней добрых молодцев.

Нищие пели жалобные песни. Убогим не отказывали, и они грузили щедрое подаяние на ручные санки.

Гудел и шумел Город. Звонко ржали кони, мычали коровы, лаяли собаки. За вдетое в нос кольцо поводырь тащил ручного медведя, и зверь ревел грубым жалобным голосом. Скоморохи играли на гудках и трубах. Слепые сказывали сказание:

Жил от древности древнейший Славен!
От того да от Славена,
да от жены его от Белой от Лебеди,
да от сына их, от Волха Всеславного,
повелось племя славное,
славное племя, славянское!

Слава, слава славная!

Замолкли слепые, головы подняли, смотрят в небо белыми бельмами. Желтые пальцы тревожат гусельные струны, гусли вторят голосу, рассказывают:

А внук их Микула,
а прозвищем Селянинович,
учил славян Черные леса валить на огнище,
чтоб было где расселяться,
чтоб было где разгуляться,
роду-племени нашему,
роду-племени славянскому.

Слава, слава славная!

Народ столпился, слушает. Каждое слово знакомое, а слушать хочется, не прискучивает. Верно сказывают слепые, сказывают правильно.

А и научил Микулушка,
а и научил Селянинович,
землю пахать,
да в борозде зерно-семя хоронить,
да растить добрый хлебушко
на потребу рода славного,
на потребу племени славянского.

Слава, слава славная!

Снежок сыплется, сыплется, белит белые головы, а старым – ничего, поют-заливаются, рассказывают:

Нам от дедов сказано,
да от прадедов приказано,
да от пращуров завещано:
жить в роду-племени общинно,
дружить братьями-сестрами,
любить отцами-детьми.

Слава, слава славная!

Славная слава славянская!

Над головами людей шныряли воробьи, сороки и вороны, нороя, что бы стащить. Под ногами, не боясь людей, ходили голуби, кормясь невзначай рассыпанными зернами.

От непривычного многолюдства у Тсарга шумело в голове. Он пробирался между возами. Чтобы было удобнее, мерянин надел на голову медвежью шкуру. Бочонок с салом он держал под мышкой. Почуввав близкий запах медведя, лошади настораживались и шумно втягивали воздух вдруг раздувшимися ноздрями.

Тсарг слышал особый клич и откинул навалившуюся шкуру.

– Эй, молодцы! Эй, удалцы-смельчаки! Кому тесно дома? Кому свой двор надоел? Кому теснота опостылела? Кому тесна старая шуба?

Мерянин подошел к крикунам и слушал, о чем говорят.

Сбивалась ватага повольников идти в дальние земли. Часто и охотно снимается новгородская вольница в поисках нового счастья и нового богатства и находит новые обильные угожья.

Тсаргу хорошо на его огнище и тепло в своей избе. А все же поманило его послушать людей. Даже расспрашивал, кто и куда идет, кто затеял, когда выходят. Да... для молодых парней это будет получше, чем наниматься в ротники киевского князя: пусть пытаются счастье по своей, не по чужой воле!..

Легко ходить по мощеным городским улицам. Тсарг не заметил, как добрался до Щитной улицы.

Изяслав встретился Тсаргу во дворе:

– Здоров будь. За каким делом пришел?

– И ты здоров будь. Мне дай гвоздей.

Изяслав хотел послать за гвоздями племянника. Тсарг не согласился: пусть сам хозяин пойдет с ним в клеть отбирать нужное.

Кузнец высокий, черный, в коротком нагольном тулупчике, а мерянин хоть ростом не велик, зато широк, как пень, и от медвежьей шкуры кажется еще шире. Изяслав хотел было сказать, что не годится в чужом доме распоряжаться, а гвозди хуже не будут, если их другой отберет, но мерянин указал на свой рот пальцем и высунул кончик языка. Понимай, дескать, что есть тайное слово.

В клетке Тсарг поставил бочонок, сбросил медвежью шкуру и сказал:

– От парня, от Одинца, тебе память и поклон. – И дал Изяславу кусок бересты, на котором парень выдал свое имя гвоздем и втер в буквы сажу, чтобы было лучше видно.

Отцы сели на заком. Изяслав рассказал о судном вече и о народном приговоре. А Тсаргу не пришлось много говорить. Он от досады крикнул:

– Эх ты! Жаль парня...

Оба призадумались. Потом Изяслав еще добавил горечи:

– Бирючи кричали, чтоб никто не давал Одинцу угла. А коль кто знает, где он спрятался, пусть объявит. Одинец должен отдать городу виру.

Тсарг, как и Изяслав, понимал, что Город поступал правильно. Мерянин нашел один ответ:

– Не слышал я тех бирючей.

– А если услышишь? – возразил Изяслав.

Одна за другой бежали быстрые мысли в Тсарговой голове. Одинец должен отдать пятнадцать фунтов серебра. Много. Будь бы Тсаргово огнище далеко от Города – есть же людины, которые сидят в такой глухомани, что у них годами никто не бывает, – а у него летом глухо, а зимой – иное. Под лежащий камень и вода не течет, а новгородские купцы добычливы, зимами шарят по огнищам, не зная покоя. Уговаривают, бьют по рукам, суют полы тулупов, всучают задатки под зимнюю добычу. Да и соседние огнищане посещают Тсаргову заимку. Парень – не рубаха, его в укладку не спрячешь. Нет, не жить Одинцу на Тсарговом дворе!..

– Слушай, – сказал Изяслав, – ты добрый человек. И я не желаю зла парню. Не держи его. Уходить ему надобно. И подалее.

Изяслав будто столкнул в воду камень. Хотел бы Тсарг услышать другое, да нет, кузнец говорит дельно. Обозлившись, Тсарг хватил по закрому кулаком. Лучше бы не приходил на его двор полюбившийся парень! Мерянин злился на себя. Ведь знал же он, что в Новгороде убийство не просто сходит с рук, а сдуру прочил за головника дочь.

– Куда же ты посоветуешь Одинцу деваться? – спросил он кузнеца. – Не гнать же его со двора, что шелудивого пса!

– К повольникам бы ему пристать! – чуть не крикнул Изяслав. Он ходил по клети и, заглядывая в закрома, со злостью гремел железом.

Непутевый парень приворожил и смутил Заренку. После его бегства будто кто на девушку навел порчу. Мать вынимала след дочери пресным тестом и ходила к арбуям. Они колдовали над следом, проносили над огнем, жгли пахучие травы. Свётланка купила наговоренную наузу-ладанку. Заренка ее носила, но не делалась веселее.

Родители знают, что девичье сердце забывчиво, но от этого не легче смотреть на тоску дочери.

Изяслав с ворчаньем клял Одинца и рылся в железе. Он достал насадку для воинской рогатины, которая, в отличие от зверовой, куется без нижней крестовины, и подобрал кольца для древка. Отсчитал десятка три каленых стрелоч-

ных наконечников, отобрал широкий топор, пилу, трое долотьев и два тесла. Немного подумав, достал круглую бляху и полосы для щита.

– Чтоб ему!.. Хватит, что ли? Да что тут, щит дал, так дай и шлем с железной рубахой... Леший бы ему голову на спину отвернул!

Еще что понадобится клятому бродяжке? Изяслав старательно выбрал заготовку для лука. Твердое дерево было отпарено, в меру изогнуто и пропитано для сохранения вареным маслом. Такой лук не натянуть слабой руке.

Без устали чество Одинца, Изяслав бормотал:

– Непутевый, негодный, дубовая голова, пустотный парень, чтоб тебе петуха не услышать, чтоб ты пожелтел, как золото!

На отобранное оружие и бронь можно было бы наменять много товаров, но Изяслав не скупился: Одинец жил на его дворе и работал на его двор. Не уходить же ему как неприятному нищему, как безродному сироте. По русскому обычаю, кузнец давал невольному беглецу выдел.

Изяслав сложил железо в лубяной короб:

– Отвезешь, что ли, парню? Чтоб ему, окаянному!

Кланяясь за Одинца щедрому хозяину, Тсарг достал рукой пола:

– Не много ли ему будет? Больно хорошо даешь!

– Хватит с дурня, – возразил Изяслав. – Насадки пусть сам насаживает, он парень умелый. Погоди. Я ему кое-чего

прикину из лопотинки.

– Не надо, – сказал Тсарг и махнул рукой. – И у меня па-
рень работал.

В избе Свѣтланка поднесла гостю ставленого шипучего
меда. Тсарг выпил ковш и в знак уважения к очагу остаток
плеснул к печи. Не отказался и от второй чаши. Хорош мед
в доме кузнеца!

На прощание Тсарг сказал Свѣтланке:

– У тебя добрый хозяин, всем жить много лет, – и подхва-
тил тяжелый короб.

На пороге он остановился и добавил:

– Я тоже добрый. Будем всегда друзьями.

Потихоньку, чтобы никто не услышал, Изяслав обо всем
рассказал жене.

Вскоре после посещения Тсарга все заметили, как Зарен-
ка повеселела. Родители успокоились за дочь. Как видно, и
время, и наговоры арбуев сделали свое. Девичьему горю по-
могли колдовские силы.

Глава вторая

1

Вьюжит. С мутного неба на озера, болота, реки и леса сып-

лется сухой снежок. Метелица не забывает и Новгород. Морена-Зима не разбирая посыпает своей щедрой крупкой и острые многоскатные тесовые кровли богатого двора имени того боярина, и гнилую, поросшую мхом соломенную крышу поваленной набок избушки последнего людина.

По Волхову уже прошла мерзлая каша – шуга, уже натянулся с берега на берег ледяной мост. По нему ветер гоняет небесный пух и подбивает берега теплым одеялом. А кое-где и на середину льда выбрались длинные острые пересеки.

На все стоячие и на все текучие воды Морена-Зима наложила ледовые оковы. Во все стороны света готова ровная дорога.

У боярина Ставра людно. Он принимал гостей не в верхних светлицах, как нурманнов, а внизу, в молодцовской избе. Сам боярин сидел на лавке, а гости перед ним как придется. Кому не хватило места на лавках, те, недолго думая, устроились на полу.

Они толковали о своем деле не спеша, говорили в очередь. У них нашлось к боярину важное дело, и вот откуда оно завелось.

Известный в городе охотник Доброга вернулся летом после долгой отлучки. Доброга ходил с тремя товарищами на восход от озера Нево в Веськую землю. Ушли четверо, а вернулся один.

Тут ничего дивного нет. Бывает, что не только малые ватажки, а и большие ватаги пропадают без следа. Доброга хоть

один, а все же прибрел. Охотник отдышался и принялся мутить людство. Стало быть, его не уходили дальние дороги, лесные дебри и злые речки. Доброга принес мало мехов, и то порченных водой.

Он рассказывал, как нашел вместе с товарищами реку на восходе от озера Онеги. Эта река течет на сивер и на полночь. На ней несказанное богатство пушных зверей, и звери там непуганые, ручные. Охотники наловили и набили такое богатство зверей, что для хранения шкурок поставили особые острожки на приметных местах. А какой там соболь! Черный, чистый – «головка»! Охотники плавали вниз по той реке, но людей нигде не встречали. Реке тоже не нашли конца. Едва успели вернуться до ледостава к своим острожкам.

Зимовка получилась тяжелая. Начали болеть, чернели десны, опухали руки и ноги, шатались зубы. Охотники спасались отваром сосновой хвои и жевали смолку. К весне один помер.

На обратном пути другого, сонного, задрали медведи. Потом на безыменной речушке перевернулся берестяной челнок, и последний товарищ Доброга погиб под корягой.

Дальние дороги не прошли даром и самому Доброге. Исхудал, кашель привязался. Но он не унялся. По его рассказам, не было и нет лучших мест, где пропали его товарищи. А если попытаться по безыменной большой реке еще ниже сплыть, чем побывал Доброга?..

Доброга клялся и Городским тыном, и родным дымом, и

Небом, и Солнышком, и Землей, что никто не видел таких богатых мест, какие он нашел.

А почему бы Доброге и не поверить? И до него уходили куда глаза глядят новгородские охотники. Так закладывались дальние пригороды.

Около бывалого охотника сбивалась ватага. Первые десятки ходили по домам, кричали на торговище, звали новых товарищей.

Иной чесал затылок по целой неделе. Хочется пойти, но как же бросить нажитой домок? А соблазн точит, как пилой. Можно вернуться с бременем дорогих шкурок и сразу поправить хозяйство.

А молодые ребята, не выделенные отцами и бессемеинные, решались быстро. Такие хоть сейчас готовы в любую ватагу. Иные подговаривали девушек: «Пойдем, любушка, будешь ходить в соболях...» Новгородские девушки тоже вольница.

К найденной Доброгой реке нет водной дороги. Ватага сбивалась ко времени санного пути. Они уже согласились между собой, выбрали старост. А договариваться о снастях и припасе ватажные выборные пришли к боярину Ставру.

2

Они торговались с боярином. Ватаге нужны сани, кони, зерно, оружие, теплая и прочная лопотинка. У Ставра всего найдется не на одну ватагу. И он не отказывает. Какой будет

расчет с боярином? Об этом-то и идет спор.

Ставр хотел иметь в добыче равную долю с ватагой. Каждая вторая шкурка из всех взятых должна быть боярская.

– Простой счет, верный расчет, – говорил Ставр. – Сколько времени там ни пробудете, между нами все пойдет в равных долях.

– Много хочешь, – в ответ усмехался Доброга. – Знаешь, сколько там зверя?

– Много, много хочешь, уступай, боярин, – поддерживали ватажного старосту другие.

Ставр поглаживал подстриженную холеную бороду и ласковым голосом убеждал мужиков:

– Где же много хочу? Вы люди разумные и бывалые, подумайте. Вы же не малые дети, вы хозяева.

Боярин льстил ватажникам. Больше половины было молодых парней. Ставр уговаривал:

– Думайте, думайте. А мясо, добытое на мою снасть? А рыба, ловленная моими же снастями? А дома, которые вы поставите моими же топорами, теслами, долотьями и стругами? Ведь все ваше будет! В них не будет моей доли. А пашни, что засеете моим зерном? Что родится, то и ваше, я не прошу моей доли. Где же я хочу много получить?

Так и спорят час, другой. Ватажники – свое, а у боярина на каждое слово есть умный ответ.

Доброга начал сердиться:

– Ты дома в тепле и сытости будешь сидеть, боярин. А нам

ломаться в лесах и болотинах, в нужде, труде, голоде. Чего же ты с нами равняешься!

Ставр качал головой и укоризненно смотрел в глаза ватажному старосте.

– Дак вы же думайте, люди, – вразумлял боярин, – без моей снасти-припаса ватага не дойдет до места, не наловит зверя. Знать, главное во всем – моя снасть. Или нет? Что ты, охотник, сработаешь голым?

Доброга махнул рукой, встал и пошел к двери. За ним тронулись и остальные выборные от ватаги.

– Стойте! – боярин повысил голос. – Куда метнулись, экие шуты-обломы. Стой, вам говорят!

Ватажники вернулись и вновь расселись. Ставр кивнул своим молодцам, чтобы поднесли ячменного пива и меда. Ребята намочили усы и слушают, что-то им еще боярин скажет.

Ставр улыбнулся и понизил голос, будто хочет втайне сказать самые важные слова:

– Вы смекните, разумные, что не всем бывает удача. В лесах ли, в реках и болотах вы сгибнете, побьют ли вас чужие люди – и все пропало. Мне не только что прибыли не будет, все мое добро пойдет прахом.

Доброга еще ласковей улыбнулся, чем боярин, и согласился:

– Тут-то мы с тобой, именитый боярин, и окажемся в равных долях. Наши кости и твои копыя будут вместе лежать...

Боярин оспорил Доброгу:

– Не так ты судишь. Вам лежать в покое, а мне считать убытки.

Доброга так расхохотался, что закашлялся и еле отдышался:

– Мы, боярин, в нашу ватагу берем всех удалых людей. Нет отказа и тебе. Пойдем с нами! Ляжем вместе, и тебе не придется горевать от проторей!

Ставр потемнел и дернул себя за бороду:

– Меня ты не учи уму-разуму. Я ученый!

Опять Доброга встал, и все остальные за ним сгрудились к порогу. И опять Ставр их не отпустил. Боярин вскочил и закричал:

– Экие вы, сосновые головы, вязанные лыком, непонятливые! Ступайте все за мной.

Боярин повел ватажников по клетям. Под руками боярских молодцов загремели дорогие железные изделия, и у ватажников разгорелись глаза. Один берется за топоры, другой присмотрел рогатину, кто нацелился на меч, а кто напялил на голову кованый шлем.

За первой клетью всей толпой ввалились во вторую. В ней хранились охотничьи снасти, проволочные силки, прочные зверовые капканы – и новгородского, и иноземного дела. Шли дальше и осматривали котлы и котелки, окованные и кожаные ведра, оловянные и медные миски, конскую сбрую, кафтаны, штаны, сапоги, дубленые полушубки, тулупы, шу-

бы, шапки, рукавицы.

Богатые товары у боярина. Ватажники мякнут. Чего еще, пора с боярином бить в руки, там разберемся. Сами пальцы, как крючки, цепляются за хорошие вещи и не хотят расставаться. Товарищи незаметно подталкивали Доброгу, шипели:

– Соглашайся.

Ставр приговаривал:

– Я не поспею, дам все, что нужно. И коней дам, и молодых коров, и двух бычков для приплода.

И все же Ставр не уговорил. Ватажный староста молча пошел со двора. Ватажники потащились за Доброгой. Повесили они носы: ведь иные первый в жизни раз вволю подержали в руках то, что до сего дня лишь глазами щупали.

Ставр налетел на Доброгу с поднятым дубцом:

– Эй! Чтоб тебя Перун рассек молнией, забил в землю громом! Ты упрям и неподатлив, как дубовый корень. Моя половина в мехе, а ты говори срок.

Уступил-таки боярин и согласился иметь половину в добыче не вечно, а на время. Но и на это Доброга не пошел. Староста грозился, что пойдет к Колту, к Пелгу или к Чагоду. В Новгороде найдутся и другие богачи, кроме Ставра. Торг закончили уже при свечах. Договорились, что ватага за все, что заберет, заплатит четверную цену против обычного торга. И пока ватага не выплатит долга, все добытые меха пойдут Ставру без всякой утайки. Когда же расчет закончит-

ся, то ватага свою добычу пять лет не будет никому продавать, кроме Ставра.

Боярин сам написал на коже договор. Под ним подписались Доброга и еще один ватажник, Отеня. А остальные закоптили на свече большие пальцы и поставили печати.

Ставр не сумел навечно закабалить ватагу, но все же остался доволен. Были довольны и ватажники. Боярин желал им удачи и счастья и поил медом досыта. А Доброге вдруг взгрустнулось. Он вспомнил товарищей, которые погибли в лесах, вспомнил, как достаются нехоженые места. Онпил пьяный мед, чтобы забыть прежние труды и думать только о новых.

У Доброги побаливали и грудь и бока. Осенью ему случилось кашлять кровью. Зима сразу принесла облегченье.

Кто привык искать новые места и топтать нехоженую лесную землю, тот дома не усидит, пока его носят ноги и дышит в груди душа. Доброга знал, что за зиму ватага уйдет далеко и ему полегчает в лесном раздолье.

3

Ставр отпустил повольников и в сопровождении старшего приказчика Василько прошел в обширный спальный покой своего дома.

Боярин был озабочен и как будто недоволен. Чем же? Неуступкой против запроса, на которую его вынудил упорный

охотник Доброга. Ставр был не жаден. Торгуясь, он играл умением победить человека в трудном состязании ума и воли, напряженных желанием выгоды. Повольники не сердили боярина, и его раздражение было напускным. Ставру нравился умный и напористый Доброга.

Повольники и вправду могли погибнуть, безвестно исчезнуть в неведомом Черном лесу. Это не заботило боярина. Богатству не должно лежать под спудом, его доля – бегать по белу свету. Сегодня убыток, завтра – прибыль, в торговых делах они родные братья.

Ставру стало скучно. Не отобрать ли из своих приказчиков и захребетников сотни две с половиной лихих молодцов и не погулять ли с ними по нехоженным лесам да по безымянным рекам? А?

– Что скажешь, Василько? Пойду-ка и я с доброй дружиной то ли на полуночник, то ли на восход, покажу нашим мужикам, как берут новые земли. Что?

– Князь шутит, князь играет словами, – полувопросительно ответил старший приказчик и любимый наперсник боярина.

Родом из Фессалии, Василько лет шесть тому назад пристал ко двору Ставра. Грек был года на четыре старше своего тридцатипятилетнего хозяина, силен телом, ловок умом, грамотен по-гречески и по-русски. Забравшись в Новгород из Херсонеса Таврического, Василько начал дело на свои и на заемные деньги. Он вложил все серебро в хлеб и разбо-

гател бы с одного удара, но перегруженные зерном лодьи в бурю затонули на Ильмене. Васильку за долги грозила вечная кабала. Ставр выкупил у заимодавцев ранее приглянувшегося неудачника-грека. Боярин ценил ум и способности Василько и не имел от него тайн.

– А ежели не шучу? – продолжал боярин.

Василько зажег последнюю свечу в пятигнездном шандале, и покой ярко осветился. Следуя правилам греческих софистов, которые советуют уклоняться от прямых ответов, пока собеседник не откроет полностью свою мысль, старший приказчик ответил вопросом на вопрос:

– К чему же князю искать счастья в далеких лесах? Разве мой князь отчаялся быть счастливым в своем Городе?

Ставр был не слабее грека в игре словами. Он сказал:

– Тебе так нравится Город? В нашем Городе слишком легко горят дворы и дома, когда их хозяин не умеет ладить с соседями.

Это был жестокий намек. Одновременно с гибелью хлебных лодей в Новгороде сгорел нанятый греком двор с последним имуществом. С основанием или без основания, но Василько обвинял соседей в поджоге.

– Князь, князь, – укоризненно молвил грек, – к чему так говорить, к чему? Ах, если бы мой князь захотел, тогда в этом Городе ему было бы не тесно, а широко-широко...

– Ты опять за свое!

– Да, да. Но я стою не за свое, я – за тебя, мой князь. –

И Василько горячо продолжал: – Прошедший час не убыток в делах, его не воротишь и не покроешь никакой прибылью. Страшно терять время. А храбрость потерять – всего лишиться. Мой князь теряет время. Мой князь никогда не лишится храбрости, я знаю его львиное сердце. Увы, у моего князя великие мысли, но он не хочет решиться. Мой князь говорит с нурманнами и с другими людьми окольными словами, а сам...

Василько замолчал. Глядя на него, каждый сказал бы, что грек смущен собственной смелостью. Но он лишь испытывал своего господина.

– Продолжай, – разрешил Ставр.

– О мой князь, к чему? Мудрые египтяне утверждают, что пояс богини Изида, которая оплодотворяет страну Кемии, может развязать только рука мужчины. Ты мужчина, но ты не хочешь. Ты испытываешь себя и других. К чему?

– Чтоб знать.

– Что знать, что? В Новгороде есть один общий закон для всех людей, лучших и худших. Это бессмысленно. Должны быть два закона. Лучшие должны давать законы худшим.

– Продолжай.

– В Новгороде худые мужики-вечники своими голосами перевешивают волю и голоса лучших людей, как камень перевешивает золотые монеты. Это бессмысленно. Новгородские старшины зависят от прихоти темного веча. Это бессмысленно.

– Да, – подтвердил Ставр. – И в Новгороде не так будет. Будет один князь. Не Город им, а он будет править Городом.

Василько метнулся к боярину:

– Наконец-то мой князь захотел!

– Да. И не сегодня лишь.

Грек опустился на колени, и Ставр положил ему руку на плечо:

– Я буду с терпением ковать будущее, как те цезари и кесари, которые год за годом в неизвестном молчании тянули лямку воина-наемника. Слушай, Василько, отныне день за днем, лето за летом я буду пропускать через мои пальцы новгородцев, я буду цедить мелкой сетью мутное людское море. Знай, я не поспешу. Я выберу день, который я сам подготовлю...

– Да, да, да...

– Я не желаю зла новгородским людям. Я отсеку лишние вольности Города, как для пользы больного у него отнимают часть тела. Я найму, я позову нурманнов. Да, я начну подниматься и на их спинах. Я буду в Новгороде как Марий и Сулла, я соединю их в одном моем лице. Я буду первым новгородским кесарем...

– Итак, мой князь... – подсказал Василько.

– Итак, я разделю старшин, я разделю бояр и купцов, я разделю мастеров и прикормлю простых худых людинов, я разобью мысли городских бойцов-ротников...

– Да, да... – кивал Василько, – да. Мой князь мудр, он

После договора со Ставром ватага спешила кончить последние сборы. За всем наблюдали ватажные старшины. Внутреннее устройство каждой новгородской ватаги следовало привычному образцу городского уклада. Избирали главного старосту и нескольких походных.

Ватажный староста получал большую власть, все были обязаны слушаться его приказов без споров и оговоров. Если спустить одному, другому дать потачку и третьего помиловать, то ватага может пропасть. Слабость ватажного старшины приводила к тому, что ватага рассыпалась, как разлетался по ветру стог, сложенный дуром. На Доброгу полагались и ему верили.

В ватаге разный народ. Прибились и несколько женатых мужиков. Есть опытные охотники, на которых возлагается общая надежда. А больше всего идет молодых парней – младших людей, как их зовут в Новгороде. Им наскучило слушаться старших в больших семьях, им хочется на волю, а отец не дает выдела: «Ты еще мало поработал на род». С отцом нельзя спорить, и некому на отца жаловаться. В большой семье и сила большая. По старому новгородскому обычаю отцы не препятствуют сыновьям уходить повольничать.

Полагаясь на бывалого и честного Доброгу, даже строгий

Изяслав без шума отпустил одного из младших сыновей и племянника. В Изяславовом хозяйстве хватало рук, пусть молодые повидают дальние земли.

Еще до света ватага спустилась на волховский лед. Старшины в последний раз оглядели обоз и сочли везы и людей. Забрел день. Ватажники начали класть земные поклоны Городу, родным и друзьям, которые вышли проводить. Кто смеялся, а кто и поплакал.

– Э-гой! Пошли! – зашумел Доброга.

Лошадушки влегли в хомуты и качнулись влево, вправо, чтобы оторвать примерзшие полозья. Обоз заскрипел, полозья заныли.

Вслед махали и кричали:

– Возвращайтесь!

– Родных углов не забывайте!

Ватажники откликались:

– А вы к нам!

– На хорошее житье!

– На богатые ловли!

Вот и голосов не стало слышно. Ватага большая. Уже не видно передних, а задние все оглядываются и оглядываются. Придется ли еще увидеть родных людей и Город?..

Всех ватажников набралось около двухсот, а везов – до пяти десятков. Впереди бегут лыжники, чтобы осматривать дорогу по запорошенному льду и прокладывать путь саням. В хвосте другие лыжники следят за обозом, который идет в

середине ватаги.

Так и пойдут все время, каждый на своем месте, охраняя и сторожа себя и всех. Хотя сейчас ватага идет своей землей и никто ее не обидит, но где же и учиться походному ремеслу, как не дома. Малая ватажка может и спрятаться, и убежать, а у большой ватаги вся сила в порядке.

С обозом ехали двое Ставровых приказчиков для наблюдения за отдачей долга. А рядом с родным и двоюродным братьями шла Заренка. Отец и мать отпустили девушку проводить братьев и погостить у родных, которые жили в новгородском пригороде Ладоге на Волхове, близ озера Нево.

Глава третья

1

От озера Ильменя до озера Нево волховские берега обжиты. На удобных местах лес сведен и земля пошла под посевы.

Богатые земельные владельцы крепко живут на больших огнищах. Жилые избы, клети, хлева и крытые дворы собраны в кулак и спрятаны за тыном. Издали видны толстые черные бревна, заостренные на концах. Над ними теснятся, как опята или овцы, присыпанные снегом крыши.

Большие родá или друзья сели починками. На починках хозяева стараются ставить избы вплотную. Задние глухие стены сходятся вместе, как одна. А впереди дворы закрываются тыном. Ворота прочные, и калитки так узки, что едва пройдешь. Внутри же починков хозяева сообщаются один с другим через дверцы в оградах. Можно весь починок пройти насквозь и подать соседу помощь. На починках живут крепко.

Однако новгородцы не боятся садиться и в одиночку, односемейно, заимкой. Они не любят заранее томить мыслью о том, что кто-то может их обидеть. На полюбившемся месте новгородец рубит избу двумя глухими стенами наружу, а окнами и дверью – во двор. От глухих стен хозяин отводит ограду и замыкает усадьбу. Этого достаточно для защиты от зверя, а от людей нужно полагаться на себя, а не на стены.

Весь Волхов течет под новгородским надзором. Летом береговой огнищанин любит причалить к каравану на челноке, чтобы послушать людей и сменять чего-нибудь для хозяйства. А зимой встречает обозы.

Доброга хотел дойти до озера Нево за четыре дня. Староста наблюдал, чтобы передние держали правильный шаг, а задние не оттягивали.

На ходу следовало присмотреться к людям. К ватагам всегда пристают и те, кто не знает своей силы. Таких нужно вовремя отбить. Чем дальше, тем больше они будут в тягость и товарищам, и себе.

Поэтому-то Доброга с помощью походных старост с первого дня потянул ватагу во всю мочь. Поднимал людей за-темно и вел до поздней ночи. Никому не позволялось при-саживаться на тяжело груженные возы – он берег не людей, а лошадей.

В ватаге нашлось около двадцати девушек и молодых жен-щин. Им тоже не давали потачки: назвался груздем, так по-лезай в кузов! Все они бежали на лыжах, и по одежде их не отличить от мужчин.

Ватага ночевала прямо на льду. Сани ставили в круг, ло-шадей – в середину. По очереди сторожили, а спали на сне-гу, как выводок серых куропаток. В первые дни не варили горячего, довольствовались домашними подорожниками.

Ватажный уклад строже городского. За каждую малую провинность полагается строгое наказание. А за большую вину могут лишить и жизни. В Новгороде нет обычая каз-нить смертью. За каждую вину по Правде назначается вира. Но и в Городе бывает, что на вече обозленный народ забива-ет преступника насмерть.

Не думает молодежь о дурном, не ждет худого от жизни. Заренка не отставала от братьев. Все-то любо девушке, так бы она и бежала до самого края Земли! Ее радуют и мороз-ный воздух, и скрип саней, и говор ватажников, и заснежен-ные берега, и черные леса, и избяные дымки починков и за-имок.

Когда кто-нибудь бежал к ватаге навстречу, девушка при-

бавляла шаг:

– Что-то мне стало зябко.

А если прибрежный житель догонял ватагу, то Заренка останавливалась и оглядывалась.

2

У Доброги распрямилась спина, и он больше не кашлял. Ватажный староста совсем оправился от осеннего недуга. Он точно родился на лыжах. Доброга среднего роста, такого же, как Заренка. У него широкая шелковая борода, не черная, но и не светлая, чистое лицо, румяные щеки, глаза веселые и на языке всегда готово умное слово. Он не знает ни усталости, ни покоя. То остановится и, щупая рысьими глазами, пропустит мимо себя всю ватагу, то пристанет к кому-либо и пробежится рядом, поговорит. Знакомится со всеми.

Доброга любит молодок и девушек, ему теплее около них. И они его любят. Он споет песню, шутит шутку, расскажет небылицу. С веселым человеком хорошо, не хочешь, а рассмеешься. Доброга шутит не обидно. Его знают как мастера играть на гудке.

– Гудок-то свой взял?

– Взял, да не про вас он, – ответил староста, а сам примечал: этот парень что-то слабоват. Не прошло и полдня, а он, как рыба на берегу, ловит ртом воздух.

– А для кого же гудок? – не отстают молодки. Знают, что

староста припас, чем повеселить людей.

– Как придем на реку, буду играть в лесу. Там живут соболихи, они великие охотницы до гудка. Сейчас прискачет и с себя сама шкурку стянет. На, мол, тебе, охотничек, за то, что меня, забытую и печальную, хорошо потешил.

– Знаем, уж знаем мы, какие тебе соболихи снятся! – смеются женщины на старосту, а тот предлагает парню:

– А ну! Давай бежать наперегонки. Осилишь меня, гудок твой. А он у меня дорогой, заговоренный.

Парень не признавался в своей слабости и отшучивался:

– Ладно тебе, Доброга. Владей своим гудком, он мне не нужен, я и так соболич наловлю.

А волховские берега уходят и уходят. За ватагой ложится на лед широкая, наезженная дорога.

Слегка снежит. Небо затянуто, и большого холода нет. Люди греются на ходу, сбивают шапки на затылки, суют рукавички за пояса и развязывают завязки на тулупчиках. Тепло.

По-над берегом кто-то бежал наперерез ватаге, на круче пригнулся и прыгнул вниз. Аж завился белой пылью и покатил по льду. Ловок! Он завернул и оказался в голове ватаги:

– Кто староста?

Доброга как услышал, побежал вперед. Не один. С ним вместо слабого парня погналась Заренка. Рядом бегут. Нет! Девушка вырвалась вперед, Доброга отстал. Всем развлечение. Народ шумит:

– Ай да девка! Ишь, шустрая! Наддай, наддай!

Шалит Доброга, дает девушке поблажку. Во весь рот ухмыляются старые дружки ватажного старосты: Доброга известный мастак! Заренка же бежит и бежит. Девичьи ноги легкие.

Староста нажал и пошел рядом. Сказал Заренке:

– Не спеши, задохнешься.

Нет, девушка дышала ровно. Она только сверкнула на охотника черными глазами и прибавила ходу. И Доброга прибавил. Так и добежали в голову ватаги, будто в смычкѣ. Поиграли и будет.

Незнакомый человек бежал к ватаге. Заренка остановилась, чтобы пропустить ватагу и встать на свое место.

– Ну девка! Хороша! С такой не пропадешь, – одобряли Заренку ватажники. Она не отвечала, будто ей в привычку гоняться на лыжах с лучшим охотником.

Доброга на ходу беседовал с пришлым парнем, кто он, что умеет. Парень еще с осени слышал о ватаге и хочет с людьми идти.

– Собирайся, догоняй ватагу, – разрешил староста. Не последний человек просится в ватагу, будут по пути и еще приставать. О новых будет решать ватажное вече, а старосте этот парень понравился.

Опять ватажный староста скользит лыжами рядом с Заренкой, рассказывает о далеких лесах, безыменных реках, о непуганых зверях и птицах. Бывалый охотник знает тайные озера в глухомани, где в лунные ночи удальцам случалось подсматривать белых водяниц. Водяницы играют, нежатся...

Смельчак крадется в челноке, веслом не плеснет. Только руку протянет, чтобы схватить, а уж их и нет. Они обернулись белыми кувшинками, озерными розами, а в воде, где они плескались, ходит одна рыба. Потянешь кувшинку за длинный стебель, а водяница его снизу тянет, играет с тобой.

А иной раз водяницы оборачиваются лебедями. Нужно знать слово. Это заветное слово на заре, после первой весенней грозы, раз, лишь один раз в своей жизни молвит лебедке лебедь. Это верное слово знает и дикий гусь. Услышав, лебедка повторяет слово и на всю жизнь слюбляется с лебедем. Вот почему так крепко брачатся и лебеди, и гуси.

Если же человек подслушает это слово, запомнит и скажет водянице, его она будет. В ней сразу сердце заговорит, ей холодно сделается в воде, и она, больше ничего не боясь, сама вся потянется к человеку. Тут ее и бери. Она сделается верной женой, откроет любимому все водяные и лесные тайны и живет с ним, не стареется, такая же, как в первую ночь на озере.

Но с человеком водяница живет только летом. Когда вода начинает подергиваться первым льдом, любушка уходит вглубь и спит до весны.

Водяница берет от человека зарок, чтобы он хранил ей верность и в деле и в мыслях. Кто нарушит зарок, больше не увидит любушки. Зиму он проживет спокойно. А летом, проснувшись, водяница ему не даст покоя. Она будет рядом невидимо плакать горькими слезами. От них неверный человек чахнет, пока не сгибнет совсем.

Все, затаив дыхание, слушали Доброгу. Сам же бывалый охотник и вправду вспоминал лунные блики на озерах, белые руки и прозрачные тела дивных купальниц. Он скрадывал весенние лебединые тайны, слышал и слово, но не сумел ни запомнить его, ни повторить.

– Ан ты, Доброгушка, водяницу-то покинул, что летом чахнул, а зимой она тебя отпустила? – задела старосту бойкая молодка. Она шла с мужем и заранее приревновала его к водяницам.

– На что мне водяницы? Я и без них хорошо проживу! – засмеялся Доброга и побежал вперед.

Убежал староста, и Заренке сделалось скучно. Она не слышала таких слов, какие знает ватажный староста, и не видала таких людей. Она задумывается, а о чем – сама не знает. Какая же девушка разберется в своем неопытном сердце?..

А Одинца все нет как нет.

Глава четвертая

1

Одинец шел лесом и тащил за собой санки. Широкий лубок был высоко и круто загнут, и на нем был закреплен лубяной кузов. Такие санки на сплошном и широком полозе легко тащить без дороги. В коробе лежало приданое молодца и запас еды на дорогу. Сверху привязаны лыжи.

Снега мало, земля припорошена едва на четверть, и видны былки. Где бугорок – там гриб-дедовик, где холмик – там домик спящих муравьев.

Лычницы шоркали, и под снегом похрустывал сушняк. Близкий звук не уходил, он будто оставался на месте. В лесу тихо, как нет никого. Морена сковала и воздух.

Тсарг с меньшим парнишкой провожали гостя. Девка было метнулась, но отец на нее цыкнул.

Версты две они шли молча, каждый сам по себе. Тсарг с сыном то обгоняли Одинца, то отставали. До самой разлуки не сказали ни одного слова. Наконец Тсарг взял Одинца за плечо:

– Иди так, – и мерянин показал на север. – Будешь идти так два дня или три дня, все едино. Потом еще три дня пой-

дешь на полуночник. После опять ступай на сивер. Смело топчи землю и дни считай. Гляди, день на третий, на четвертый ли и выйдешь на большую реку Свирь-Глубокую. Она течет из Онеги-озера Звонкого в Нево-озеро. По ней ватагата пробежит. Ладно... Иди!

Одинец упал на колени и ударил доброму человеку лбом. – Иди, иди, – тихо сказал мерянин, – ладно тебе. – Он сам низко кланялся Одинцу, а парнишка Тсаргов от сердца отбил земной поклон.

Встали и повернулись: Одинец – на сивер, Тсарг – на полуденник, – и расстались. Потом Тсарг оглянулся. Одинец шагал саженными шагами, и за ним прыгал лубок. Шибко идет!

– А-ой! – закричал Тсарг. – Много-много шкурок накопишь, приходи! Откупишь виру, у меня жить будешь!

Одинец запнулся, снял шапку и махнул: слышу, мол. Опять зашагал...

А Тсарг все глядел – большой парень, сильный работник... Эх, уходит!.. Над рысёй шапкой, которую Тсарг дал Одинцу, торчали, еще прибавляя роста, лук и навешенная на спину рогатина. На другом краю поляны Одинец чуть обернулся, махнул рукой, и нет его больше, совсем ушел.

Пора и Тсаргу, у него много дел. Мерянин пустился вместе с сынишкой большим кругом проверять капканы и силки, вынимать добычу и наново настораживать стронутую снасть.

У старшего большие заботы. Семья держится его приказом. Семья – сила. Рассыплется семья – каждый обидит. Но приказ старшего без ума ничего не стоит. По присловию – кривую спину не выпрямишь кафтаном и глупую голову не украсишь шапкой. Тсарг шел и в уме отсчитывал все будущие денечки – кому, что, как и когда делать. От дум тяжела голова.

2

А Одинцу нипочем. Одна не болит голова, а болит – так все одна. Оружие хорошее, силы достаточно, и ему сам лучший был не брат. Он шагал и шагал в деревьях и поросли, выбирая дорожку для лубяных санок, поглядывая на мох и сучья, чтобы определить путь и не сбиться в серенький денек, когда по небу не поймешь, где полуночь, а где полдень.

В середине дня беглец присел на повалившееся дерево, съел кусок вяленого мяса и – дальше. Усталости нет, ну и ступай.

Встретилось широкое болото, куда шире того, через которое Одинец осенью пробирался к Тсаргу. Желтел тростник с черными бобышками, под снегом темнели кочки, и голый раkitник стоял, как обгорелый. Щедрая клюква до весны спряталась под снегом. Окон не видно, зыбун затвердел.

Не верь болоту и зимой. Болотная жижа густа и тепла. Там, где к кочкам, камышу и к кустам ветер подбил снег, в

самые лютые морозы не замерзает вода.

Пора становиться на лыжи. Охотничьи лыжи короткие, шириной же в четверть. Передки распарены в бане, заострены и выгнуты. В них были высверлены дырочки для поводка, чтобы легче вертеться в лесу.

Теплый зыбун еще дышал. Иногда на лыжном следу снег сырел, прихватывая санки. В таком месте, эй, не стой, ступай вперед. Но и бежать не беги, не зевай и сильно не дави, лыжи вынесут.

Вот и конец болоту. Одинец поглядел назад. Широкий малик от лубяного полоза петлял, но нигде не рвался. Веревочка к Тсаргову огнищу, ее еще долго будет видно. Засыплет новым снегом, отпустит оттепелью, малик постареет, но все зоркий глаз его найдет. А что впереди? Чего же зря терять время, иди да иди.

До этого места мысли Одинца летели назад. Все думалось о Тсарге и о его семье, как он жил с ними. Добрые люди. Думалось о возвращении Тсарга из Города, что он сказал и как, не медля часа, принялся собирать Одинца в путь. А девка, дочь Тсарга? Пустое дело. Вот если бы подменить ее на Заренку... Заренка!

Мысли Одинца оторвались от Тсарговой заимки и полетели вперед. Пятнадцать фунтов серебра – большое богатство, но ведь и оно собирается по золотникам. Тсарг сказал правду. Набрать побольше мехов и оправдать виру.

Небо густо посерело. Парень зашел в пихтач и выбрал де-

рево, подсохшее на корню. Чтобы не было жарко, он сбросил тулупчик и нарубил пихтовых лап на постель. Сухое дерево он свалил, сбил сучья и надколол бревно припасенными в поклаже клиньями. Потом он приподнял его на сучьях и развел костер под хлыстом.

Он расстелил пихтовые лапы вдоль готовой нодьи, чтобы не лежать на снегу. Костерок разгорелся, из хлыста закапала смола, и надколотое бревно приняло огонь. Теперь дерево будет само себя досушивать и кормить огонь без отказа. Пламя сгрызет бревно до самого комля.

За делом сгустилась ночь. Здравствуй, темная! У нодьи светло и тепло. Одинец растопил в котелке чистого снега, бросил горсть крупной муки и щепоть соли, опустил кусок вяленого мяса. Каша поспела быстро, и самодельная ложка дочиста выскребла котелок.

Свет от нодьи ходил по непроглядной стене, показывал и гнутые, щетинистые лапы, и сизые стволы, и волосатый мох на ветках. На огонь налетела сова, бесшумно порхнула туда и сюда, метнулась, и нет ее. Одинец смотрел вверх, как из колодца. Наверху плясала и мигала звездочка.

Ой, звездочка, все-то ты видишь, все-то знаешь, но не расскажешь. А близка ты... Опустилась, ясная, и повисла над самой лесной вершиной. Влезть и достать рукой. Нет, обманывает, не долезешь до нее. Чтобы дотянуться, нужно построить невиданную башню.

Одинцу мнилось, что он рубит лес и ладит башню до са-

мого неба. Вот и звезды. Они литые из чистого серебра.

3

Телу стало холодно и дрожко. Одинец проснулся. Огонь по ноде отошел, пора перебираться за теплом.

За лесом небо видно плохо, и нельзя рассмотреть, как звезды повернулись кругом своей Матки. А нодея говорила, что минула уже немалая часть ночи. Теплая нодея тлела, как свеча, оставляя за собой голую, посыпанную пеплом землю.

Одинец переполз по пихтовой постели против огня. Здесь хорошо, подставляй спину в одной рубашке, спереди прикройся тулупчиком и спи, как в избе.

Первый сон силен и быстро борет человека. Второй ленивее и туманит понемногу, подходит, отскакивает. Нодея шипела и потрескивала под зубами огня. Огонь доберется до конца бревна и опять куда-то скроется, будет ждать, пока огниво не выбьет малую искорку из кремня на варенный в печной золе древесный гриб – трут.

Кругом тихо. Кажется, что крикни, и голос пойдет до самого Тсаргова огнища, до Изяславова двора в Городе. Но попробуй крикнуть! Лес примет твой голос и спрячет. Лес быстро глушит человеческий голос, он любит другие голоса. Он подхватывает и несет весенние птичьи свисты, щелканье, гульканье, гоготанье, цыканье, гуканье, бляенье, бормотанье, тарактанье и каждый вскрик жаркой и бурной пти-

чьей любви.

Зимой сонному лесу тешиться нечем. И он затягивает в дремоте тоскливую песню: «Холодно, голодно, ах, а-ах, уу-ах, тошно, у-о...»

Зимняя песня начинается сверху и тянется поверху. Дрожкая и зыбкая, но вместе и острая, она режет сердце серпом. На втором колене дикая лесная песня расплзается шире и опускается, уже не летит она, а лезет по чаще. А на третьем колене глохнет, будто втыкается в вязкое болото.

Эх вы, ночные зимние песни! Вас поет не счастье, не радость, не любовь. Вас поет нужда, но об этой нужде никто не запечалится, и ничья рука не протянется помочь. Эта нужда злая, и утоляется не трудом и лаской, а живой кровью и теплым мясом. Ей никто не верит, никто не разжалобится.

Злую песнь тянет бездонное волчье брюхо, поет несытое волчье горло. Одинец слушал сквозь дремоту. Волчья ночь еще не пришла, волки еще боятся огня и человека. Пусть воют.

4

Нодья догорела одновременно с первым светом. Одинец поторопился сварить кашицу. Его сборы были недолги. Встал – и весь тут.

Он черкнул ножом по древку рогатины – поставил бирку за пройденный день. Он торопился. Лесные пути неровны.

И быстро бежишь, и зря теряешь время, когда, запутавшись в глухомани, петляешь зайцем. В красном сосновом раменье легко, в еловом труднее, а в чернолесье приходится тащить санки на себе и лезть медведем напролом. Наломаеть спину и ищи обхода.

Для ноды пригодно не каждое дерево. На все нужно время и время, а зима шла к солнцевороту, и ночь боролась день. Одинец старался не терять коротких дневных часов.

Дважды выходил он к чьим-то огнищам. Он ничего не боялся, сидя у Тсарга, а теперь думал, что его могут опознать, и делал большие обходы.

На шестой бирке Одинца застигла злая метель-поползуха. Он построил шалаш, ухитился ельником, чтобы не засыпало, и отсидел, как зверь в берлоге, два дня. Метель навалила по пояс рыхлого снега, а Одиницу приходилось тащить салазки.

Просветы открылись на четырнадцатый день, и беглец вынырнул из лесов, как сом из водяной глубины.

На пустошах торчали обгорелые пни после пала, издали поднимался живой дым.

Починок был поставлен на высоком речном берегу. Надо льдом вверх днищами лежали расшивы и челноки. На реке кое-где около прорубей копошились люди.

Одинец скинул рукавичку и посмотрел на руку: черная, закопченная дымом и сажой. Он подумал, что и лицом он весь почернел. Кто узнает такого?

Толкнулся в калитку. Хозяйка ответила, что мужа нет до-

ма, а без него она не пустит в дом чужого. Ну и леший с ней... Постучался рядом, и его впустили, хотя и здесь не было мужиков: кто в лесу, кто пошел в Загубье, новгородский пригородок, кто возится на льду и достает сига, тайменя, ряпушку, хариуса, снетка, голавля-мирона, тарань, язя, плотву.

Словоохотливая и радушная хозяйка объяснила гостю, что не ошибся он, нет, как раз и угодил на реку Сверь, или Свирь, она же Сюверь, что значит Глубокая...

– А из Новгорода повольничья ватага проходила ли?

– Не было такой, не было. Мы бы увидели. А слух ходил. Новгородские сильно сбивались идти зимним путем на восход от Онеги-озера. Так это, точно. А не видали ватагу-то. Мимо ей идти, одна ей дороженька, по нашей Сювери-Глубокой. Где же тебе товарищей ждать тех, голубь, как не здесь-то? Живи.

Когда Одинец жил у Изяслава, на него нередко находило безделье, и он отлынивал от дела, меняя его на забавы. С первого дня жизни у Тсарга пришла перемена, руки все время просили работы. Парень соскучился по звонкой наковальне и по горновому пламени. Новый случайный хозяин оказался сереброкузнецом. В ожидании ватаги Одинец помогал ему лепить из воска серьги, застежки и наручные кольца, снимать формы и отливать красивые безделки.

Глава пятая

1

Старый новгородский пригород Ладога, что значит Приволновый город, стоял за тыном, на высоком берегу Волхова, недалеко от озера Нево. Ватага прибыла в Ладогу на четвертый день.

Старосты объявили дневку, отдых лошадям и людям. После Ладоги путь пойдет по невскому льду до Свирского устья. Нево летом бурное, а зимами выюжное, его нужно одолеть за один день.

Повольники рассыпались по дворам Ладоги. Заренка с братьями пришла к родным. Там поднялся дым коромыслом. Хозяйки захлопотали, принялись топить печи. Мужики были рады бросить обычные дела ради гостей, почали новые липовые кадушки, потчевали дорогих гостей медом, пивом, не забывая и себя. Одна Заренка сидела смутная и грустная.

Хозяева не удивлялись на молодежь, которая оставляла семьи, меняла родное тепло, отцовскую заботу и материнскую ласку на широкую даль без мысли о том, что ждет впереди.

Отрастив крылья, птенцы улетают из гнезд, набравшись

силы, медвежата оставляют медведицу. У всех одинаково. Разрастается семья и бросает от старого корня новые побеги. Так по разуму, но сердце чувствует иначе.

Заренка с тоской обнимала своего брата Сувора и, положив ему на плечо голову, говорила со слезами:

– Куда ты идешь, как будешь жить с одним Радоком?

Двоюродный брат Заренки Радок старше ее на два года, а родной брат Сувор старше почти на три. Сувор такой же смуглый и черноволосый, как сестра. Эти две веточки Изяславова ствола вместе росли и всем делились, не имея тайн. Сувор крепко дружил с Одинцом, не препятствовал ему и сестре любиться и горевал, когда Одинца выгнали из Города. Не стало Одинца, еще больше Заренка прильнула к Сувору. Девушка шептала брату:

– Я не хочу возвращаться домой, хочу идти дальше с ватагой.

– А как же без спросу оставишь мать и отца?

– У них и без меня есть кого любить.

– Дорога будет тяжела, сил у тебя не хватит.

Заренка вспыхнула, у нее сразу высохли слезы:

– А сколько баб и девок идет с ватагой! Что я, хуже других?

Если ответить по совести, то Заренка не хуже, а лучше многих. Едва научившись ходить, она не отставала от Суворра. Он с топором, и она тут: «Дай, я потяпаю».

Сувор с луком, и она тянет за тетиву с той же ухваткой.

Они вместе гребли на челноках и вместе переплывали саженьками Волхов, не боясь быстрого течения и мутной глыби широкой реки. Сильная и упорная, Заренка следом за Сувором проходила мужскую науку.

Не мог Сувор ни отказать сестре, ни согласиться с нею и ждал, чтобы скорее минула короткая дневка.

2

Но дневка затянулась. К утру закурились застрехи, и дым погнало обратно в избы. С каждым часом выюжило все сильнее. Небо замешалось, и наступил такой темный день, что стало впору зажигать свечи, лучину и носатые фитильные плоски, налитые маслом.

Доброга собрал своих походных старост судить о ватажных делах. Из кожаной сумки-зепи Доброга доставал берестовые листки. Каждый листок выбран из лучшей, чистой бересты, тонко расщепленной и расправленной под гнетом. На них бывалый охотник начертил шилом пути, которыми он возвращался в Новгород с неведомой реки.

Длинная дорога легла не на один и не на два листка. Доброга подбирал их на столе один к одному не зря. На одном уголке каждого листка буква показывала порядок, а на другом был выжат шилом крестик, обозначающий небесную Матку.

Доброга размыслил положение избы на Матку и раскла-

дывал свои листки. На них были нарисованы речки, ручейки, болота, озера и озерки, леса, рощи, поляны. С листа на лист ползла змейка дорожки. Все видно, и все понятно. Кто с умом, тот не потеряется. А глупый, тот и в трех соснах заблудится. Доброгина речь не для глупых.

Слушая своего ватажного, походные старосты опасались пропустить нужное слово или проронить свое лишнее. Если чего сразу не понял, то лучше постарайся сам сообразить, а переспрашивать умеи невзначай, чтобы не показать себя глупее других.

У новгородцев острые языки. За вздорный вопрос прозвуют недомекой, тяжкодумом, дуботолком или выдумают обидное прозвище. Оно, того и гляди, так прилипнет, что не отделаешься.

Доброга это знает, поэтому не торопится, повторяет и возвращается назад. Он хочет все нужное как долотом забить в головы своих подручных. Много, много всего случается в лесных странствованиях. Ватага не может держаться на одном человеке. Должна быть готова замена.

Мужики сопят-посапывают, теребят бороды, слушают, думают. На берестяных листах Доброгиных расставлены метки и обозначены дни хода. До озера Онеги ровная дорога, по льду. Это известный путь. Доброга отметил удобные для ночлегов леса и починки. Ватажный староста положил в шестнадцать дней дойти до восходного берега озера Онеги. На дневки он добавляет четыре дня. Да еще может задер-

жать случайная непогода. Всего будут идти по двадцати пяти дней.

После озера Онеги начнутся настоящие труды. В Черном лесу нет никого: ни русских-славян, ни веси, ни чуди, ни югоры. Одни бобры на ручьях поставили плотинки и затопили лес. На сухих релках растет красное раменьё – сосна, ель, вековечная пихта. Начинаются соболиные гоны, много оленя, лося, бортовой пчелы, глухаря, рябка, тетерева, медведей и волков. На озера и болота веснами приходят несметные рати водяных птиц. В Черном лесу нет и нет человека и нет водных путей. Доброга с товарищами пробивались летом и расплачивались жизнями.

Сколько же времени придется идти Черным лесом? Если бы бежать, как по льду, то дней пятнадцать. В летнюю пору будешь мучиться дней семьдесят или восемьдесят и все равно не пройдешь ни обозом, ни многолюдством. И зимой, хотя топи закованы, нет ни прямой, ни легкой дороги. Придется и прорубаться, и делать обходы. Глухомань. Доброга клал на Черный лес не двадцать и не двадцать пять, а все тридцать дней. Это не беда. Там много зверя, и там ватага будет сама себя кормить охотой.

Добрались до двух последних берестяных листков. Вот и острожки, в которых хранятся шкурки, собранные Доброгой и его погибшими товарищами. Рядом пробежная вода, никем не виданная безыменная река. На ее берег ватаге следует прийти до дня весеннего солнцестояния, до поры злых

предвесенних выюг. На речном берегу ватага будет до лета валить лес, ставить срубы, долбить челноки, готовить расшивы и охотничать на зверя и птицу.

А ветер все выл и выл над Ладогой. Старосты разогнули спины, вышли на крытый двор и на улицу. Крепко напала поползуха. Дурóм закрутила. Что же делать? Сидеть на месте, в Ладоге. На открытом невском льду выюга так закружит, что навеки успокоишься в сугробах. Дневка продлится. А пока – обратно в избу. Думать о дороге и о новых местах. Чем больше думаешь, тем больше думается. Как на новом огнище: одну лесину свалил, за ней стоит другая.

На полатях лежали ребятишки. Слушая взрослых, они боялись пошевелиться. Долго еще будут ребятишки между собой обсуждать ватажные дела и завидовать старшим. А подрастут, и сами расправят крылья.

3

Третий день крутила непогода. Доброга зашел в дом, где Заренка коротала время с братьями. Староста, весь в снегу, весело выбирал сосульки из бороды. С ним в избе сразу стало тесно и шумно.

Хозяйка по обычаю поднесла гостю ковш с брусничным пирогом на заежку. Доброга пил без опаски. У него голова крепкая, держаный хмельной мед ему придавал силу. Он запрокинул голову и вылил в себя мед, как в кувшин.

Крякнул и пошутил с невеселой Заренкой:

– Что ты, девонька, завесила глазки ресницами? Не печалься. Братцы вернутся и тебя, как боярышню, оденут соболями и бобрами. А осядут на новом месте, так ты приходи к ним. Они будут большими владельцами, поставят широкие дворы, а тебе приготовят доброго и богатого-пребогатого жениха!

Девушка не отозвалась, и Доброга не потребовал ответа. Он знал женское сердце. Не вышло сразу, и не приставай, не нуди, заводи другую речь. Девки, как жеребята: взбрыкнет – и ищи ветра в поле. Он расспрашивал Сувору и Радока, какое ремесло они знали, как умели владеть оружием, как охотничали кругом Новгорода, как ловили рыбу. Хорошие парни, о них ничего, кроме хорошего, не скажешь. Одно слово – Изяславовы. Беседа сошла на охотничьи были. Доброга говорил, не глядя на Заренку, но чувствовал, как девушка его слушала. Ватажный староста не ошибался. Заренка не встречала людей с таким ярким, будто дневной свет, словом, как Доброга. Он говорил, а она как видела все. Она невольно сравнивала Доброгу с молчаливым Одинцом, и тот отступал, казался мальчиком рядом со зрелым мужчиной.

Ватажный староста не красил повольницкую жизнь. Он не забывал сказать о мелкой мошке – гнусе, которая точит живую кожу, лезет в рот и в нос, не дает дышать. Воды не напиться: пока успеешь донести к губам ковшик, мошка уже плавает поверху, как отстой сливок в молочном горшке. Лес-

ной комар летит тучей, застилает небо, и его рукой не отмахнешь. В начале лета от комариных укусов у человека отекают руки, шея, лицо. Но потом привыкаешь. Комары жалят по-прежнему, а опухоли нет. А лесные речки только и подкарауливают человека, чтобы утопить. Омуты, бочаги, колодник...

Сувор и Радок согласно кивали. Знаем, мол, не боимся.

– Слышишь, как? – спросил сестру Сувор.

– Не все же по ровному ходить, – коротко ответила Заренка.

Как будто ничего не слышав, Доброга продолжал рассказывать о ловлях и охотах, о звериных повадках. Он передавал сказания о медведях, которые похищали баб и девушек и усыпляли их корнем сон-травы, чтобы они не могли зимой убежать из берлоги. Он рассказывал о схватках с коварной рысью-пардусом, о поединках с медведями и летом и зимой. Говорил о том, как он четыре дня ходил по следу медведя, который погубил в Черном лесу его товарища, и как в отчаянной борьбе со злобным зверем отомстил за друга.

Он разгорелся, но соблюдал свою честь: не привирал и не придумывал. Мало ли он повидал! Если все вспомнить, ему одной чистой правды хватит на всю долгую зиму.

Он собрался уходить, и Заренка вышла за ним. За дверью, с глазу на глаз, девушка спросила ватажного старосту:

– Не прогонишь меня от ватаги, если я с вами пойду?

Доброга усмехнулся:

– Не боишься, что тебя медведь украдет?

Девушка вспыхнула и топнула на старосту ногой:

– Не смей, не пустоши! Другую украдет, а я не дамся! Дело говори!

У Доброги пропал смех. Он протянул к девушке руку, будто о чем попросил, и тихо сказал:

– Не в шутку говорю, а в правду, по чести. Трудно будет нам, трудно...

– Мне – не трудно, – отрезала Заренка.

Староста взглянул, точно ее увидел в первый раз:

– Что же, иди. Я не препятствую.

Он вышел на улицу. Пусто, темно, вьюжно. Все живое попряталось, собаки и те молчат. Вымер пригород. Снег сечет лицо, а Доброге радостно, ему непогода – ничто! Он потянулся, расправился. Он чувствовал свою силу, будто совсем молод, будто прожито не сорок лет, а двадцать и по жизни еще не хожено, будто в его жизни все может быть наново, и все – в первый раз.

Эта девушка, Заренка, родилась на свет не для шутки и не для легкой забавы. Такая и сильного согнет, и на вольного наденет путы. И – ладно!

Глава шестая

1

Ватага, переживая непогоду, отсидела в Ладого три дня. К вечеру третьего дня метель прекратилась, небо прояснилось, и по улицам прошли старосты с криком:

– Сбирайся! Выходи!

Навалило рыхлого, пухлого снегу. Под ним залегло озеро Нево с зелеными водами, с бездонными ямами, со скользкими скалами, с серыми и желтыми песками.

Ватага выползла на озеро, построились и тронулись. На ровном снегу не было следа, повольникам пришлось пробивать первую дорогу на Свирь-Глубокую.

Погляди на серых гусей в их высоком полете. Сильные птицы тянут дружным косяком и беспрестанно меняются. Кто летел в острие клина, отстает, уступая свое место другому. Видно, и в небе, как в снегу, приходится пробивать путь, и умные птицы делят труд.

Ватага полетела по озеру, как гусиный табун. Впереди трое повольников на широких лыжах пахали борозду. За ними трое других припахивали, а за теми остальные уминали и накатывали доплотна. И обоз катился, как по улице. Ло-

шадкам было только и труда, что пятнать копытами твердую дорожку.

Новгородцы умели ходить зимой, и им не были страшны никакие снега. Чем больше бывало в ватаге людей, тем скорее она бежала.

Головные менялись в очередь. Соскакивая с ходу в снег, они пропускали лыжников и, став перед обозом на умятый след, отдыхали на легком ходу, пока вновь не оказывались в голове. Со стороны казалось, что ватага бежит бегом, а по сторонам все стоят и стоят столбиками люди.

После вьюги мороз крепчал. Пройдя ночь, утром ватага остановилась перевести дух. Шапки, бороды и длинная шерсть на лошадях заиндевели. Над ватагой стелился туман. Солнышко поднялось красноватое, как желток печеного яйца, и в дымке. Видно, и его морозец пощипывал за ясное личико.

На полудне легла темная полоса – лесистый берег озера. А впереди острый глаз мог различить сизое облако – губу глубокой реки Свири. На левой руке сплошь до самого неба стелился снег. Все белым-бело, засыпано серебряной пылью с синими искорками. Нет, не всё.

– Глянь-ка! – показывал один из бывалых людей молодому парню. – Видишь?

Парень смотрел, сомневаясь, и спросил:

– Там? Чернеется. Не то рукавичку кто на снег бросил?

– Рукавичка!.. Такая рукавичка будет с тебя ростом. Это

водяная свинья – нерпа вылезла подышать. До нее знаешь сколько ходу будет? То-то!

Повольники переговаривались, отдыхая, и Нево не молчало. Вздохнуло, и издали пошел гул. Ближе и ближе гудело, под ногами треснуло и смолкло.

Это во сне с боку на бок повернулся Невский Водяной, от него пошла волна и качнулся лед. Старому чудится Весна.

Придет тепло, разломает крышку, и озеро поцелуется с вольным ветром. Заиграет оно, забьется волной, поднимется пеной, а в пене и сам Пучеглазый запрыгает, распустит зеленые волосы, зашлепает щучьим хвостом и перепончатыми лапами. Ему буря любя. Хитрый. Играет, а сам зыркает белесым глазом на небо, как бы и его самого невзначай не зашибло громом. Он ловок: молния чуть сверкнет, а он уже спрятался, на дне отсиживается. Спи до своего срока, Озерский Хозяин. Тебе еще долго придется отлеживать бока.

Нагоняя ватагу, от Ладоги по проложенному следу бегут люди. Отсталые. С ними и новые могут быть. Решили до срока никому отказа не давать. Пусть идут, показывают себя и знакомятся с коренными ватажниками.

Заренка идет с братьями. Они в Ладоге сказались родным, что девушка еще немного проводит парней. А на самом деле она переволила братьев и обошлась без разрешения Изяслава.

Родительская власть велика, и родительской волей, как сноп жгутом, держится семья. В роду дети слушаются отца и

матери до собственных белых волос. Но вдали от глаз старших семейная связь горит соломой, молодые стремятся уйти от родного дома, и их ничем не удержишь.

Так было исстари, и так будет всегда. Если бы не уходило из дому молодое племя, кто бы подводил под Новгород новые земли, пускал в Черных лесах новые палы и расчищал новые огнища?

Верно все, правильно... А все же прежде своего времени белеют отцовские головы и слепнут слезами материнские глаза. Молодое сердце – жестокое сердце. Ему жить, а всем другим – только стариться.

2

До ночи ватага успела достичь Свирской губы и пробилась через губу по узкой шейке. На ночевку встали в Загубском починке, на свирском берегу. В Новгородских землях все дороги считались от Города, поэтому так и называли починок.

Река Свирь уже Волхова, берега пустынны и лесисты. От Загубья ватага ночевала в лесах.

Ватажный староста быстро сдружился с братьями Заренки. Сувор и Радок искренне гордились, что Доброга их отличал от других, и между собой говорили о нем и старались ему подражать. С Заренкой Доброга говорил редко, зато с братьями беседовал так, чтобы его слова девушка слышала. И поглядывал на нее. Иной взгляд говорит не хуже слов.

Девушка ушла из Новгорода ради Одинца. Она видела и ждала его в каждом новом человеке, который просился в ватагу. Кончился Волхов, Нево позади, ватага идет Сюверью, Одинца нет и нет... Но хотя и не поздно, Заренка не думает о том, чтобы вернуться домой.

– Утомилась, девушка? – ласково спросил Доброга, который незаметно очутился рядом.

– Нет.

– Добро.

Они взглянули друг на друга, вот и весь разговор. Заренка не думала о возвращении, ее не тяготила дорога. Она мужала с каждым днем. Быть может, теперь она пошла бы с ватагой и не для Одинца. Доброга сговорился с Сувором и Радоком: они на новых местах сядут вместе и будут вместе охотничать. Но почему он не советуется с ней? Глупой, что ли, считает?

Заренка досадовала, но не могла не глядеть на Доброгу и не прислушиваться к его словам. Ей нравились и голос, и лицо, и все ухватки Доброги. В нем было все такое складное, ловкое, смелое. Красивое лицо, гладкая золотистая борода, серые большие глаза, то суровые, то добрые. Нельзя было понять, куда он речь повернет. А когда он говорил, Заренке хотелось слушать и слушать. Одинец был другой: молчаливый и будто меньше Доброги. Большой сильный парень казался девушке каким-то недорослым, когда она по памяти сравнивала его с Доброгой.

Вдруг девушка услышала, как Доброга сказал Сувору:

– Пристал один парень, который осенью в Городе убил нурманна...

Ей стало жарко. Она догнала братьев и, едва не наступая на концы их лыж, слушала. Ватажный староста говорил:

– Он жил в доме вашего отца, зовется Одинцом. Что о нем скажете?

Сувор обернулся и обнял Заренку:

– Вот не ждали не гадали, что по дороге найдем твоего любушку!

И уж сам Одинец бежал к ним по чистому снегу рядом с ватажным маликом, таща за собой лубяные санки. Он оттолкнул Сувора и облапил Заренку. Молчит, не знает, что сказать, задыхается.

Заренка вырвалась:

– Пусти! Какой ты скорый!

Тем временем Доброга убежал в голову ватаги, будто его не касается.

3

На восьмой день после Загубья ватага остановилась на дневку в прибрежном лесу. Повольники валили деревья, ладили шалаши из вершин и лап, разметали снег и устраивали постели. Вскоре закурились ногды.

В лесу стало шумно и весело. С первого дня, как зародился этот лес, в нем не бывало такого.

Ватажники сушили и чинили одежду и обувь, варили горячее. Потом началось первое походное вече.

Повольники выбирают своих старшин без срока. Так уже повелось, что старшины служат, пока угодны людям, и в самом Новгороде, и в его пригородах, и в ватагах. Доброга спросил, довольны или недовольны людство им самим и другими походными старостами.

– Довольны, довольны. – Люди ответили дружно, и лес отозвался.

Все старосты скинули шапки, поклонились и опять накрылись. Доброга без шапки забрался на поваленное для ноды бревно и не торопясь начал речь:

– Нам остается ровной дороги до двенадцати дней. Когда пробежим озеро Онегу, то простимся с гладкой дороженькой. С того дня мы пойдем тяжким путем, будем ломать ноги в лесах. Ныне день короток и будет еще короче. Светлых часов нам терять нельзя. С ночи до ночи не будем брать в рот куска. Пора уже припрягаться к саням, нужно побереечь лошадей...

Доброга никогда не прикрашивал будущие труды повольников. В ватаге один стоит за всех и все – за одного. Однако же никто за другого не сработает. Когда ватаги сбиваются в Городе, такие речи обычны. Но в лесу они звучат иначе, чем дома, под крышей.

Ватажный староста хотел смутить слабое сердце и укрепить сильное. Свыше десятка тех, кто не рассчитал своей си-

лы, уже повернули домой. Старосты отбирали у отстающих все, что было получено от Ставра, и никого не удерживали. На то и повольничество.

По Свири, по Нево и Волхову до Города лежит пробитый путь. Но когда между домами и ватагой лягут лесные крепи, то слабый душой и телом человек будет для всех тяжелым бременем. Таких пора отбить и повернуть домой, если они сами не хотят уходить. И Доброга закончил призывом:

– Называйте, кого не хотите иметь в ватаге!

Люди отозвались не сразу, никому не хотелось лезть первым. Одно дело сгоряча, в ссоре, свернуть скулу, другое – выгнать человека без гнева. Отеня крикнул, прочищая горло, и назвал одно имя. Названный не ждал, что скажут другие, и закричал:

– А я сам не хочу идти!

Отеня как в воду смотрел! Ватажники развязались. Порешили полтора десятка людей повернуть назад.

Обсуждали и тех, кто пристал в дороге. Ватага отказалась от двоих новых товарищей, которые были выгнаны из Города за воровство по чужим дворам. А на Одинце запнулись, как о корень на лесной тропе. Ставров приказчик заявил:

– Парня выдать назад в Город, чтобы на нем выправили виру городские старшины!

Ватажники не могли понять, прав или не прав приказчик. Сувор и Радок начали защищать друга, а он сам онемел от неожиданной беды. Доброга оборвал речи товарищей:

– Вы не так и не то говорите. Нечего Ставрову приказчику входить в наши дела. Он не ватажник, а сборщик нашего долга, и ему нет голоса на нашем вече. Одинец подрался с нурманном, что может случиться с каждым. Он не вор и не насильник, на нем нет бесчестья. Ватага не городской пригород. И было и есть, что в ватаги уходили изгнанные из Города. Парнище пришел с хорошим оружием и снастью. И сам он не будет ватаге в тягость, он может хорошо служить ватаге. Люб он вам или не люб, вот что решайте. А речи приказчика забудьте!

После веча Доброга подсел к ноде Изяславичей. Одинец поблагодарил старосту за заступу, за доброту.

– Не благодари, – возразил Доброга, – я не тебя, а правду защитил.

После прихода парня Доброга как будто охладел к Заренке и к ее братьям. А сейчас он сделался таким, как в первые дни выхода из Ладоги, – веселым, радостным. Одинец сидел хмуро, как обиженный. Он нашел время и сказал:

– Этот Ставров приказчик от меня еще заплачется.

– Поберегись, парень, крепко поберегись, – сурово предупредил Одинца ватажный староста. – Обоих приказчиков ватага взяла по слову. Обидишь его, тебя людство не помирует.

Одинец замолчал. А когда староста ушел, он сказал ему вслед:

– Ладно тебе...

Заренке не понравились слова Оди́нца, и сам парень вдруг ей показался совсем не тем, кем он был для нее прежде. И она его без стеснения осудила:

– Глупый ты, непонятливый.

И Заренка и Оди́нец оба были упрямые, неуступчивые. До этого случая и дома они спорили не раз, но мирились быстро и отходчиво. Теперь же их разъединила долгая и холодная размолвка.

Часть третья В Черном лесу

Глава первая

1

Крепчают морозы. От холодов у Солнышка выросли уши. Оно на малое время покажется на полуденном красе и надолго скрывается.

Луна кутается в белое облако из небесного льна и не смотрит, а жмурится. От луны небо светлое и на Свири светло, а в береговых лесах залег мрак, как в подполе.

Стужа кусает щеки и носы, набивает льдом бороды, давит

на людей и ищет места, чтоб пробраться к телу. Стужа сочится через дырку, протертую лыжным ремнем в шерстяной онуче или в валяном сапоге, ползет между рукавичкой и рукавом, льется за ворот, томит, манит прилечь. Там, куда пробралась, жжет и кусает, мертвит и белит кожу. Голой рукой за железо не берись.

Мороз сушит дерево, сушит человека и будит жажду. Ватага идет прежним порядком и строем, но в ней нет прежней силы. Головные меняются все чаще и чаще и подолгу ждут, пока не протянется ватага. Никто не жалуется, но смех и шутки сделались редкими.

На ночевках повольники засыпали с куском во рту, не чувствуя, как немели пальцы. Многих сильно покусал мороз. Черные струпья на лицах не заживут до лета.

Старостам прибавилось забот. По ночам приходилось следить за нодьями и кострами, чтобы держалось пламя и люди не отставали от огня. На ночлегах ватага сбивалась теснее. Однако появились обмороженные руки и ноги. Один ватажник ночью отошел и навечно замер в снегу. И со вторым то же случилось.

Доброга не знал усталости. Других зима морила, а его излечила от былой болезни. Ватажный староста спал меньше всех, соколом летал по ватаге. И все с шуткой, с умным словом: «Крепись, крепись, мало осталось. Пройдем Онегу, будем три дня отдыхать».

В последнем прионежском починке сменяли нескольких

лошадей на сушеную рыбу. Молодцы боярина Ставра сумели всучить шесть слабых коньков, им бы и так не дойти. В освободившиеся сани впряглись люди. Ватага не город, в пути каждый человек на виду.

Одинец и Сувор шли в первых десятках первой сотни, в тяжелом труде. Радок и Заренка тащили сани. К ним постоянно припрягался Доброга. Он сдружился с Заренкой, и девушка перестала его дичиться.

Между Одинцом и Заренкой размолвка продолжалась. Одинец не мог, не умел сделать первый шаг к примирению. Без расчета и без мысли о дальнейшем он замыкался в себе. Заренка его оттолкнула, так он понимал ее. Ему было тяжело, но у него не было злобы ни на девушку, ни на Доброгу. Он считал, что в жизни, как в труде или как в кулачном бою, нужно быть честным. Гордость не позволяла Одинцу просить Заренку и навязываться девушке, которая, как он поспешно счел, отказалась от него. Девушка не хотела его, и он тоже отказался от нее уже сейчас, когда, быть может, ему было еще не поздно бороться. И из той же гордости он не позволял себе ненавидеть Доброгу. Одинцу казалось, что ненависть к счастливому сопернику будет низкой завистью. Одинец сумел видеть в Доброге того, кем был в действительности ватажный староста.

Как хороший конь на подъеме в гору сам влегает в хомут, так Одинец, не щадя себя, ломил вперед по целине, пробилая первый след. Ватага видела его труд и начинала высоко

ценить могучего товарища.

Наконец-то одолели реку Свирь и выбрались на онежский озерный простор. Лежали глубокие снега, небо было пасмурным, и в воздухе начинало теплеть. Быть перемене. Онега-озеро, по древнему смыслу слова Звучное, или Звучащее, озеро, молча таилось под толщей льдов.

Теперь ватага не летела и не бежала, а шла. Головы опущены, грудь налегает на постромки. Ременные тяги заспанных котомок-пестерей, саней и санок намяли натруженные плечи.

Доброга хотел вывести ватагу на Онегу на тридцатый день, а вывел на тридцать второй. Не опоздали, но трудно далось.

По озеру ползли туманы и серой мглой застилали даль. Тихо и глухо. Скажешь слово, а его будто бы и не было.

Под широкими лыжами шуршал и шипел снежок, между людьми трусили собаки. И они повесили носы, и их притомила дорога.

Зимний туман не сулит добра. Побежать бы, как бежали по озеру Нево. Сил нет.

Из всех дней этот был самым тягостным. Доброга убеждал: «Еще немного, и скоро берег, назначим долгую дневку в лесном затишье, у теплых нодей на пихтовых постелях...»

Ватажный староста уже не поминал о трудной лесной глухомани, которую придется ломать после дневки.

К ночи ватага пробилась к нужному берегу озера. Черные

камни уставились навстречу людям, как бараньи лбы. За ними стоял Черный лес. Новгородцы звали черными лесами те, где нет и не было человека.

2

За ночь так растеплело, что утомленные ватажники заспались около потухших нодей и засыпанных пеплом костров. Снег сделался волглым. На сосновых иглах висели капли, и ветви елей и пихт подернуло росой. Было слышно, как бухали с мохнатых лап отяжелевшие пласты снега. После стужи наступило такое тепло, точно без времени весна началась.

Ватага пришла вовремя в Черный лес. Старые запасы кончались, и то, что было, следовало приберечь. Пришла пора проверить, каким кормильцем покажет себя Черный лес.

Собрались. Встали полукружьем, лицом к Черному лесу. Громким голосом, раздельно бросая слова, Доброга читал завещанное от дедов-прадедов Заклинание охоты:

Пойдите вы, Лешие мохнатые,
горластые, рукастые, кривоногие,
пойдите вы, Лешие, по лесу!

Пригоните русаков и беляков,
волков, оленей и лосей,
и медведя с росомахою,
и соболя с куницею,

и рысь – пардуса пушистого,
и лисицу черную и красную!

Пригоните на мои клетки,
на поставные сумеречные,
вечерние, ночные, полуночные и утренние!

Пригоните, отловите
и в моих клетях замкните
крепко-накрепко!

А слово мое твердое,
тверже камня дикого,
тверже железа каленого!
А слово мое сильное,
сильнее речного тока половодного,
сильнее вихря лесоломного!

Слушайте, Лешие!
Делайте, Лешие!

Из всех, кто живет на земле, лишь человек владеет силой складной речи. Веря в тайное могущество слова, ватажники немой речью, одними губами, повторяли заклинание за своим старостой.

Облава разделилась на две «руки», правую и левую, чтобы ими облапить лес и прижать его к груди, к привалу. На привале оставили засаду, которая ничего не пропустит. Собак переловили и посадили на крепкие привязки. На облаве собака худшая помеха.

Облавный закон – до времени молчать и не дышать. «Руки» разошлись и пошли гусем, не спеша. Оглядывались и заминали места. Через сорок-пятьдесят шагов задний оставливался и оставался на следу.

Ступали глухоманью, никогда не хоженной человеком. В иных местах лежали сваленные буреломом деревья, в иных лес так стеснялся, что было впору пробраться лишь малому и юркому зверю.

Встречались валуны, которые под снегом напоминали стайки крыш богатого двора. Под старыми елями темно, как вечером.

Облавные «руки» петляли, тянули нитку и вязали узелки. Узелок – это охотник. Оставшись один, он осматривался, отаптывал на всякий случай снег и замирал. В ожидании он прочищал уши, открывал, чтобы лучше слышать, рот и вытягивал шею. Устав, переминался, перекладывал с руки на руку рогатину, поправлял топор за поясом, передергивал плечами.

Охотника томила жажда, он подхватывал горсть снега, мял комок и понемногу сосал. Он забыл дорогу, Город и цель пути, он ни о чем не думает. Окликни его по имени, и он вздрогнет, как со сна. Его забрала наибольшая из всех страстей – молодецкая охота. Скорее бы!..

Туман копится на мерзлых колючих ветвях. Капля зреет, надувается, вытягивается и отрывается. Снег мякнет. В такую пору шаг человека не слышен, лесной зверь смирен.

Огнем горят облавные старшины. В них тянется каждая жилка. Живчик забьется, сам собой подмигнет глаз. На старших легла вся охота. Они обязаны не просто развести охотников, а в голове облавы свести обе нитки. Пойди-ка сообрази! Обтяни живой веревкой нехоженный лес и свяжи концы. Старшие должны решать сразу. Если они начнут переставлять охотников, мять облаву и медлить, весь зверь уйдет. Зверь и зорче человека, у него и ухо острее, и ноги быстрее. Зверь слышит и носом, а у человека нет чутья. Зверя можно взять лишь сметкой, да не простой, а скорой. Тяжкодуму сидеть дома, он в лесу пропадет.

Каждый охотник рвется пойти на облаву. Чем глуше, чем неведомей место, тем больше соблазна. Но быть старшим над облавой откажется – и не для вида, не для почета, чтобы просили, а по-честному. Это не торг. В таком деле, не чувствуя в себе силы, кто же захочет срамиться?

Облавные старшие не ищут легкого почета. И среди новгородских повольников не бывало недостатка в старших, умевших, не сбиваясь, ходить и короткими, и длинными путями. С ранних лет руки, ноги и голова друг дружку учили.

Доброга вывел свою облавную «руку» из чащи к просвету. Открылось большое болото с густым осинником. Пошли краем, огибая болото. За Доброгой оставалось все меньше и меньше охотников, но и болотный берег уходил в нужную, по мысли старосты, сторону.

Идут. Вдруг староста поймал краем глаза, как впереди

что-то мелькнуло. Он поднял руку – стой! Опять взлетела еловая веточка. Это подавал знак старшой второй «руки». Пора. Облавный старшой остался вчетвером с Одинцом, Заренкой и Сувором.

У брата и сестры горели глаза, им было все хорошо и все нравилось. Одинец же смотрел хмуро. Он пошел в облаву с неуверенной мыслью, что вдруг Заренка захочет отстать и молвит ему желанное слово. Напрасно. И он корил себя за глупую надежду. Нет, не его девушка, и нечего больше о ней думать. Пусть так и будет, как случилось.

Одинец издали наблюдал за Заренкой и Доброгой, видел то, чего безразличный глаз не увидит: крепились между девушкой и ватажным старостой бессловные узы любви. Но в Одинце не было ни злобы, ни низкой зависти, лишь голодная тоска гордого сердца.

А Доброга ступил к Заренке и что-то шепнул. Девушка засвистела тонким, протяжным свистом. И – пошло!

3

Черный лес впервые услышал человеческий посвист. Этот звук побежал от одного к другому по всем узелкам смертной веревки, которая опутала исконные зверовые пуши.

Каждый охотник свистел по-своему. Тихо, не через пальцы, а губами. Но оттого было еще страшнее. Отовсюду завился тайный, ползучий человеческий свист. Он звенел в звери-

ных ушах, как назойливый летний комар.

Он жалил не кожу, а тревогой жалил сердце.

В снежной норе беляк-ушкан очнулся от легкого сна. В дупле дрогнул соболь. Замерла рыжая куница. Забыв пахучий беличий след, горностаи прижался к суку змеистым телом. Глупая белка высунула усатую головку – что это такое, новое, неслыханное?

Филин, забившись на день в темный ельник, распялил желтые глаза. Лоси разом перестали жевать, вздернули лопухие головы и раздули вырезные черные ноздри. Все слушают.

Где-то хрустнула сухая ветка. Качнулась елочка. Свист приближался. В одном месте он прерывался, в другом начинался и опять повторялся. Страшно...

Чу, стучит по стволам. Под обухами топоров отзывались закоченелые сосны и ели. Одна говорила звонко, другая дрябло принимала железо пухлой корой.

Лесные звери стронулись в обе стороны от облавы. Тем, кто остался снаружи облавы, уходить хорошо. А кто захвачен? Они топтали след от свиста и стука к засаде.

Облавники не торопились, переходили, ждали, опять переходили.

В начале облавы не нужно делать большого шума и нельзя кричать. Зверя не гонят, а отжимают.

А следу, следу-то сколько! В осинниках кормились сохатые: как на скотном дворе, натоптано копытами, обглоданы

ветки, лежит теплый помет.

Здесь россомаха протащила толстое брюхо на коротких ногах. Встречаются старые и новые волчьи пересеки. А что на-топтали зайцы и наследили пушные зверьки, не сочтешь! Черный лес богат и может платить хорошую дань.

Живая петля сжималась. Облавники видели, что следы мечутся в разные стороны, и замечали один другого. Пора, звери огляделись и опомнились. Если упустить срок, звери рванутся обратно, через облаву.

Охотники закричали во всю мочь. Цепь заверещала, за-улюлюкала, завыла. Каждый старался заорать погромче и по-страшнее. Звери потерялись и ринулись на засаду. Облавники пустились бегом, засадные спустили собак:

– Держи, держи, держи-и!..

Взяли тридцать семь голов лосей, десятков волков, восемь рысей-пардусов, пятнадцать оленей. Наловили собаками и побили стрелами больше восьми сороков зайцев. Досталось семь соболей, пять куниц: случайная добыча, это не облавные звери. Черный лес дал пушниной не дань, а задаток.

Между делом облавники присмотрели две берлоги. После облавы, не теряя времени, ватажники горячей рукой взяли на первой берлоге медведицу с пестуном, а на второй – старика.

Черный лес дал хорошо, но и взамен потребовал плату. Одного облавника нашли в цепи с разбитой головой и проломленной грудью. Кругом тела и на выходных следах было

написано, как бык скакал на цепь и как облавник наставил рогатину. Эх, что же ты! Не так надо. В сторону отскочи и наставляй наискось, под лопатку. Нет. Облавник хотел взять быка как медведя. А бык – на дыбы. Он ловок, уклонился от рогатины, отвел рожон. Страшная сила, когда матерой лось ударит сверху передними ногами...

Товарищи убитого пошли по следу, окропленному свежей кровью. На следу нашлась стрела. Здесь лось чесался о дерево и сбил занозу. Это ему кто-то другой засадил, а не убитый облавник. Дальше пошел чистый след. Сохатый справился и ушел, его не догонишь.

На привале спешили ободрать и разрубить добычу, пока она не застыла. Свежинку варили и жарили, в охотку после сухой рыбы и вяленого мяса лакомились сочным мясом. Туго набитые лосиные и оленьи желудки делили на всех. Это невкусная, но дорогая еда. Она спасает от зимней болезни – опухоли тела, десен и выпадения зубов.

Ватажники поминали тех товарищей, которые застыли в пути, и того, что погиб на облаве. От него осталась молодая жена, именем Иля. Вдове пойдет равная доля общей добычи, таков ватажный закон. Если она найдет нового мужа, это ее дело. Но ватага никому не позволит неволить бабу. По Новгородской Правде любовь – дело вольное.

Глава вторая

1

Богатые владельцы ставят высокие заборы, навешивают тяжелые засовы и крепкие замки.

Черный лес загородился чащобами, закрылся озерными водами, затворился болотами. Зимой не разберешь, чего больше: твердой земли или топи. Лес хвойный с березой, осиной, ольхой, с густым подлеском. В нем трудно ходить.

Ватажники видели, что Доброга верно говорил о трудности летних дорог через Черный лес. Но и зимнюю дорогу было нелегко пробивать. Вначале ватага летела, потом шла, а теперь потекла.

С первой дневки выслали дозорных, которые наметили стежку по местам, где было можно пройти с санями. За дозорными пошли ватажники расчищать топорами трудные места. Дозорным и тем, кто чистил дорогу, выслали подменных. А обоз подтягивался день за днем. Так и закружилось без перерыва, как прялка в умелых руках.

Ватага пробиралась местами, указанными на берестяных листках Доброги, и не торопилась. Не тот делает быстро, кто спешит, а тот скор, кто не переделывает однажды сделанно-

го.

На хмуром зимнем небе не каждый день бывает Солнышко, и не каждую ночь удается найти звезду Матку. Но новгородцы умеют ходить в лесах. Лесная наука берется тяжелым охотничьим трудом.

День погонял день. Часть саней пришлось бросить и тащить груз на волокушах. А груза не убавлялось. Запасы пищи пополнял лес. Оружие, снасти и хозяйственный припас не уменьшались. Ватажники тщательно берегли зашитые в кожу мешки из домотканины с семенами ржи, ячменя и овса для будущих огнищ.

2

Оттепель опустила снег, он потемнел было, покрывшись узорной росписью хвойных игл, шелухой шишек и чешуйками коры. Вернулась стужа, упал свежий снег, и опять, как по первой пороше, писали звериные лапы и лапки свои рассказы. Не до них.

Ватага текла. Короткий денек минул. Солнышко повернуло на лето, а зима – на мороз. Мороз крепчал, крепчала и дружба между ватажниками. Они сбивались внутри общей ватаги своими ватажками-артелями, вместе ночевали, дневали и работали.

Доброга, Сувор, Радок, Заренка, Карислав, Отеня и несколько других ватажников составили свою дружинку. А

Одинец отстал, он не чуждался ни своих прежних друзей, ни Доброги, но не искал с ними встречи. Он все время шел в переднем дозоре и не нуждался в смене. Ватажный староста возвращался на ночевки в свою ватажку к обозу, а Одинец обычно и ночевал впереди, в лесу.

После первой дневки в Черном лесу Одинец без договора сделался передовым помощником ватажного старосты. Доброга намечал, куда идти, а Одинец умел без ошибки пробивать стежку. К нему подбилась своя дружинка из самых сильных и бойких парней. Они о себе говорили: «Мы с Одинцом». Доброга видел, что на Одинца можно было положиться. Парень имел лесное чутье, как видно, отроду, Одинцова дружинка умела на ходу подхватывать и дичь, и пушнину. Они походя поймали полсорока соболей и куниц.

Много, много было всяких зверей на полянах, прогалах, на опушках мерзлых болот, среди корявых березок, в зарослях тальника, в камышовых займищах. И то сказать, что одно болото показалось шириной с Ильменское озеро.

Ватага проходила местами, богатыми пушным зверем. Ватажники заколебались. Чего тащиться дальше? И здесь хорошо. На дневке собралось ватажное вече. Почти половина ватаги, человек около сотни, захотела отделиться: «Пусть кто хочет, тот бредет дальше, а нам хорошо и здесь».

Согласные пошли на несогласных с кулаками. Ватажники схватились за топоры и рогадины. Спасибо, старостам помог Одинец со своими ребятами.

Новгородский мужик, когда разойдется, становится зверь зверем. Но когда успокоится, то нет человека разумнее его. Доброга убедил людей, что им нет расчета оставаться в лесу. Летом здесь шага не ступишь из-за топей и болот. Негде пустить пал и сеять хлеб. Да и недолго спины ломать – заповедная река близко. Кто захочет, сможет оттуда легко бегать на зимние ловли в эти места.

– Что же ты раньше не говорил, что близок конец?

Драчуны разошлись и пошучивали:

– Что-то у тебя нос разросся!

– Свой пощупай, у тебя не лучше.

В сваре пострадал один человек – за деревом нашли старшего Ставрова приказчика со свернутой шеей. В чужом пире похмелье. А как его уходили – никто не мог сказать. Видок не было, и не пришлось вести розыск.

Доброга про себя подумал на Одинца. Но ватажный староста помнил, что парень был все время на виду и растаскивал сцепившихся ватажников. За ним было легко уследить: таких рослых, как он, в ватаге насчитывалось немного.

Мертвого не воскресишь. Доброга напомнил ватажникам, что придется побольше побереечь оставшегося младшего приказчика.

Через много лет выяснилось, что с приказчиком расправился один из охотников, которого приказчик обманул на торгу еще в Новгороде.

Доброга же сказал Заренке, что кто-кто, а Одинец не при-

частен к убийству. Но девушка с той поры сделалась еще холоднее к Одинцу.

Вскоре случилось, как, идя в передовых, Одинец услышал чей-то короткий вскрик и метнулся на голос. На снегу – матерая рысь-пардус на человеке, которого она сбила с ногоброском с дерева.

Одинец одной рукой схватил зверя за короткий хвост, другой – за спину и хряснул о сосну двухпудовым жилистым телом.

Хищная лесная кошка изогнулась в смертной судороге, а из сугроба поднялся Доброга. Рысь разодрала шапку и высокий ворот полушубка, но не успела прокусить шею старосты.

– Ты?! – не то спросил, не то утвердил Доброга. Было видно, что рысь его ничуть не испугала. – Видно, голодная, – махнул он на зверя. – Ну и с людьми еще не встречалась... А ты – благодарствуй!

– Ничего, – ответил Одинец, с чем они и расстались.

3

Минула темная «волчья ночь», когда стая идет за волчицей и, не страшась ни топора, ни рогатины, ни человеческого духа, бросается на людей.

Волки выходили к ватажным привалам, и за кострами горели волчьи глаза. Звери, которые никогда не видели человека, ляскали зубами и выли, но побоялись многолюдства.

День прибавлялся. «А что же Доброгино обещанье, где река?» – начинали ворчать ватажники.

Доброга шел впереди вместе с Одинцовыми ребятами, третий день не возвращался к обозу и ночевал у случайных людей. Он искал.

Он говорил Одинцу – ступай туда, а сам брел, всматриваясь в деревья, будто спрашивая их – не ты ли? Вырвавшись из чащи на полянку, он озирался: «Не здесь ли ходили мои ноги?»

Со старостой шла собака, чужая хозяйскую заботу и хотела помочь, но без толку. У Доброги была собака, но пришлось и ей оставить свои кости в Черном лесу. Эта – новая. Ей не объяснишь, что нынче охотнику нужны не зверь и не птица.

Доброга идет медленно, и собака подбирается, хотя и не понимает, на что нацелился человек.

Вот на стволе кора сбита двумя ударами топора, стесана заболонь, и смола залила древесину. Охотничий затес – зеркало, хорошо видимое издали. Доброга узнал место и побрел по затескам былым охотничьим путиком.

Он проложил через знакомый березняк лыжню и выбрался на поляну. Он узнал пни от деревьев, которые рубил вместе с товарищами. Вот и его острожки. Стены срублены не по-избяному, а тыном, торчмя, и прикрыты толстой кровлей из корья. Добрались, стало быть...

Здесь было все так, как оставил Доброга. У острожков вместо дверей вкопаны жерди. Все цело. А кому трогать?

Людей нет, зверь не сломает.

Староста изо всей мочи свистнул сквозь пальцы. Вскоре в лесу замелькали люди. Первым прибежал Одинец.

Ребята растащили жерди и вошли в острожек. Помещение имело в длину шагов двенадцать, а в ширину не больше четырех. Сверху нависали хвосты от тесно навешанных шкур.

Одинец высек огня, загорелся берестяной факел. Показалось, что наверх не просунешь руки, так стиснулись соболя, бобры, куницы, выдры. Среди них горностаи были, будто первый снег в борозде поля. Лисьи хвосты свешивались, как пучки чесаной кудели, но здесь кудель была черная, продернутая серебряным волосом...

Береста догорела, пустила чад и потухла. А молодые повольники так и остались с задранными головами и разинутыми ртами. Второй-то острожек тоже полон пушнины! Великое богатство, такого не найдешь в Новгороде и у самого Ставра!

– Великое-то великое, – сказал Доброга с тоской, – но оно не мое.

– А чье же? – спросил Одинец.

Доброга вывел его на волю и показал на дальний край поляны:

– Там один друг, в лесу другой... Третий в речке. Вот и соображай, чье богатство! Дорого за него заплачено, пропади оно пропадом!

– Чего же так? – удивился один из парней. – Да разве оно повинно, богатство?

Рассердился Доброга и притопнул лыжей:

– Эх дурень! Кто же повинен? Мы жадно гнались за этим богатством. Я его не хочу. Отрекаюсь от него. Я сюда шел не за ним. Отдаю все Ставру. Снимем его, оценим, и пусть приказчик принимает за долг. Мое слово крепко.

Доброга отошел на берег и повесил голову. Не бывало у него таких товарищей, какие погибли в Черном лесу.

Кто прожил двадцать лет, тот прав, ожидая от жизни нового и лучшего. Но кто прошел сороковой год, знает другое. У Доброги не будет больше таких товарищей.

Он смотрел на другой берег реки.

В излучине стоял мертвый, сухой лес. Одни лесины упали, другие, потеряв хвою, ждали, пока и их не столкнет ветер. От мертвого места веяло тоской. Старый лес догниет. Но земля, которая знала его молодым, не останется пустой. На вскормленной почве возьмется и усилится новая поросль, будет жить свой срок...

Доброга не слышал, как к нему подошел Одинец. Одинец, для которого сердце девушки было запечатанной тайной, который не мог эту тайну ни раскрыть, ни прочесть, разбирался в душе Доброги лучше, чем в самом себе.

– Что же ты, староста, повесил голову? К чему ты тоскуешь о былом? – говорил он Доброге. – Тех ты не воротишь. Что же, разве у тебя нет товарищей?

Ватажный староста оглянулся и посмотрел в глаза Одинцу. А тот продолжал свое:

– Есть у тебя товарищи. Чем тебе плохи Сувор, иль Радок, иль Отеня с Кариславом? И другие найдутся, сколько захочешь. Ты скажи – и за тебя каждый постоит. Ты захочешь – пойдет за тобой любой из нашей ватаги и свою кровь смешает с твоей...

«Нет, Одинец не парень, а мужчина», – думал Доброга. Староста постиг в один миг силу и гордость души Одинца и не знал, мог бы ли он сам так поступить. Они были равны, и между ними никто не стоял. Доброга мог бы не задавать Одинцу такого вопроса и все же спросил:

– А ты хочешь быть моим братом?

– Да.

Глава третья

1

Черный лес помутился. Шныряли повольники, заплетая чащи лыжными маликами. Люди наставляли силки, насто-раживали западни, прятали капканы, высматривали берлоги. На реке рубили проруби, доставали рыбу в мережи и на крючки, продергивали малый невод.

Побродят и уйдут, а реку очистит ледоход. Нет, стучали топоры, скрипели пилы, тукали тесла. И это было страшно для лесного покоя.

На другом берегу повольники расправлялись с сухостоем. Они решили этой же весной бросить в землю яровые семена. Не уродит ли новая земляца? А с осени посеют озимое. Удобренная пеплом почва не обидится на то, что ей не дали покоя.

Повольники тщательно приглядывались к новым местам и находили, что на здешней реке лед толще волховского, а речная вода была и слаще, и гораздо светлее, чем дома. Едва прошел солнцеворот, но солнце сильнее грело, чем в Новгороде, не было таких туманов. Не будет ли и лето теплее ильменского?

Заренка вместе с братьями готовили бревна, а Доброга с Одинцом мастерили расшиву. Они обтесывали ель толщиной в два обхвата, отбивали натертой углем веревкой борта. Нос и корма одинаковые, а длина в двадцать шагов. Борта оставили толщиной в три пальца, а дно – в шесть.

Распустили бревно на доски и досками расшили лодку-однодеревку, нарастив внахлестку по три доски на каждый борт. Такая расшива хоть и неказиста, но может поднять шесть лошадей или двадцать людей. И в ней можно плавать и по озерам, не только что по рекам.

Ватага трудилась без усталости, осваивая новое место. А все же и Черный лес, и чужая река страшили иных ватажников,

стоило подумать о том, что кругом на десятки дней пути было пусто. Иметь бы крылья, подняться в небо и взглянуть, где родная сторона! Как же быть? Скорее за дело. Летит желтая щепка, и вздрагивает дерево. А ну, еще! Ствол кренится, рвет недорубленные волокна. Пошел! Ломая сучья, лесина ухает наземь не зря, а куда было намечено.

Мужик оглядывает лезвие топора: не выщербилось ли? Самое дорогое – топор, и, пока железо цело, лес не страшен. Проведет мужик пальцем по лезвию и вразвалку пойдет к точилю. Товарищу скажет: «Ну-тка, покрути». Тоски уж и нет!

2

По времени и по солнцу пора наступать весне, но она опаздывает против новгородского счета. Держится снег, нет туманов, которые его едят близ Ильменя. Дни ясные, и под лучами тает, вокруг комлей опустились глубокие лунки. Чужая весна, деревья оживают и теплеют.

По ночам студено, и снег затягивает крепким настом. Пришло время гнать сохатого лося и тонкорогого оленя. Свежего мяса хватает на всех без отказа, и все же прихватывает весенняя хворь. У некоторых ватажников слабеют и кровоточат десны.

От хвори лечились отваром сосновой хвои. Было противно пить смолистое зелено-желтое снадобье, но оно хорошо помогало.

Время брало свое. На высоком речном берегу открылись камни и земля. В полдень черный обрыв парил. И видели ватажники, что будут они и с пушшиной, и с хлебом.

Работа спорилась, и сухостой был готов к палу. Огонь пускают в те дни, когда в лесу еще держится снег, а на огнище уже сошел.

По веткам прыгали парочки синиц. Дожидаясь скорого тепла, синицы уже разобрались, чтобы не тратить дорогого времени на выбор дружка в дни, когда придется вить гнездышко.

Разумный человек чувствовал весну не хуже несмышленной пичуги. Черный лес слушал человеческие песни. Жена-тые устроились в своих шалашах. А у тех, которые с собой сманили девушек из Города, не всегда устроилось задуманное. Уж лучше смолоду разбежаться, чем маяться до седых волос.

Вдова убитого лосем ватажника сдружилась с Заренкой. Ее звали Илей, она была беленькая, голубоглазая, рядом с Заренкой – как березка с дубком.

Бездетная молодка вскоре успокоилась после первого горя. Не всегда можно понять, голосит ли вдова по покойнику от сердечной боли, или по обычаю, или боясь одной остаться. Она и сама не знает.

Иля поминала мужа от луны до луны, носила его душе в лес пищу. Народился новый месяц, и мужик отошел навечно.

К весне Илино горе растаяло как снег. У нее был легкий

смех, скорая, как у девушки, поступь и быстрая речь.

Сильная и ловкая Заренка охотно бралась за мужскую работу, а Иля занималась только женскими делами.

На речном берегу ватага расселилась малыми ватажками, или дружинками, как наметилось в пути. Новгородцы привыкли, чтобы уполовником орудовала женская рука, и молодые парни охотно подбивались к женатым. Парни вырвались из тесных дворов, от тяжелой власти старших в больших, неделеных родах. И все же на новом месте устраивались большими кучками.

Каждый человек, как говорили новгородцы, проходит в своей жизни три времени. Он идет в родительской воле, как упряжной конь первый путь, второй – он опирается на родительский ум, как хромой на костыль. И лишь третью дорогу живет своим разумом.

Из всех дружинок самая малая сложилась Доброгина. В ней были, кроме старосты, Сувора, Радока и Заренки, Иля, Карислав – ладный, красивый парень, ровесник Суворы и богатырь ростом, как Одинец, и бывалый охотник Отеня.

3

В реку ручьями бежала лесная вода. Речной лед набух и посинел, как осиновая заболонь. Натоптанные повольниками дорожки поднялись огородными грядками. На болота уже нельзя было ступать. Снег налился, и лед растрескался. Но-

вая вешняя вода смешалась со старой.

В лесу лежал грязный, забросанный мертвой хвоей снег, весь утыканный заячьими катышками и расцвеченный птичьим пометом.

На полуночь валила сговорившаяся пролетная птица. На подсохших полянах били тетерева. До иного токовища полдня ходу, а гульканье косача слышно. Черный лес был полон птичьих голосов. Доброга, Заренка и Одинец вышли до света посмотреть, как играют черныши. В лесу не видно ни зги, но Одинец вел уверенно.

«Он родился, чтобы бродить по свету», – думал Доброга об Одинце. На душе у ватажного старосты было ясно. Ни он, ни Заренка еще не сказали любовных слов, но Доброга знал, что уже протянулась от сердца к сердцу прочная жилка. За нее потянешь, и делается и больно и хорошо. Так с Доброгой прежде не бывало, хотя многое случалось. Ему как будто ничего не нужно от Заренки, лишь бы жить рядом, лишь бы на нее смотреть.

И повольницкая жизнь, и новые земли, и неведомые реки – все здесь, вместе с девушкой.

Доброга шел последним, и ему казалось, что сзади еще кто-то ступает. Он чуть цокнул языком. Все остановились и прислушались. Тихо, и никого нет. Пошли дальше. Нет, Доброга не обманывался, и вправду за ними кто-то крался. Они опять остановились, и тот замер.

Заренка спросила шепотом:

– Леший?

– Дай-ка я высеку огня, – тихонько предложил Одинец.

– Не надо, – ответил Доброга. Он сунул Заренке свою рогатину, прыгнул туда, где кто-то ждал, и закричал на него что есть мочи.

Перепуганный лесной хозяин взревел с визгом и пустился наутек, не разбирая дороги.

– Не бойсь, он заболел от страха, – смеялся Одинец, – лови его за уши. Гляди, не расколел ли он башку о лесину?

– Теперь его и филин не догонит, – возразил Доброга. В темноте он оступился и упал в воду. Вылезая из ямы, староста бранился: – Откуда взялась колдобина? Проклятый лохмач отвел в сторону!

У токовища люди вволю полюбовались, как, красуясь, прыгали и дрались тетерева.

– Они стараются для тетерок. Голубушки прячутся у тока и смотрят на молодцов, – шептал Заренке Доброга.

А ему самому было невдомек, что и он только что выставился перед девушкой, как тетерев, неразумным удальством. Ведь между зверями есть и робкие, и такие же смелые, как сам Доброга.

Петухи топтались и драли перья друг у дружки. Иного вышибали из круга, но он лез обратно, на новые тычки и рывки. Смотреть на них было смешно и весело.

Не в первый раз Доброге приходилось купаться в холодной воде, но в это утро он никак не мог согреться.

Глава четвертая

1

Речные берега просыхали, лесные болота распустились, а озера опоясались широкими заберегами. Водяная птица пошла невиданной силой, а лесная забыла покой. Тысячами разных голосов стонал лес, не умолкая и ночами.

А река еще лежала мертвой среди живых берегов. По льду бежала вода, лед пучился, трескался, но упирался. Крепко кует Морена.

Кукушка прилетела и принесла золотой ключ от Неба. Перун его отопрет. Небо накопило теплые весенние дожди и наготовило молнии, которые будут пить тучи и бить все злое на земной груди.

Над Землей неслась весенняя Прия, молодая веселая богиня весны. Там, где она касалась правой рукой, расцветали белые цветики, где левой – желтые. Небо-Сварог, Отец новгородцев, приступал к браку с матушкой Землей.

Иля бродила близ становища, собирала первые цветы и пела:

Ты свети, свети, солнце красное,
ты лети, лети, тучка сизая,

не темни небо ясное,

чтобы милый мой, чтобы ладный мой
не бродил в лесу, не плутал в бору,
а скорей бы шел, да ко мне домой.

Молодая женщина сплела венок из белых цветов и надела на голову. Заводя новую песнь, она плела желтые цветы:

Закатилось ты, солнце красное,
так взойди же ты, месяц ясный,
да свети ты во всю ноченьку,
во весь путь, во всю дороженьку.

Ты свети моему суженому,
чтоб с дороженьки не сбился,
чтоб скорее воротился.
Без него мне грустнехонько,
без него мне тошнехонько.

Женщина сплела венок из желтых цветов, надела и его. Цветов много. Нежно-нежно пахнут белые подснежники, а желтые цветы простые, без запаха.

Заренка пришла на голос Или. Подруга надела на девушку венок и отошла; глядясь на нее, как в зеркало, поправила свой венок.

С высокого берега было хорошо видно, как в поваленном сухостое, пуская пал, возились мужики. Поджигали с края, по ветру. Издали малый огонь был неразличим. Постепенно огнище заволакивалось, и усиливающееся пламя принялось

прыгать в дыму.

Мужики пошли через реку, неся шесты, чтобы уберечься от трещин. Один поскользнулся, упал. Иля охнула. Нет, встал и пошел за другими.

Между льдом и берегом тянулась длинная промоина. Одинец разбежался и махнул на землю, а остальные набросали шесты и перебрались по ним.

Иля побежала навстречу Одинцу и накинула ему на голову свой венок. Заренка не глядела на Одинца и Илю, не видела, как молодая женщина поцеловала парня.

Доброга перешел со льда последним, и было видно, как он кашлял, стоя на берегу. Началось тепло, и к ватажному старосте вернулась прежняя болезнь. Заренка помнила его рассказы о водяницах. Неужели это правда? К чему же тогда Доброга рассказывал об озерных тайнах?

В сухостое бушевал пал. Для глаз человека вольный огонь и томителен, и прекрасен. От него не оторвешься, что бы ни горело, даже собственный двор или стога немолоченного хлеба.

Разошедшееся пламя металось диким зверем. Ватажники кричали:

– Ярись пуше, жги-пали жарче!

В Черном лесу готовилось первое огнище. В такую пору даже небо не зажигает лес своими молниями, что может сделать только человеческая рука!

– А разлив туда не зайдет? – спросила Одинца Иля. Она

не отходила от парня и не выпускала его руку.

– Нет, ясынька, – кратко ответил Одинец.

Полая вода оставляет следы, по которым ватажники в чужом месте сумели понять, куда веснами поднимается река и где ей положен предел.

2

Река ломала броню и открывала для новгородцев легкую дорогу. Шел матерой местный лед, за ним протянется верховой, а там и пускай расшивы на свободную воду. Дорога ты, дорога, куда ты поведешь и сама бежишь откуда?..

Ватажники наблюдали за льдом. По нему все ходили зимой, и весенний ледоход несет следы жизни. И зимняя дорога, и заборчики для рыбацких прорубей, и потерянное бревно, и брошенное полено, и многое другое плывет вниз. Но эта река несла одни звериные печати. Как видно, вверху не было людского жилья.

Приходила пора общим умом решить, как разбиться для летнего труда. На вече Доброга предлагал выбор. Одним следовало остаться на месте, засеять огнище и разведать зверовые ловли около первой заимки. Другие должны были подняться вверх по реке и там присмотреть места. Им же поискать, нет ли ходов и переволоков в сторону Новгорода. А третьим плыть вниз до неведомого устья.

Ватажники спокойно и уверенно обсуждали общие дела.

Они снялись из Новгорода, поверив Доброге на слово. Это слово сбылось. Все были сыты, ватага накопила копченого мяса и рыбы. Успели поднабрать пушнины и птичьего пуха. Ставров приказчик сосчитал и оценил хранившиеся в острожках шкурки, и больше четверти общего долга уже стелело с плеч.

Ныне ватажники уверенно глядели вперед. Даже неудачливые бобыли и те парни, которых звали в Городе сопливыми ребятами, глядели боярами, вопреки перелатанным усменным кафтанам, драным, закоптелым шапкам и раскисшим сапогам.

Они почитали своего старосту и не равнялись с охотником-умельцем, но каждый соображал про себя: «Четыре охотника за две или за три зимы сумели собрать большое богатство. И я буду стараться, есть над чем». Порой они подшучивали над Ставром – мог бы еще больше запросить боярин за снаряжение ватаги, не обманулся бы...

Вече внимательно слушало Доброгу, который говорил о новых трудах ватаги:

– Кто останется, с того спросим хлеба и всего зимнего запаса. Им работать на огнище, не щадя себя, наловить бобров и навялить рыбы. Им отыскать борти и набрать меда. Нужно найти горькие ключи, чтобы варить соль. Искать в болотах железную землю и построить на зиму теплое жилье. Тем же, кто пойдет вверх и вниз, тоже большие труды!

Как всегда, ватажный староста жестко стелил. Он откаш-

лялся и повел речь о том, что повольники забрели на новые земли не случайными бродягами. Не получится добра, если каждый будет думать лишь о том, чтобы поскорее разбогатеть и вернуться домой. Доброга предлагал навечно завладеть ничьей рекой и построить не временную заимку, а новгородский пригород и жить в нем по Новгородской Правде, а не как лесные звери! В новый пригород не пускать старых бояр! Сами повольники сумеют быть боярами не хуже городских! Быть пригороду, и под него поставить всю реку с верховьями и низовьями!

Меткие слова доходили до сердца ватажников, и им казалось, что они сами так думали. Кругом них теснился дикий Черный лес с болотами и безлюдными чащобами, поднималась безыменная река, заливая берега, а они кричали, гордясь собой:

– Быть тому! Так сделаем!

Доброга лелеял свою мечту в лесах долгими зимними ночами, под свист вьюги и под волчий вой. Он мечтал о новой вольности на новых землях. Наконец он открылся, и его никто не осудил. Он мечтал не о своем благе, но об общем.

3

Утренняя заря светлая и веселая. От одного слова «утрянка» на душе делается хорошо. Все птицы встречают утрянку песнями, а вечером и ночью поют редкие птицы.

Но для человека все же самое сладкое время приходится на вечерние зори. И любовные песни, и речи человека звучат вечером, а не утром.

Пал на огнище разбился на костры, дотлевали толстые кряжи и пни. В сумерках кучи углей рдели, как в печных жерлах. Запоздалое пламя струилось красными ручьями. Сытые огни не бегали, а ползли. Пал утомился и дремал.

Одинец сидел на высоком берегу. Рядом с крупным мужиком Иля казалась ребенком. Одинец молчал. Он уперся локтем в колено и воткнул в бороду кулак. Длинные волосы упали на лоб и закрыли глаза. Иля сочиняла песню и мурлыкала, как сытая кошечка. Она ладила себе новую семью.

– Слышишь, любый?

Он слышал. Он чуть покачивался, идя следом за тихой песнью.

На реку падали птичьи табуны. Вместе с водой плыли темные стаи гоголей, чернеди, крохалей. В сутемках, как льдины, белели пары строгих лебедей.

Доброга и Заренка тоже сидели на берегу. Девушка строго спрашивала ватажного старосту:

– Поклянись Землей, что ты не говорил водянице лебединых слов!

Доброга смеялся:

– Не было того. Я и слова-то не знаю.

– А видел их? Признайся!

– Видел.

– Какие они?

– Найдем тихое озеро, выберем лунную ночку, сама увидишь.

Девушка рассердилась:

– На что мне они? – И опять взялась за свое. – Поклянись!

Доброга убеждал девушку, как дитя:

– И что они тебе дались? Что тебе в них? Любушка моя, ты сама лучше всех водяниц. Ты и красива, и в тебе живет живое сердце, а в водяницах только видится.

– Но почему же ты, как только проснулась вода, начал кашлять, точно прошлой осенью? Твоя водяница проснулась и сушит тебя.

Чего не сделаешь, чтобы успокоить любимую! Уважаемый людьми ватажный староста, простому слову которого свято верил каждый повольник, торжественно поклялся девушке, что на нем нет водяного зарока. Хворь же у людей бывает. Солнышко прогреет тело, и болезнь пройдет.

Глава пятая

1

Доброга увел вниз по реке почти пять десятков повольников. Они плыли на трех расшивах и в них спали. Из дернин

были устроены очаги, чтобы готовить горячее на ходу.

Река разлилась широко. В петлях она била и рвала берега, на которых без конца и края толпился Черный лес. На каждой расшиве сидел свой выборный староста. Парни, которые зимой шли дозорными, выбрали Одинца.

Сувор и Радок не узнавали в Одинце своего бывшего друга. До убийства нурманна он был горяч и скор на руку, любил меряться силой и в одиночном бою и в общем, стена на стену. Каким он был прежде, не просто отдал бы он Доброге Заренку. А вот теперь согласился, сам взял себе Илю и на ватажного старосту зла не имеет.

Одинец прежде всех брался за тяжелую работу и последним ее оставлял. Другие трудились с отдыхом, а он был как железный. Ватажники научились почитать его за труд и за скупое, веское слово. Его ровесников старшие звали парнями и малыми, а Одинца окликали лишь по имени.

Расшивы шли вниз от Доброгиной заимки, как называли свое первое пристанище ватажники, без отдыха четыре дня. Одинец старался перенять у Доброги его мастерство чертить на бересте. Сидя на корме своей расшивы, он рисовал речные петли и отмечал притоки. Понемногу получалось. Что же, и Доброга не в один день научился. Эх, Доброга, Доброга!.. Одинец сказал себе, что у него с Заренкой не любовь была – детская забава. И все тут. Он не хотел думать другое.

Ватажный староста шел на передней расшиве. Вдруг там подняли весла, а Доброга замахал шапкой, торопя задних:

– Наддай! Раз! Раз!

2

Берега расходились, и на правом виднелся дымок. Из воды торчал затопленный ракетник, за ним молодой прозрачной листвой зеленел березняк. Дым был густой, как от сырых дров.

Расшивы разогнались, проскочили кусты и врезались в мягкую землю. Повольники соскочили в воду и выхватили расшивы подальше, чтобы их не утащила река. Доброга приказал:

– Не спеши!.. Берите щиты, надевайте шлемы.

Неизвестно, что там за люди. Могут и побить, если подойти зря. Ватажники тихонько пошли берегом. Сколько там есть людей и кто они – лучше их застичь ненароком.

Вдруг где-то впереди закричал человек, слов не разберешь. И в другом месте закричали.

В березняке было тихо. Даже птицы молчали. Повольники переминались с ноги на ногу. Доброга потихоньку сказал:

– А заметили нас...

Повольники сошлись теснее и наставили рогатины. За березняком сразу открылось чистое место с широким обзором.

Так вот оно что! Это же мыс. Повольники пришли по левой реке, а вправо была еще река.

На конце мыса лес был сведен, деревьев почти не оста-

лось, торчали острые, будто срезанные бобрами пеньки. Земля была утоптана, на жердях висела рыба, а дым тянулся из длинного берестяного балагана.

Маленькие лодочки бежали далеко ниже мыса. В них люди махали веслами, как муравьи ножками. Лодочки бежали быстро. Скоро они превратились в точки и скрылись за поворотом. Что же это за люди и почему они так испугались?

Повольники положили ненужное оружие и разбрелись по чужому стойбищу. Берестяной балаган оказался рыбной коптильней. В земле нашлись засольные ямы. И вблизи валялись кожаные мешки, шитые жильными нитками, набитые солью. Хорошая находка!

На берегу лежала лодочка, такая легкая, что ее поднял один человек. Лодочка была сплетена из прутьев и обтянута просаленной кожей.

Вот и гадай, что за люди здесь? Кожа на мешках и на лодочке была похожа на нерпичью. Но откуда в реке нерпа?

Под березами стояли избушки бежавших хозяев, устроенные из жердей, упертых комлями в землю и сверху связанных ремнем в пучок. Одни покрывала береста, а две были обтянуты кожей, как лодка.

Эти рыболовы, видно, не мастера работать топорами. Что за жильё! Одну избушку Сувор приподнял и развалил.

Повольники привыкли думать, что, кроме них, в Черном лесу никого нет. Вот и нашлись другие люди, и чужие, неизвестные, как река.

Никто не заметил, откуда среди своих оказался чужак. Он свалился как с неба. Среднего роста, крепкий, с желтоватой кожей и с редкой черной бородой, чужак ходил среди повольников. Они ему не препятствовали: хочешь не хочешь – хозяин! Его спрашивали, но он не отвечал.

Трудно было понять, стар он или молод. Волосы были блестящие, со лба до темени тянулась лысина. Лицо же гладкое, без морщин и походка легкая. На чужаке были штаны из оленья и меховой кафтан, а ноги босые.

Чужак начал сердиться, подобрал палку с прикрученным острым и тяжелым оленьим рогом. Повольники смеялись:

– Вот так топор! – но сами расступились. Хватит по лбу, не поздоровится. Не драться же с ним.

Рыболов что-то заговорил, показывая на реку рукой и грозясь оленьим рогом. Было понятно, что он хотел прогнать повольников.

– Чего шумишь, когда нет силы? Надоел, – сказал Сувор и взялся за рогатину. – Сейчас я тебя укорочу!

Рыболов поймал рогатину за конец и так махнул рогом, что едва не достал Сувора. Сувор озлился и хотел кольнуть рыболова, но тот увернулся с криком и угрозами. Повольники потешались и подзуживали обоих.

Вмешался Доброга:

– Не тронь его, не дразни!

Сувор опустил рогатину; опомнился и рыболов, понимая, что силой ему не взять. Чужак бросил рог, подступил к Доброге и принялся о чем-то толковать. Староста вслушивался, но не поймал ни одного знакомого слова.

Староста поманил рыболова к мешкам и попробовал соль. Она горчила, но была достаточно хороша.

– Откуда берешь соль?

Рыболов слушал, склонив голову набок. Чужой – что немой и глухой. С ним приходится говорить руками, и он должен понять, что его не хотят обижать.

Доброга вытащил нож и показал, как он режет. Пальцами и словами староста объяснил рыболову:

– Тебя не будут резать, не бойся, не будут резать.

Рыболов сморщился, растолкал повольников и подобрал свой рог. Подражая Доброге, он тыкал в рог пальцем, а старосте в лоб и отмахивался:

– Ты меня не будешь бить, и я тебя не буду!

Повольники смеялись:

– Ишь ты! Понимает. Стало быть, не драчливый.

Но тут рыболов оглянулся и показал Сувору кулак. Доброга позвал парня:

– А ну. Миритесь.

Сувор протянул раскрытую ладонь, но рыболов не понял. Доброга хлопнул по ладони Сувора. Рыболов улыбнулся и протянул свою руку.

Вздумав показать силу, Сувор сжал руку рыболова. Но хотя ладонь чужака была меньше Суворовой, она не поддавалась.

После испытания силы рыболов совсем осмелел, распахнул кафтан и достал точеную кость, вроде ножа. Ручка хорошая, красивая, но клинок костяной не так режет, как железный. Чужак отдал нож Доброге.

Староста поцарапал кость своим ножом, чтобы чужак видел, как жесткая кость уступает железу, и подал нож рыболову. Тот прикусил клинок зубами – что это за вещь?

Староста показал, что дарит. Чужак обрадовался и погладил Доброгу по руке.

На мысу назначили дневку. Повольники разложили костры и в охотку поели рыбы из ям: давно не пробовали соленого.

Доброга не отпускал рыболова. Показывая на себя, староста твердил свое имя:

– Доброга, Доброга, вот он. Я – Доброга. – И наконец-то добился своего. Рыболов показал на него пальцем и затараторил:

– Добр-ога! Доб-ро-га! Доброга!

Рыболов смеялся и был, видимо, доволен. Он гладил старосту по голове и повторял его имя. Друзья! После этого было уже легко добиться от чужака, как его зовут: Биар. Скажут «Биар», он повернется и покажет на себя, кивает и подтверждает:

– Биар, Биар.

Биара посадили к котлу, дали ложку и накормили. После еды Биар повел Доброгу и тех, кто из сотрапезников пришелся под руку, вглубь березняка, мимо берестяных балаганчиков.

В лесу Биар залез в берлогу под кучей валунов. Вскоре он вышел из берлоги с тремя людьми. Вот что! Здесь тайник, в который укрылись те, кто не успел убежать по реке.

Из троих одна была молоденькой женщиной, чем-то похожая на Заренку, смуглая кожей, темноволосая. Только глаза у нее чуть косили и она была меньше ростом, чем Доброгина любушка.

По длинному узкому ходу проползли на четвереньках в обширную, сухую пещеру с песчаным полом. Вверху, для дыма и света, в щели меж камнями были вставлены обрезки березовых дуплистых стволов. Здесь, видимо, люди зимовали, а зимуя, не одну рыбу ловили: в пещере было подвешено немало хороших свежих шкурок пушного зверья.

Дорогие шкурки... Будь драка – они достались бы ватаге. А коль дело кончилось миром, так пусть каждый без помехи владеет тем своим добром, которое взял своим трудом.

Глава шестая

1

С Биаром разговаривали на всех языках, какие только знали ватажники. С ним толковали и по-чудински, и по-еми, и по-веси, и по-вепси. Из этих наречий бóльшая часть повольников знала хоть несколько слов. Нет. Будто что и похожее толковал Биар, но ни он не понимал, ни его не могли понять. А Доброге хотелось узнать многое. Зверь нерпа, из шкур которой были сшиты мешки с солью и чьей кожей были обтянуты и лодка, и два балагана, не водится в реках. Нерпа живет в озере Нево и, как слыхали новгородцы, плодится также и в соленых морях далеко за озером Нево.

Из разговоров с Биаром поняли, что вниз по реке живут еще такие же люди, как рыболов. Узнали, что безыменная река, на которую вышла ватага, называется по-биаровски Вагой, а та река, в которую втекла Вага у мыса, носит имя Винё, стало быть – Двина.

У Биара не нашлось ни одной железной вещи, и это очень занимало ватажников. И оружие, и снасти, и весь ловецкий припас были костяные и каменные, из кремня. Ничего не скажешь, все сделано хорошо, добротнo: и крючки, и шилья,

и ножи, и гарпунные насадки для крупной рыбы. Но разве же сравнишь с железом! Биар рубил каменным топором березу. Тяпал, тяпал, тяпал – без конца. А Сувор такую же березку снес в два удара. И еще одному ватажники дивились: Биар знал, что такое кремь, а что кремь огненный камень, было Биару невдомек.

Доброга велел плыть дальше. Биар вместе с молодой девушкой, ее звали Бэва и она была дочерью Биара, погрузился на расшиву старосты. Бэва принесла с собой корзинку, обмазанную глиной, и запас угольков, чтобы кормить огонь. И верно, без железного огнива из кремня не выбьешь искру на трут.

Река Двина оказалась большой, полноводной, не как Вага, хотя и Вага в половодье казалась не меньше, чем Волхов. Биар знал Двину и показывал, как лучше срезать петли и держаться на стрежне. Ночевали в местах, которые указывал новый друг. Встречали вежи, подобные тем, что были на мысу, но людей не видели.

На третий день повольники отошли от ночлега и заметили, что снизу поднимается целое войско. Не менее двух десятков больших лодей заняли стрежень, а вблизи берегов, по слабому течению, бежали, как утки, вереницы малых лодок.

Повольники затабанили веслами и поставили расшивы рядом. Они спешили вооружиться, хватались за шлемы, у кого они были, напяливали кольчуги. Нежданно получилось – и никто не мог сразу найти нужное, вдвоем и втроем хва-

тались за одно. Кто успел натянуть спущенную тетиву, у того нет стрел. Другой искал щит, а сам на нем топтался.

На Доброгиной расшиве было больше порядка, но и на ней опоздали. Вверх по Двине забежали легкие лодочки и охватили повольников. На каждой лодке двое гребли широкими веслами, а трое или четверо натягивали луки.

Доброга кричал:

– Береги гребцов! Прикрывайся щитами!

А стрелы уже летят!..

На крайней из трех ватажных расшив опустились сразу два весла с одной стороны – и не поднялись. Расшива повернулась, и ее, как бревно, потащило течение. Еле справились.

Кто не успел вооружиться, тот присел на дно, прячась за бортами. Большие лоды приблизились, и от них, как рой шершней, помчались стрелы.

– К берегу, к берегу гребите! – распорядился Доброга. Он стоял на носу своей расшивы в шлеме и в кольчуге, а Заренка двумя щитами прикрывала его и себя.

Все три расшивы повернули дружно. Одна большая лодья оказалась между повольниками и берегом. Расшива Одинца ударила в нее, пробила легкий кожаный борт. Лодья перевернулась, и расшива прошла над ней. За кормой, как гагары, из воды выскакивали головы чужаков.

Ватажники с размаху выбросились на пологий бережок, выскочили кто в мелкую воду, кто на сухое, и повернули расшивы бортами к воде, чтобы укрыться.

А на реке вопили и гомонили чужаки. Нестройно свистели в дудки и стучали в бубны. И большие и малые лоды тучей нависали над берегом.

На твердой земле повольники опомнились, взялись за луки, начали выцеливать по-охотничьи и, выпустив десятка три стрел, отогнали чужаков от берега.

А и много же чужаков! Обойдут лесом, набросятся разом с воды и суши, тут и конец. Ватажники бросились рубить деревья для засеки. Валили деревья и злились с каждым сбитым деревом, кляли друг друга за беспорядок, за растерянность. Расшивы захламили, многие только на берегу добрались до своего оружия!

У четырех ватажников были прострелены шеи, у пятерых стрелы засели между ребер, а трое были ранены в живот. Эти плохи, выживут или нет – неизвестно.

На счастье, чужаки имели легкие стрелы – не с железными, а с костяными насадками. Чужаки-лучники били метко и часто, но их стрелы не могли пробить голову или застревали в теплой одежде.

Повольники устроили засеку, но их гнев не утихал. Тот, кто под тучей стрел только что прощался с жизнью, теперь сосал ладонь, проколотую стрелой, и требовал боя.

Чужаки издали посылали стрелы, которые без силы падали около ватажников. Одинаец зашел в воду по колению и до плеча растянул длинный двухаршинный лук, подарок Изяслава. Тяжелая полуторааршинная стрела пролетела над во-

дой, до перьев вошла в кожаный щит, и пораженный чужак упал в воду с большой лодьи. Одинаец послал вторую смертельную стрелу. Чужаки отгреблись еще дальше от берега. Мужик хотел еще посчитаться за товарищей и за свое разорванное ухо, но Доброга позвал его:

– Будет. Не мечи стрел, береги.

2

Из леса потянуло дымком, за засекой кто-то ходил. Два десятка повольников обошли засеку по воде, бросились в лес и заметили чужих. Сувор настиг одного из них и уложил краем щита. За остальными не погнались, из страха попасть в засаду в незнакомом месте.

Подобрали оружие, брошенное убежавшими чужаками: гладкую, как цепилка от цепа, палку со вставленным в толстый конец моржовым зубом, еще дубинку с прикрученным жилами большим острым кремнем, и олений рог на палке, похожий на тот, с которым Биар вышел к повольникам на мысу. Нашлась мазанная глиной корзинка с горячими углями, тоже похожая на биаровскую. Только тут хватились повольники: а где же сам Биар с девушкой Бэвой?

Их не было, они убежали, а как и когда, того в общей суматохе никто не видел.

Повольники рассматривали оружие чужаков. Плохое. От него достаточно одной кожаной подкольчужной рубахи, не

то что кольчуги. Сделано хорошо, прочно, но против железного ничего не стоит. Чужаки не выдержат рукопашного боя. А чтобы укрыться от стрел, Доброга придумал на борта расшив набить еще по две доски, для весел прорубить дыры и сверху прикрыться плетнями из веток.

Раненых уложили на хвойные постели и залили раны топленым жиром. Заренка держала на коленях голову своего двоюродного брата Радока. Радоку стрела угодила в бок. Вырвали ее. Парню плохо. Едва слышным голосом он просил, чтобы сестра спела любимую и грустную новгородскую песнь:

Ты скажи, Расскажи, Расскажи, не забудь,
передай, повести всему людству.
От отца не скрывай, от братьев не таи,
матке слово снеси.
Что пропал я не зря, не сглупа потонул,
не в болоте загряз, не в гульбе я пропал.
Сговорился я сам с Черным лесом глухим,
обженился я сам на широкой реке.
Доброй волей пошел, доброй волей гулял,
доброй волей все взял.

Радок смотрел в вольное небо и шевелил губами. Ему казалось, что он тоже что-то поет.

Но ему мнилось, что кругом не товарищи, что он лежит не на мягкой хвое и не воздухом дышит. Его колыхала про-

зрачная, мягкая, теплая волна, и он опускался в подводное царство. К нему склонялись и его ласкали водяные розы. Он уходил глубже. Из чашечек роз выплывали красавицы, обнимали парня белыми руками, и он не мог насытиться счастьем...

Сговорился я сам с Черным лесом глухим,
обженился я сам на широкой реке.
Доброй волей пошел, своей волей гулял,
я сам долю нашел, сам ее я и взял...

Вода холодела и темнела. Радок затрепетал, искал и прижимал к себе невиданную красавицу, чтобы согреть сердце о сердце, приподнялся, глядел не мигая, но более не видел. Сестра прикоснулась к спокойному лицу и смежила брату веки. Роняет теплые женские слезы.

На руках Или другой повольник прощался с жизнью.

3

Повольники трудились без отдыха всю короткую ночь, нарастили борта расшив и наготовили плетней. Теперь и настоящей стрелой не пробьешь, не то что слабой костяной. Можно сталкиваться на воду и считаться с чужаками за своих покойников. Из раненых семеро уже похолодели, а двое выходятся или нет – кто скажет.

В лесу за засекой, где стоял дозор повольников, было спокойно, и река против случайного стана опустела. Но чужаки не ушли.

На том берегу над деревьями и кустами поднимались дымки от костров. Бубны стучали и там, и в лесу этого берега. Пересвистывались дудки. Чужаки переговаривались.

Доброга на одной расшиве выплыл на стрежень. В излучине ниже стана были причалены большие лоды чужаков. Доброгу заметили. Чужаки бежали по берегу и лезли в лоды, готовясь отчаливать. Часто и тревожно били бубны.

Выше стана прямо на реке стояли на якорях пять больших лодей. Около них, как собаки на поводках, держалось десятка два маленьких лодок. Двину берегли с обеих сторон и держали повольников в осаде. Доброга вернулся на стан.

Повольники обсуждали, как им быть. Выждать, чтобы дело само показало? Чужаки дождутся, когда ветер потянет с берега, зажгут лес и выкурят на воду... И кто же знает, не послали ли они еще за своими? Лучше тотчас, первыми напасть, не теряя времени попусту. И так и так – драться.

Да, быть бою. Три расшивы, укрытые от стрел, смогут смять и потопить большие лоды чужаков. Одну уже разбили. А о малых лодочках и судить не приходится. На воде верх будет за повольниками, хотя их осталось лишь четыре десятка, а чужаков будет несколько сотен.

Повольники судили правильно, и Доброга соглашался сначала напасть на верхние лоды, потом смять нижние. Чу-

жаки сами разделились. Побить – побьем. А дальше что?

Некоторые товарищи предлагали вернуться на свою реку, как привыкли называть Вагу. На ней места много и нет чужаков. Другие настаивали побить и покорить чужаков, взять выкуп и обложить погодной данью.

Как случилось и на больших и на малых вечах, повольники разбились почти поровну и, отстаивая свое мнение, бранились и грозились. В увлечении одного столкнули в реку – хорошо, что на мелкое место. А бубны чужаков, будто принимая участие в споре, били часто и тревожно.

Доброга крикнул:

– Чужаки налетают! Чужаки!

Горячие головы опомнились. А не вернуться ли к товарищам и не решать ли всей ватагой, как дальше поступать с чужаками?

– Не любо с чужаками драться для драки, – сказал Одинец. Он до сих пор молчал. Его кафтан был в крови, разорванное стрелой ухо распухло, как гриб. – Мы здесь не для того, чтобы, как на льду, тешиться кулаками. Уж если драться, так чтобы был толк...

Одинец не кончил – в лесу раздался чей-то крик. Прислушались.

– Доброг-га! Доброга!

Что же там за чудо? Кто зовет старосту?

– Э-гей? Кто ревет?

– Доброга! Доброга!

А ведь это голос Биара!

Староста перебрался через засеку и позвал рыболова. Тот выскочил из-за дерева и спрятался. Бойтся. Доброга бросил рогатину и меч и пошел безоружный. Биар выбежал навстречу.

4

Оказалось, что чужаки хотели говорить с повольниками, так Доброга понял Биара. Как говорить, не хитрят ли? Повольники приготовились к бою. Биар принес бубен, обтянутый с обеих сторон кожей, разрисованной фигурками медведей, оленей и собак. На стук биаровского бубна снизу выплыла большая лодья, полная людей. С нее Биару отвечали на бубне же, а остальные бубны замолкли, и на реке сделалось тихо. Чужаки были безоружные. Их лодья медленно и наискосок правила к стану. Гребцы стоя работали тонкими веслами с широкими лопастями, обтянутыми кожей.

Лодья подошла так близко, что сделались видны жилые швы на кожаных бортах и лица чужаков. Они были смуглокожие, черноволосые, как Биар, с редкими бородами. Несмотря на теплый день, чужаки были одеты тяжело. У одних с плеч свисали плащи из мехов, собранных хвостами вниз, другие носили шитые собольи шубы. Блестели кафтаны из рыбьей кожи, узорчато расшитые цветными ремешками. Старшины. Они махали руками и показывали повольни-

кам пустые ладони.

В дымокурах потрескивали ветки, в лесу одиноко каркал ворон. Над рекой с писком вверх-вниз, вниз-вверх летали чайки. Около кожаной лодьи выскочила большая рыба.

Седой высокий старик, опираясь на длинную бело-желтую кость, переговаривался с Биаром. Биар, показывая на свои пустые руки и на лодью, старался объяснить, что не надо оружия.

– Чужаки не боятся, и мы не трусливее их. – Повольники побросали топоры, луки, рогатины, выбросили ножи из сапогов. Кто был в шлеме, тот снял железную шапку.

Доброга стащил с себя и кольчугу и вместе с Биаром звал чужаков руками и голосом. Лодья причалила, и люди попрыгали на берег. На борту остались гребцы и старик с костяным посохом.

Один из чужаков заговорил. Чудно: Доброга понимал его слова. Он говорил по-вепси и внятно, хотя ломал слова. Те из ватажников, которые знали вепсинскую речь, тоже слушали.

– Какие вы суть люди, – спрашивал чужак, – и зачем вы к нам пришли?

Он разговаривал с Доброгой, а знавшие вепсинское наречие переводили для остальных.

– Вот оно какое дело. Он говорит, что чужаки узнали о нас от рыболовов, которые бежали с мыса. Дескать, неведомые люди тех рыболовов, которые не успели бежать, побили. Понимай, что мы убили Биара с Бэвой и еще тех двух. Вот и

собрались чужаки, чтоб нас наказать и прогнать...

– Когда они узнали от Биара, что мы никому худого не сделали, они его, Биара, послали к нам.

– Говорят: напрасно мы у вас, а вы у нас людей побиили сторяча...

– Говорят: не нужно убивать людей. А нужно ловить зверя и рыбу. В лесу и в воде для всех припасено много зверя и рыбы.

– Говорят: хотите, будем еще биться. Не хотите, будем мириться. У вас горе, у нас горе.

– Человек от бури гибнет, от мороза гибнет, от хворости гибнет, от старости гибнет. А один другого люди не должны губить...

Кончилась речь вепсина. Доброга со светлым лицом повернулся к ватажникам:

– Что же, други? Будем судить вечем или сразу решим общим голосом? Я так считаю: дело простое, нечего головы ломать!

Одинец первым ответил, со всей силой отрубив рукой:

– Чего же нам?! Мы и не хотели входить в чужую часть! На всех хватит и без того. Быть миру!

– Быть миру! Быть миру и дружбе!

Толмач что-то сказал старику в лодке, и тот махнул костяным посохом. Чужаки вытолкнули к Доброге какого-то человека, с ног до головы закрытого черными соболиными шкурками. Толмач пояснил:

– Мы первые пролили вашу кровь. Мы даем вам женщину, чтобы она вам рожала новых людей.

Из соболиных шкурок высунулась знакомая голова – это же Бэва!

Доброга положил девушке на плечо руку и усмехнулся:

– Девушка добрая, и ее должно принять. У меня есть жена. Пусть же она сама выбирает из холостых ребят, кого захочет.

Толмач перевел. Путаясь в собольих хвостах, Бэва подошла к Сувору. Парень ее обнял. Мир закреплен!

Чужаки побежали к повольникам и пустились обниматься. Старик в лодье поднял костяной посох и потряс им. Повсюду на берегах ударили бубны, и к стану ватажников побежали кожаные лодьи и лодочки. Кричат чужаки, радостно кричат, надо думать, одно кричат все люди, которые избавились от мысли о войне:

– Не будет крови, не будет! Мир!

Новые друзья натащили в стан повольников свежей рыбы, битой дикой птицы, икры в берестяных и лубяных туесах, угощали, не отставая, совали прямо в рот.

Толмач рассказывал, что он, сам от рода вепсин, уже давно забрел в эти места и в них прижился. Народ здесь добрый, живет в низовьях Двины и на берегах того соленого моря, в которое впадает Двина. Этот народ зовет себя биарами. Слово же биар значит человек. Биары – дети Великой Воды, богини Йомалы.

Вверх по реке на нерест шли сильные косяки рыбы. Гладь Двины рябила несчетными спинами. В воде было тесно.

Часть четвертая

У моря

Глава первая

1

Новгородцы любили лес и, слыша о землях, где нет леса, не понимали, как может там жить человек. Лес давал зверей и птиц, деревья для изб, расшив, для оружия и снасти и пламя для очага, священного очага рода. Лес давал великую красоту, без него земля казалась бы плешивой, как темя хилого старца.

Лес – сын Земли, так же как сами новгородцы. Они любили Землю, щедрую и добрую мать, она не отказывала в хлебе человеку, который умел полить ее своим потом. Все происходило от Земли, все рождалось в ее лоне. Земля держала на себе реки, озера и моря, зачинала и сладкие и горькие ключи, из воды которых выпаривали дорогую соль. Земля родила камень для очагов и дарила огненный камень – кремень.

В своей заботе о человеке Земля собирала в болотах железо. Сотворяя человека, Земля дала ему крепкие кости от камня, мясо – от плодородной почвы и кровь – от воды. Вода в теле человека – соленая кровь сердца, вода в морях – кровь Земли.

Далеко, за Черным лесом, за реками и озерами остался Новгород. Повольники плыли вниз по Двине к соленому морю. Вскоре еще одна река не меньше Ваги втекла в Двину, но с правого берега, и Двина расширилась, покрылась лесистыми островами. Обиармившийся вепсин Анг, который толмачил при заключении мира с биармами, показывал повольникам удобные протоки и рассказывал о биармах.

У биармов нет города, они не нуждаются в городах. Они живут родами и малыми починками по морю. С весной многие поднимаются за рыбой по Двине, но далеко не ходят. И зимуют у моря. Редко кто остается так далеко на Двине ловить зверей зимой, как отец Бэвы Тшудд, которого ватажники по ошибке называли Биаром. Тот же Анг объяснил новгородцам значение имени реки: Вин-ё, освоенное новгородцами как Двина, значит Нежная, Тихая.

Двина была широка и многоводна, куда больше Волхова. Встречались хорошие луга, а леса были хвойные, с березой, ольхой, ивняком. Дуб и клен, как под Новгородом, здесь не росли. Много речек и рек Доброга и Одинец наносили на свои берестяные листы, запоминая и изучая новый путь, а жилие встречалось редко и только вежи биармов.

Расшивы повольников отошли от мирного стана, окруженные лодьями и лодками биарминов. Час от часу биармины отставали, оставались на местах, излюбленных для рыбной ловли. Через два дня не осталось никого, кроме нескольких человек на расшивах повольников. Они оповещали других биарминов, чтобы не вышло чего. Плыли свободно и мирно.

На четвертый день Двина расширилась еще больше, еще больше рассыпалась на рукава. Течение почти не чувствовалось. Ватажники узнали еще одно значение имени реки Вин-ё: Морской залив или Широкое речное устье.

Расшивы прошли за последние острова, и повольники увидели, как берега загнулись и вправо и влево, а прямо, на полночь, более не было ничего, кроме чистой воды до самого края неба. Так они, первые из всех новгородцев, вплыли в новое море.

2

Ватажники черпали воду и пробовали: сладкая, как в озере. Но вода была не такая, как в озере Нево, где видно дно на страшной глубине. Здесь было так же мутно, как на Волхове.

Даже Доброга никогда не видел морей, и сердца повольников волновались странным и необычным чувством. Морская даль манила и тянула. По воде катилась круглая добрая зыбь, море дышало, как грудью, и покачивало расшивы. По-

вольники отгреблись подальше от берега и вновь попробовали воду. Соленая вода, море! Над морем стояло чистое белое небо, и само море казалось белым.

Кто-то бежал из моря навстречу ватажникам и резал воду высоким черным плавником, пряча тело в море. Кто же это? Не спешило ли морское чудо, чтобы напасть на людей? Биармины заволновались и показывали руками, что не нужно биться. И вепсин приказал, чтобы повольники не трогали морское чудовище, а поворачивали к берегу.

Бежать? Да и не убежишь, вот оно. Чудовище отвернуло и мчалось между расшивами, чуть выставив черную спину с плавником. Одинец что есть силы метнул тяжелую боевую рогатину. И другие не опоздали: кто ударил рогатиной, а кто зазубренной острой.

Чудовище взметнулось и взбило кровавую пену. Широкий хвост рубанул по борту ближайшей расшивы, но доски уцелели, а железо пересилило. Зверь показал толстое серое брюхо, лег на бок и замер. Его подтянули за веревку, привязанную к остроге. Доброга взгляделся в свирепую морду со страшными зубами в пасти и пошутил:

– Вот так касатушка-касатка!

Слово-издевка, сказанное любимым старостой, понравилось повольникам. И прозвище «касатка», данное чудовищу в насмешку, навсегда пристало к злобному морскому зверю.

Расшивы потащили касатку к берегу. Вдали же виднелись какие-то большие рыбы, над ними взлетали тонкие струи.

Вепсин объяснил, что это тоже морские чудовища, которые бывают и в десять, и в двадцать, и в тридцать раз больше касаток. Уж не киты ли это, о которых повольникам приходилось слышать сказки?

3

У берега расшивы заскребли по камешкам днищами. Повольники выскочили в мелкую воду и выхватили расшивы. Стало быть, прибыли. А куда?..

Солнце белило небо и море. С земли подступал Черный лес, а между ним и морем оставалось ничейное место; голый каменистый берег подходил к земле со мхами и травами, которые покрывали первые древесные корни. В заливе обнимались море и земля, и земля струила из леса ручей сладкой воды.

Море ворожило, колдовски тянуло повольников. На опушке стояли две вежи биарминов, обтянутые кожей. Хозяева моря подошли к гостям. Повольники с моря не заметили жилья на берегах, а вблизи, как видно, жило немало биарминов: в залив вбегали лодка за лодкой.

Биарминовский народ валом валил поглядеть на пришельцев. Давно ли засыпали стрелами? Добрые люди.

Повольники кое-как вытащили на сушу касатку; биармины не помогали. Даже к мертвому зверю не каждый биармин решался подойти и на сухом берегу: водяные люди считали

касатку воплощением зла.

Самые храбрые мялись, мялись, а все же подошли. Они повытаскивали рогатины из жесткого тела и кое-как вырезали остроги костяными ножами. Они с громадным любопытством рассматривали железные насадки и щупали острые рожны. Поговорив между собой, биармины начали тыкать мертвую тушу и дивиться легкости, с которой железо вспарывало твердую шкуру. Они смеялись и махали тем, кто еще не осмелился подойти.

Один биармин взял рогатину Одинца и просил руками, чтобы ему позволили метнуть. Что же, для хорошего человека не жалко, мечи.

Биармин отступил шагов на сорок и сбросил меховой кафтан. Сутуловат, тело смуглое, чистое, руки длинные. Сильный мужик. Примеряясь, он взвесил в руке тяжелую рогатину и метнул в тушу.

Хороший охотник, он всадил рогатину чуть ли не как Одинец. Будто не веря своим глазам, биармин подошел поближе – и охнул. Он поднял свое копьё с костяным рожном и ощупал его.

Тут-то и поняли самые медленные умом повольники очевидную истину: биармины никогда не видали железа!

Доброга подозвал Одинца, Отеню, Сувора, Вечерку, Карислава, Игнача и Яншу и уселся с ними на опушке. Они за дорогу выделились умом и ухваткой, и староста хотел поговорить с ними. Чуть гудели сосны, биармины и повольники

возились у расшив и около касатки. И белое море лежало без края, без конца, до самого неба.

Нашелся конец Черному лесу, Земле и ватажной дороге. Доброге было и радостно и горестно. Теплый день, а его знобило. Он закашлялся, взявшись за грудь, а отдохнув, жарко заговорил с товарищами:

– Богатые места, народ простой и добрый, с ним прожить без спора легко. Что же, братья, думаю, что не искать нам больше добра от добра. Смотрите, биармины совсем не знают железа. Мы им железо, они нам отплатят. Они богатые и своего богатства сами всего не соберут, нам позволят пользоваться всем. Думайте, думайте. Они со своим костяным оружием и припасом сколько зверя и рыбы берут, а сколько возьмут с железным! А мы и того больше наловим. Будем здесь садиться, по морю.

Повольники глядели в бескрайное море и принимали все, что клал им в души умный староста.

– Наш долг боярину Ставру мы легко отдадим. Но ватажникам зря не меняться с биарминами. Пока не рассчитаемся с боярином, всю мену будет вести ватага от себя. Эх, мало у нас железа! Не снимешь же с себя последнее.

– Надобно домой в зиму погнать, – весело сказал Отеня, бывалый охотник. Он не хуже Доброги понимал великую удачу ватаги.

– Чего же? Дорожка пробита, – поддержал Карислав, молодой повольник, который был лета на три старше Одинца и

схож с ним силой тела и упорством души.

– Поперву и собака плутает, а по затескам и глупый не со-
бьется. Знакомый путик в Город, каждый дойдет, – подтвер-
дил Вечерко.

Доброга было закашлял, но, заметив Заренку, удержался.
Она села рядом, и староста обнял одной рукой жену. А она
положила мужу голову на плечо.

– Ума, ума, братья, приложим ко всему, – продолжал Доб-
рога. – Я так смотрю, что мы сюда налетели не коршунами
и не воронами, чтобы выбить добычу и – долой. Нужно сле-
дить, чтобы кто из нас сглупа не обидел биарминов. Медве-
дя рогатиной, соболя силком, птицу стрелой, землю сохой, а
соседа бери сердечной лаской.

– Верно говоришь. Мы будем крепки биарминовской
дружбой, – за всех согласился Одинец. – А железо бы здесь
поискать. Болот много.

– Поставим избу, и ты отдохнешь от дороги, – тихо сказала
мужу Заренка.

Кончилась дальняя дорога. Пора рубить жилье, трудом
брать землю и трудом овладевать новым морем.

Глава вторая

1

В устье реки Тихой-Двины берега и острова лесисты. А на правом от устья берегу моря, который тянется на восход солнца, лес слабеет. На бугристых холмах березняк не растет ввысь, а кустится. В низменностях расплзлись травяные и моховые болотистые луга, здесь биармины пасут свою осторогую скотину.

В своем хозяйстве биармины не держали лошадей, коров, овец, коз и свиней, к которым привыкли новгородцы. Для всего у биарминов была одна домашняя скотина – олень. Такие же олени водились в приильменских лесах, по Нево, Онеге и Свири. Новгородцы считали оленей диким зверем, а биармины сумели на диво приручить их пуще собак. Биармины и ездили на оленях, и доили, и брали с них мясо и шкуру.

Повольники облюбовали удобное место на правом берегу Двины около самого устья, на большой протоке, рубили лес для изб и для тына – хотелось прикрыться хоть небольшим островком. Соседи-биармины ни на минуту не оставляли своих новых друзей.

Закончив свои весенние ловли по Двине, биармины сотнями возвращались к морю и не сидели в покое. Они шныряли и на больших кожаных лодьях, и на маленьких лодочках по всем извилистым протокам устья и по морю.

Простой и добрый народ, честный. Каждая вещь из обихода повольников побывала в руках любопытных биарминов, но ничего не пропало. Вначале все же иной раз повольникам становилось боязно от многолюдства биарминов.

Надобны или не надобны и острожек, и тын, кто же скажет наперед? А будет спокойнее.

Строились с помощью биарминов. Карислав намашется топором и разогнет спину, а биармин тянется.

– Попортишь железо, мужик. Оставь.

Мало-помалу биармины и новгородцы начинали понимать друг друга в простых делах, и приятель биармин твердил Кариславу:

– Нет. Не попортишь. Нет, не попортишь.

– То-то! Гляди у меня!

Биармин смеялся, показывал на свои глаза и кричал:

– Гляди меня, гляди меня!

– Эх, да не так ты тяпаешь. Смотри, как нужно!

Карислав показывал, как держать топор и как бить, чтобы щепка кололась крупно и железо не мяло, а резало древесину. А биармин вертелся около, припрыгивал в увлечении и крикал под удары:

– Ах-а! Топ-пор!

Ему не терпелось:

– Давай топ-пор. Я! Я!

У всех заводились друзья, звали по именам. Отеня сидел на бревне верхом и ошкурял стругом кору, а оба его приятеля, Киик и Дак, пристраивались рядом и не могли дождаться своей очереди. Бревно поспевало вмиг.

Вечерко вырубал паз в стеновом бревне, и мелкая пахучая щепка летела в глаза Рубцу. Вечеркиного приятеля прозвали так за борозду, которую медвежий коготь пропахал от виска до подбородка биармина. Рубец мигал от щепы, отдувал губы, но не слезал с бревна. Вечерко передавал приятелю топор, Рубец плевал в ладони по-новгородски. Приходила Вечеркина очередь щуриться и мигать от щепы.

Биармины пригнали оленей и своими руками помогали вытаскивать бревна из леса и волочить из болота мох для конопатки избыных пазов. Не будь биарминов – и не успели бы с такой дивной скоростью избы и острожек.

По всему было видно, что биармины не знали злобы и вражды. Они привыкли к ватажникам, но к железу не могли привыкнуть. Они научились водить пилой, скрести стругом, тесать теслом и резать ножом, а все же твердое железо оставалось чудом, как в первый день.

Уже давно оголел очищенный чайками костяк от первой убитой касатки. Биармины вытащили кости подальше на берег и обвели их низкой стенкой из белых голышей. Меж пустых ребер они натывали острых жердей, чтобы показать,

как разило железо страшного злого зверя. Биармины выменяли Одинцову рогатину на три сорока соболей, но никто из них не взял себе чудесное могучее оружие. Они поставили в каменном кругу кожаную вежу перед зубастым касаточьим черепом и в ней утвердили рогатину рожном вверх. Биармины намазывали рогатину топленным жиром, кормили железо: – Чтобы все касатки знали, что на них есть сила и управа. Ладно. Дайте срок! У вас будет железа вволю. А пока терпите и молитесь на рогатину.

2

Повольники справились со стройкой, и Доброга послал одну расшиву с десятком людей вверх по Двине на Вагу, чтобы дать о себе вести товарищам и узнать, как у них идет жизнь.

В острожке от семейных стаяк тянуло теплым женским духом. Биарминка Бэва принесла новгородцу Сувору в приданое не одни соболя меха. Что меха: их Сувор отдал в общую добычу ватаги в погашение долга Ставру. Бэва училась от Заренки и Или хозяйству, перенимала навыки и равнялась ухваткой, теща мужа заботой.

Сувор привык к черным глазам, к смуглой коже и к косе цвета воронова крыла молодой жены, будто других не бывает. Ему первому пришлось дать вместе с биарминкой новгородский росток на берегу крайнего Белого моря. Будет дитя.

Кругом молодой пары не переводились Бэвины сродичи. Сколько же их? Не весь ли каменистый берег моря? Биармины умели и любили считаться родством. Они находили своих в самых дальних коленах и на досугах длинных зимних ночей, перебирая имена и прозвища, поднимались до двух первых людей, которых сотворила богиня Воды Йомала.

Рубец сосватал Вечерке свою сестру. Дак отдал за Отеню дочь. Браки скреплялись общими торжествами. То ли биарминам было любо родниться с железными людьми, то ли они стремились к закреплению союза, – об этом мало кто думал, кроме Доброги, но все брали жен с охотой.

Одинец же остался один. Его скорый брак был короток и нерадостен. Иля ушла к Кариславу, она не сжилась с Одинцом. На прощанье она сказала бывшему мужу:

– Ты скучный, все молчишь и молчишь. И слава о тебе идет, и тебя почитают, а ты как холодянка-лягушка. Мне с тобой холодно. Как огонь не берет залитую головню, так и тебя не зажечь.

Баба ушла к другому, а Одинцу все нипочем, будто ничего и не было. В одном Иля была права: с ней Одинец пусть был холоден, но другие не знали его холода. Верно говорится, что жене труднее угодить, чем миру.

Одинец завладел кузнечной снастью, которую ватаги всегда берут с собой для нужных починок, и ему некогда было скучать за любимым делом. К нему приросли четыре биармина так прочно, что их не разлить бы водой и не оторвать

клещами. Поглядел бы теперь Изяслав на подмастерье, которого он не раз хулил за небрежение к мастерству! Не пропали уроки зря. Одинцу наука пошла впрок.

Вместе с помощниками-биарминами он нажег угля, построил кузничку и наладил горновые мехи. Он работал в охоту и без усталости. Отпускал выщербленные пилы, зубрил и наново закаливал. Сваривал и наново перековывал треснувшие топоры, прямил и отгибал струги, острил долотья, правил ножи и делал любую работу.

У повольников нашелся небольшой запас сырого кричного железа. Из него кузнец изготавливал самое нужное для биарминов – гарпунные и острожные насадки. Много другого наковал бы кузнец, который не забыл ни одного слова из умельческих наговоров при ковке и закалке всякой снасти. А где взять железо? Не пустить ли в горн ненужные железные шлемы, бронь, кольчуги, мечи и боевые топоры? Нет, нельзя! Ватажники решили сохранить дорогое оружие. Неровен час... А новгородец без оружия – что медведь без когтей и зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.